

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Академия социологии и управления
Кафедра теории и истории социологии

Российская академия наук
Институт социально-политических исследований
Отдел истории социологии

В.П. КУЛТЫГИН

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Учебник для студентов
социологических факультетов и отделений

Под редакцией профессора Т.Н. Юдиной

Москва “Союз” 2000

ББК 60.5

К-56

Рекомендовано в качестве учебника для студентов социологических факультетов и отделений Научно-методическим советом по социологии и социальной антропологии Учебно-методического объединения университетов России

Култыгин В.П.

К-56 Современные зарубежные социологические концепции: Учебник / Под ред. Т.Н. Юдиной. – М.: Изд-во МГСУ “Союз”, 2000. – 158 с.

ISBN 5-94367-047-2

Настоящая работа является изложением материалов вузовского учебного курса для студентов старших курсов, специализирующихся в области социологических наук. В ней освещаются наиболее распространенные в мировой социологии концепции, служащие методологической основой многих социологических исследований начала XX века.

При ее подготовке использованы материалы последних мировых социологических конгрессов, а также материалы бесед автора с ведущими теоретиками социологии.

Книга адресована преподавателям, аспирантам и студентам социологических специальностей, а также всем интересующимся теорией, методологией и историей социологии.

ББК 60.5

ISBN 5-94367-047-2

© Издательство МГСУ “Союз”, 2000

© Култыгин В.П., 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава первая	7
<i>Ведущие тенденции в мировой социологической теории на рубеже тысячелетий</i>	7
1.1. Субъекты теории.....	7
1.2. Парадигмы социологической теории.....	9
1.3. Преобладающие тенденции.....	11
1.4. Терминологические инновации.....	13
1.5. Актуальные проблемы теории.....	14
1.6. Некоторые выводы.....	16
1.7. Вопросы и задания.....	18
1.8. Литература.....	18
Глава вторая	19
<i>Институционализация международного сотрудничества социологов</i>	19
2.1. Международный Институт социологии – старейшее профессиональное объединение социологов.....	19
2.2. Возникновение Международной Социологической Ассоциации.....	20
2.3. Отечественные социологи в МСА.....	23
2.4. МСА и современный мир.....	25
2.5. Вопросы и задания.....	26
2.6. Литература.....	26
Глава третья Теория социальной справедливости Гарвардской школы	27
3.1. Плюралистический подход в современной методологии социального познания.....	27
3.2. Д. Ролз – основатель теории справедливости.....	29
3.3. Основные принципы теории справедливости.....	33
3.4. Институты и механизмы социальной справедливости.....	36
3.5. Некоторые выводы.....	39
3.6. Вопросы и задания.....	39
3.7. Литература.....	40
Глава четвертая	41
<i>Теория социального обмена</i>	41
4.1. Становление теории социального обмена.....	42
4.2. Создатели теории социального обмена.....	43
4.3. Главные положения теории социального обмена.....	48
4.4. Основные допущения теории социального обмена.....	52
4.5. Понятие социального обмена.....	54
4.6. Понятие эмерджентности.....	57
4.7. Диффузный характер социального обмена.....	60
4.8. Социальный обмен и власть.....	63
4.9. Вторичный обмен.....	66
4.10. Перспективы теории социального обмена.....	69
4.11. Вопросы и задания.....	70
4.12. Литература.....	70
Глава пятая	72
<i>Постмодернизм</i>	72
5.1. Постмодернизм как направление в социальной теории.....	72
5.2. Понятие постмодерна.....	75
5.3. Категория симулякрума.....	80
5.4. Социологическая критика постмодернизма.....	83
5.5. Социальное время и пространство на стыке веков.....	89
5.6. Некоторые выводы.....	92
5.7. Вопросы и задания.....	94

5.8. Литература	94
Глава шестая.....	96
<i>Феноменологическая социология.....</i>	<i>96</i>
6.1. Сущность феноменологического подхода	96
6.2. Социальный мир А. Шюца.....	98
6.3. Этнометодология Г. Гарфинкеля.....	99
6.4. Изучение организационного поведения.....	105
6.5. Этнометодологическая критика социологии.....	107
6.6. Социологическая критика этнометодологии.....	109
6.7. Вопросы и задания	111
6.8. Литература	111
Глава седьмая.....	113
<i>Теория конструирования социальной реальности Лукмана и Бергера.....</i>	<i>113</i>
7.1. Предмет теории конструирования.....	115
7.2. Механизмы конструирования социальной реальности.....	119
7.3. Методологические предпосылки социального конструирования.....	120
7.4. Вопросы и задания	121
7.5. Литература	121
Глава восьмая.....	122
<i>Новые подходы в политической социологии.....</i>	<i>122</i>
8.1. Творческое сотрудничество социологов и политологов	122
8.2. Главные социально-политические проблемы современности	124
8.3. Социально-политические процессы в современном мире	131
8.4. Взаимодействие социальных наук на рубеже веков	136
8.5. Некоторые выводы.....	144
8.6. Вопросы и задания.....	145
8.7. Литература.....	145
Глава девятая	146
<i>Перспективы развития социологии в XXI веке.....</i>	<i>146</i>
9.1. Инженерные возможности социального знания	146
9.2. Потребность в интеграции социального знания.....	148
9.3. Цели развития социального знания в XXI веке	151
9.4. Вопросы и задания	156
9.5. Литература.....	156
Глоссарий	157
Библиография.....	161

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа является изложением материалов вузовского учебного курса для студентов старших курсов, специализирующихся в области социологических наук. В ней освещаются наиболее распространенные в мировой социологии концепции, служащие методологической основой многих социологических исследований начала XX века.

При ее подготовке использованы материалы последних мировых социологических конгрессов, а также материалы бесед автора с ведущими теоретиками социологии.

В книге рассматриваются не все существующие в современной социологии теоретические концепции, – да это и не представляется возможным, хотя бы ввиду ограниченности объема настоящего издания. Приоритет был отдан наиболее широко используемым, наиболее часто обсуждаемым теориям, можно даже сказать, наиболее “модным” в мировой социологии.

Материалы настоящей работы апробированы при чтении данного курса перед студентами Академии социологии и управления Московского государственного социального университета.

Книга построена следующим образом: в конце каждого раздела приводятся несколько вопросов и заданий, помогающих закрепить сущность изложенного материала, а также список литературы по проблемам, непосредственно затронутым в данном разделе. В конце всей книги дается краткий глоссарий терминов, получивших широкое употребление в социологической литературе в последнее время, а также краткая библиография по всему затронутому исследовательскому полю, доступная

широкому читателю.

Автор выражает благодарность руководителю Академии социологии и управления Московского государственного социального университета доктору социологических наук, профессору Г.И. Осадчей, заведующей кафедрой теории и истории этой Академии профессору Т.Н. Юдиной за возможность прочитать данный курс перед студентами и издать настоящую работу, а также научной сотруднице отдела истории социологии Института социально-политических исследований Российской академии наук Т.Н. Лукишиной за помощь при подготовке текста настоящего издания.

Книга адресована преподавателям, аспирантам и студентам социологических специальностей, а также всем интересующимся теорией, методологией и историей социологии.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ведущие тенденции в мировой социологической теории на рубеже тысячелетий

Наше социологическое поле исследования в последнее время очень быстро дифференцируется, а точнее, фракционируется. Что объединяет сегодня социологов различных ассоциаций? Формально это то, что по классификации ВАК записано как – теория, история и методология социологии.

Целью настоящей работы является попытка автора изложить его видение общей картины состояния мировой социологической теории.

1.1. Субъекты теории

Вероятно, справедливо утверждение о том, что сегодня существует господство, доминация западного подхода в мировой социологической теории. Надо признать, что, возникнув в середине XIX века, исходя из социальных потребностей западного общества, социологическая теория действительно является по преимуществу европоцентристской сферой. И, тем не менее, в настоящее время довольно определенно заявили о себе и имеют свое четко выраженное лицо и другие субъекты социологической теории, помимо Западной Европы. *Где* же действуют эти субъекты?

На монреальском XIV Всемирном конгрессе Международной Социологической Ассоциации (МСА) в 1998 году в президентском

докладе И. Валлерстайна очень много говорилось о не-западных, оригинальных концепциях континуума “социальное пространство – социальное время”, осмысление которого предложил арабский социолог Абдул Малек. У арабов восприятие времени и пространства совершенно другое, нежели в западном индустриальном обществе.

Самобытно и значимо развивается в настоящее время социология в Латинской Америке. Известно, что в результате настойчивых усилий латиноамериканских социологов МСА включила испанский язык в число своих официальных языков. Профессор Фернандо Кардоза, бразильский социолог, создавший теорию зависимости, был благодаря этой концепции с энтузиазмом избран своей нацией президентом Бразилии.

Достаточно интересно развивается социология в Израиле. Это продемонстрировала, в частности, работа 34 Всемирного конгресса МИС в Тель-Авиве в 1999 году. Концепции, предложенные Шмуэлем Айзенштайном, исследования Элиху Каца также вошли сегодня в мировой социологический тезаурус.

Проанализируем теперь, *кто* в настоящее время является социальным субъектом социологических теорий. Ведь социальная теория важна не тем, что она справедлива, истинна, вскрывает закономерности. Она становится некоторой силой в научном, а иногда и в более широком сообществе, когда сообщество ее поддерживает, когда она принимается, легитимизируется в своей профессиональной среде, когда у нее появляются сторонники, последователи, когда на основе этой теории начинает что-то происходить, развертываются последующие, вытекающие из нее действия.

Теория работает, когда она выходит на операциональный уровень, когда ее используют эмпирики-социологи. И с этих позиций *главными социальными субъектами социологических теорий являются профессиональные социологические сообщества, международные и региональные.*

Наиболее мощным из таких объединений является *Международная Социологическая Ассоциация*. Есть также сравнительно небольшое по числу участников объединение, в которое входят очень звестные социологи, – *Международный Институт Социологии* (МИС), существующий с 1893 года. Менее десяти лет назад появилось, но уже очень активно действует *Европейская Социологическая Ассоциация* (ЕСА).

У каждого из этих объединений есть свое лицо. Скажем, *Международная Социологическая Ассоциация* претендует на все без исключения поле социологических исследований. Как известно, в ее составе действует более 50 отраслевых международных исследовательских комитетов.

Международный Институт Социологии в последнее время ориентирован, главным образом, на политическую социологию, на отслеживание того, как стыкуются теории, принятые в современном обществе, и практика, социальная реальность.

Наконец, *Европейская Социологическая Ассоциация* также нашла свое собственное – интересно – лицо. Если кратко резюмировать ее сущность, то пафос деятельности ЕСА сводится к превращению Европы в Европу социального качества. Принята была даже специальная Амстердамская Декларация социального качества Европы, в которой описан чрезвычайно высокий уровень социальных достижений, показателей, выраженных в точных социальных индикаторах, за реализацию которых берутся европейские социологи. ЕСА претендует на то, чтобы стать официальной структурой в рамках европейского общества. Однако это – тема особого анализа.

1.2. Парадигмы социологической теории

Рассмотрим теперь основные парадигмы, в рамках которых формулируются современные социологические теории. Сегодня социологическое сообщество пришло к пониманию того, что

выводить социологические парадигмы следует не из деклараций. Так, Алвин Гоулднер предлагает выводить основные парадигмы социологической теории из неявных, латентных допущений, которые часто даже сам социолог для себя не сформулировал. Однако на основе этих, не до конца им самим осознаваемых, допущений и строится весь его подход.

Наиболее популярный в современной мировой социологии учебник “Современная социологическая теория”, изданный под редакцией Маргарет Полома, и выполненный в жанре хрестоматии (подборки текстов ведущих теоретиков), – выделяет три ведущие современные социологические парадигмы: натуралистическую, интерпретирующую и оценивающую.

Суть *натуралистической* парадигмы состоит в том, что социология должна строго следовать методологии и методике естественных наук. Строгая опора на объективные факты, и только факты, – зафиксированные, воспроизводимые, прогнозируемые, – это и есть идеал научного познания.

Главным критерием научности здесь, в частности, выступает применение математических методов. Это – один из подходов, он сегодня является достаточно живым и широко используемым. На любом социологическом конгрессе примерно 80% всех докладов обязательно сопровождаются строгими математическими выкладками, они основаны на солидном математическом анализе.

Вторая парадигма – *интерпретирующая* социология. Эта социология утверждает, что процессы социального познания качественно отличаются от иных познавательных процессов. Это новое качество социальных процессов связано с их осознанием людьми, с переходом на уровень осмысления процессов и, соответственно, формулированием выводов об этих процессах. Понятно, что свое начало эта парадигма ведет от “понимающей социологии” М. Вебера. ,

Кто сегодня развивает это направление? Прежде всего, в его рамках действуют, в частности, теоретики феноменологии, этнометодологи школы Г. Гарфинкеля.

Наконец, существует и *оценивающая* социология. Действующий в ее рамках социолог пытается не только добыть истину, но и связать эту истину с целями деятельности. Задача этой деятельности – на основе знаний произвести какие-то благоприятные изменения в социальных процессах и явлениях. Понятно, что начало такому парадигматическому подходу положил К. Маркс с его знаменитым тезисом о том, что “философы различным образом объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы преобразовать его”.

Какие современные социологические теории представляют данную парадигму? Здесь представлен значительный ряд теорий: и теория социологического воображения Ч. Райта Миллса, и социотроника А. Гоулднера, и особенно популярная в современной западной социологии концепция “открытого общества”, предложенная Карлом Поппером и Амигаем Этциони. Согласно Этциони, “открытое общество” – это общество, члены которого социально ответственны и контролируют социальные процессы на основе полного доступа к знанию, к информации, и на этой базе они принимают гласные решения. А “закрытое общество” – это то общество, где лишь имитируется доступ к информации, а также гласность принятия решений.

1.3. Преобладающие тенденции

Перейдем к рассмотрению наиболее характерных тенденций в современной теоретической социологии.

Среди преобладающих тенденций в мировой теоретической социологии следует выделить, в частности, такие:

- Безусловно, зачастую в современных социологических теориях присутствует некоторый *фатализм*. Фатализм этот можно найти и у Френсиса Фукуямы в его знаменитом “Конце истории”. Еще больше его можно обнаружить в постмодернизме, согласно которому общество становится

все более неуправляемым, невозможно добиться перелома неблагоприятных, негативных тенденций, все идет неизвестно куда и неизвестно зачем.

- Следующая ярко выраженная тенденция – *политизация социологии*. Неожиданно политизированными оказываются очень многие области и исследования в социологии, даже, казалось бы, весьма далекие непосредственно от политической социологии. Это, в частности, особенно четко просматривалось на последнем, прошедшем в XX веке, Всемирном конгрессе Международного Института Социологии (Тель-Авив, июль 1999). Он весь был посвящен, по сути, политической тематике - на нем шел разговор о том, что в современном мире идет политизация всех социальных процессов.
- Еще одна тенденция – *фракционализация социологических дисциплин*, дробление предметных областей социологического анализа, доходящее иногда до совершенно ненужных частных деталей. Так, Эрвин Шойх ставит вопрос о том, что же качественно нового для социологии дало, скажем, выделение гендерной социологии из социологии семьи, какие новые открытия получены в результате этого.

Сейчас появляется много мелких отраслей, которые под другими названиями дают то знание, которое в общем уже известно. Это мешает общему развитию социологии, потому что каждая институционализированная дисциплина начинает с того, что строит вокруг себя “забор”, прежде чем начать делать что-то конструктивное. Таким образом, она стремится оградить себя от внешнего давления.

При этом большая часть сил как раз и уходит на построение этих институциональных “заборов” между внутридисциплинарными специализациями.

- Однако, несмотря на эту дифференциацию, происходит и

расширение междисциплинарных подходов. Самое неожиданное сочетание сотрудничающих наук, самые необычные подходы дают достаточно интересный результат. Сегодня новые значительные достижения возникают именно на стыках наук.

- На еще одну тенденцию современной теоретической социологии указывает экс-президент Международного Института Социологии Э.Шойх. Он считает, что в настоящее время *теория социологии колонизирована, захвачена микроэкономикой.* Под флагом так называемого “рационального выбора” сегодня осуществляется попытка подменить собственно социологическую теорию некими микроэкономическими построениями.
- Наконец, несмотря ни на что, сегодня среди многих серьезных теоретиков наблюдается возрождающееся настоятельное *стремление развивать “критическую теорию”.* Если говорить точнее, идет поиск новой критической теории. В частности, в качестве одного из центральных вопросов повестки дня при проведении исследовательским комитетом по социологической теории МСА в августе-сентябре 2000 года в Кембридже Международной конференции по проблемам социологической теории обозначена проблематика новых стимулов для развития критической теории в наше время.

1.4. Терминологические инновации

Рассмотрим инновации в современной социологической терминологии. В качестве примера такой терминологической инновации следует рассмотреть два термина, получивших особо широкое распространение в последние три-четыре года – симулякрум и культурная травма.

Симулякрум – это некоторое теоретическое построение,

отражающее образ социальной реальности. Мы живем, не общаясь непосредственно с социальной реальностью и не анализируя непрерывно непосредственную реальность. Сначала мы строим для себя воображаемое представление о реальном объекте, воображаемый образ реальности и с ним работаем.

Симулякрум есть наше представление, видение реальности или какого-либо элемента реальности. Есть разные степени совпадения симулякрума с реальностью. Полностью симулякрум никогда не совпадает с реальностью. Это совпадение может быть приближено к истинному положению дел, а может быть и совершенно противоположным ему по значению. Симулякрум может вообще не иметь никакой связи с реальностью. Таким образом, наше понимание действительности, наша социальная рефлексия всегда оказываются опосредованными этими симулякрумами.

Теперь несколько слов еще об одном термине.

В самое последнее время стэнфордская группа исследователей во главе с Джеффри Александером, в которую также входят, в частности, Марсель Фуко, Нейл Смелзер, Петр Штомпка, выдвинула концепцию “культурной травмы”. *Культурная травма* – это разрыв некоторых социальных тканей и процессов, а также отношение общества, социальных теоретиков к этому разрыву. При этом решающее значение имеет не сам разрыв, он может быть и безболезненным, но именно события, происходящие вокруг этого разрыва.

1.5. Актуальные проблемы теории

Рассмотрим проблемы, находящиеся сегодня в фокусе современной социологической теории.

Для иллюстрации этой проблематики обратимся к докладу интересного французского теоретика Мишеля Вевёрки, являющегося ближайшим сотрудником Алена Турена, на 34

Всемирном конгрессе МИС в 1999 году. В этом докладе он акцентирует основные теоретические проблемы, стоящие перед социологом, изучающим современное западное общество.

Вевёрка утверждает, что западные общества в настоящий момент перестали быть индустриальными. Главным вопросом, стоящим перед западным обществом в связи с этим, является: *будет ли труд продолжать оставаться основой западного общества?* Сегодня ценность труда отходит на 5-10-е место. К сожалению, и в нашем российском обществе социологи четко фиксируют, что труд в качестве базовой ценности не входит в пятерку наиболее значимых ценностей не только молодежи, но и всего населения, выявляемых с помощью массовых опросов. А это приводит ко многим социальным последствиям.

Вторая проблема, обозначенная Вевёркой, состоит в том, что сегодня *нация и все, связанное с приоритетом национального, не являются больше абсолютным благом.* Сегодня все больше и все чаще национализм выливается в ксенофобию, принимает антигуманные формы. Национализм приносит в сегодняшнюю социальную реальность много тревожных, даже опасных тенденций, которые взрывают не только общество в отдельной стране, но и весь мир.

Третье – идет трансформация социальных институтов, институты эти становятся чрезмерно политизированными. А задача современного момента состоит в том, чтобы перенести акцент в решении социальных проблем управления обществом с политических методов, предполагающих значительное наличие жестких мер, на более мягкие экономические, культурные механизмы. *В управлении должно преобладать не насилие или угроза его применения, а более тонкие способы гармонизации интересов классов, страт, групп.*

Четвертое – внутри современных обществ происходит дальнейшая культурная дифференциация, *растут культурные различия между отдельными группами. Резко плюрализируются идентичности.* Люди не столько идентифицируют себя с нацией

или государством в целом, сколько с конкретной социокультурной группой: профессиональной группой, группой друзей, группой любителей по интересам и т.д.

Перечислим те проблемы и темы, которые оргкомитет Международной конференции по проблемам социологической теории (Кембридж, август-сентябрь 2000 года, проводит МСА) обозначил в качестве наиболее актуальных. Среди них:

- проблемы постмодерна;
- нарастающий феминизм;
- приход визуальной культуры (вместо культуры чтения), ведущей к деинтеллектуализации общественного сознания;
- проблемы социологического воображения; кризис университетов (как отражение кризиса академической науки и системы образования);
- эксперименты с демократией в посткоммунистических обществах; любовь в постромантическую эпоху;
- постметафизические перспективы зла;
- социокультурная идентичность (отождествление человеком себя со своими референтными группками).

1.6. Некоторые выводы

Какие выводы следует сделать из обзора существующего положения дел в области разработки социологических теорий.

Сегодня в отечественной социологии звучит много алармистских, возможно, вполне оправданных заявлений и констатаций. Однако главная сила науки, очевидно, состоит не в эмоциональном призыве, но в рациональном осмыслении и после оптимальных решений любых проблем. В связи с этим вспоминается известная формула Б. Спинозы – ученый должен *“не плакать, не смеяться, но понимать”*.

Существует много людей, бьющих в набат, оплакивающих, эмоционально реагирующих на социальные факты, помимо ученых.

Задача ученых как части общества – трезво понять, что же на самом деле происходит и четко, спокойно аналитически препарировать концептуальную суть процессов, протекающих в обществе, их направленность и динамику.

Еще один вывод. В последние годы социологи озабочены процессами, происходящими в российском обществе, и появилась тенденция к определенной изоляции от внешнего мира, в том числе, а может, прежде всего – в области социальной теории. Выдвигаются на первый план идеи уникальности, неповторимости всего российского, необходимости решения всех проблем – и теории, и практики – исключительно собственными силами. Представляется, однако, что подобный *изоляционизм достаточно непродуктивен и даже опасен.*

Такое самозамыкание, как свидетельствует история, никому и нигде еще не приносило пользы, – ни самому самоизолирующемуся обществу, ни миру. В мире накоплен бесценный тезаурус интеллектуальных богатств, и не очень рационально сбрасывать со счетов этот огромный ресурс всего человечества.

Одновременно много ценного, полезного и применимого есть и в нашем, отечественном интеллектуальном опыте – того, что мы забыли, или на что не обратили внимания. При этом крайне важно, чтобы и этого бесценного отечественного опыта мы не вытаскивали бы выборочно отдельные имена и идеи, пусть даже когда-то несправедливо подавленные элементы нашей теории и истории, но чтобы *в полном объеме видеть весь отечественный интеллектуальный процесс.*

Ведь в нашем процессе осмысления российского исторического опыта всегда был широкий спектр подходов, оценок и предлагаемых решений. И мы должны *не хвататься за отдельные элементы осмысления этого опыта*, не бросаться из огня в полымя, из крайностей левизны в крайнюю правизну, из грубого материализма в бескрайний идеализм, но *видеть весь этот процесс живым.* Необходимо делать выводы, не на основе эмоционального присоединения к отдельным элементам этого процесса, но с учетом

всего комплекса факторов, условий и результатов.

1.7. Вопросы и задания

1. Опишите основные парадигмы современных социологических теорий.
2. Какие направления наиболее распространены в мировой социологической теории на рубеже XX – XIX веков?
3. С какими новыми социологическими терминами Вам пришлось встретиться сравнительно недавно?
4. Назовите, кто является субъектом социологической теории.
5. Следует ли российским социологам изолироваться от мирового социологического сообщества ввиду специфичности социального развития нашей страны?

1.8. Литература

Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1998.

Гидденс Э. Социология. – М.: УРСС, 1999.

Социология на пороге XX века. Новые направления исследований. – М., 1998.

Haralambos M., van Krieken R., Smith Ph., Holborn M. Sociology. Themes and Perspectives. – L.: Longman, 1998.

Giddens A. Introduction to Sociology. – N.Y.: Basic Books, 1998.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Институционализация международного сотрудничества социологов

2.1. Международный Институт социологии – старейшее профессиональное объединение социологов

Первая институциональная форма международного объединения социологического сообщества впервые возникла, как известно, по инициативе француза Рене Вормса в 1893 году в виде Международного Института Социологии. Институт объединял ведущих социологов мира и, несомненно, пользовался высоким авторитетом среди специалистов, однако по своей организации он являлся достаточно элитарным и замкнутым объединением, так как стать его членом можно было только по рекомендации нескольких членов и при единогласном одобрении всех остальных членов Института.

Кстати, российские ученые принимали активнейшее участие в работе МИС с момента его создания и до начала 30-х гг. Интересно взглянуть на национальный состав членов Института в начальный период его деятельности. Так, в 1894 году из 58 участников в МИС было девять британцев, по восемь человек из Франции, России, Испании, по четыре итальянца, немца, бельгийца, по два человека из Австрии и из Венгрии, португалец, швед, чех, двое ученых из Южной Америки, по одному – из Северной Америки и Японии. На IX Конгрессе в 1927 г. отмечалось, что из около ста членов МИС Россию

представляло пятеро ученых. В списках первых членов Института мы находим, в частности, ближайшего соратника О. Конта Г.Н. Вырубова, Я.А. Новикова, А.И. Чупрова, Е.В. Де Роберти и др.

Около двадцати наших соотечественников в разное время избирались вице-президентами МИС, а П.Ф. Лилиенфельд, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.А. Сорокин становились его президентами.

2.2. Возникновение Международной Социологической Ассоциации

В видоизменившейся форме Международный Институт Социологии существует и сейчас, однако после второй мировой войны центр тяжести профессионального общения и сотрудничества переносится во вновь созданную организацию – Международную Социологическую Ассоциацию, призванную стать гораздо более широкой и демократичной.

Международная Социологическая Ассоциация возникла по инициативе Департамента социальных наук ЮНЕСКО, подобно аналогичным ассоциациям экономистов, юристов политологов, которые затем объединились в Международный Совет Социальных Наук. Целью победителей, выигравших мировую войну, было недопущение впредь возникновения фашизма, ведущего к войнам между нациями и другим формам социальных трений.

Организационное совещание, на котором было провозглашено создание Международной Социологической Ассоциации, состоялось 14 октября 1948 года в Париже под председательством главы Департамента ЮНЕСКО Арвида Бродерсена. На нем присутствовали: от Франции – Жорж Дави, Жорж Гурвич, Габриель Ле Бра; от Нидерландов – Арье ден Холландер; от Швейцарии – Рене Кёниг; от США - Луис Виртц, Пауль Лазарсфельд и Отто Клинеберг; от Норвегии – Ерик Ринде. От Британии был приглашен Т. Маршалл, но, к сожалению, не смог присутствовать.

Темами для обсуждения были:

1. Продвижение социологии как науки и как действия (формулировка резолюции – поддержка во всех странах социологического изучения, преподавания и исследований с упором на научный характер и практический вклад социологии);
2. Международные исследования (поддержка межнациональных работ и создание инструментария, пригодного для сравнительных исследований);
3. Обмен информацией (обзор международных тенденций, выпуск информационного бюллетеня, справочная служба, центр первичной документации, распространение микрофильмов наиболее важных источниковых материалов и поддержка переводных изданий);
4. Личные контакты (включая международные встречи, обмен преподавателями и студентами, поддержку исследований за пределами страны исследователя).

На этом совещании было решено провести Учредительный социологический конгресс. Через полгода работы МСА национальные социологические ассоциации – члены МСА – существовали только в восьми странах: Бельгии, Бразилии, Германии, Италии, Китае, Нидерландах, США и Японии. В четырех странах ассоциации существовали совместно с представителями других обществоведческих дисциплин, а еще в десяти странах профессиональные объединения социологов действовали в форме институтов. Кроме того, существовало как минимум еще десяток стран, где социология присутствовала в академической жизни, однако не существовало ни ассоциаций, ни институтов.

Учредительный социологический конгресс состоялся в сентябре 1949 года в Осло. На нем была представлена 21 страна: Австрия, Бельгия, Великобритания, Дания, Египет, Израиль, Индия, Италия, Канада, Китай, Куба, Нидерланды, Норвегия, Польша, США, Турция, Уругвай, Франция, Швейцария, Швеция. В личном качестве от

Германии присутствовал Леопольд фон Визе. Президентом МСА был избран Л. Виртц, а Э. Ринде назначен исполнительным секретарем и казначеем. Первоначальным местопребыванием МСА стал Осло. Среди важных решений Учредительного конгресса были: проведение социологической конференции в 1950 году, организация международных обменов преподавателями социологии, составление справочника существующих социологических центров и регистров текущих социологических исследований, изучение возможностей финансирования межнационального исследовательского сотрудничества. Был создан Исследовательский комитет, чьей задачей было определение приоритетов и советы по значимости различных исследовательских работ и по сотрудничеству с различными международными организациями.

Как пишет Дженнифер Платт, “само существование МСА сыграло свою роль в увеличении количества ассоциаций... Как минимум 16 национальных ассоциаций существовало до 1950 г., хотя их распределение демонстрировало удивительно слабую связь с количественным распределением социологических исследований и преподавания; они включали Германию и США, но также Финляндию и Замбию. Одиннадцать национальных организаций были основаны в 1950 или 1951 гг. и присоединились к МСА в 1953 г. Например, *Österreichische Gesellschaft für Soziologie* было основано и стало членом МСА в 1950 г.; *La Sociedad Mexicana de Sociologia* основано в 1950 и вступило в 1951 г.; Британская социологическая ассоциация, некоторые из первых лидеров которой были среди отцов-основателей МСА, была основана в 1951 г. и немедленно вступила в МСА” [Platt J. A Brief History of the ISA: 1948-1997. – Montréal: The ISA, 1998. – P. 17].

Первый Всемирный социологический конгресс был организован Рене Кёнигом в Цюрихе в 1950 г. под девизом “Социологическое исследование и его влияние на международные отношения”, дав старт интеллектуальной деятельности МСА. Этот конгресс проводился частично совместно со вновь созданной Международной Ассоциацией Политических Наук. На нем был избран первый полноправный

Исполнительный комитет. Для номинации в члены Исполкома были сформулированы три критерия: преемственность, эффективность и доступность, и географическое расположение. Л. Виртц стал президентом, вице-президентами стали представители Бразилии, Великобритании и Франции, остальные члены Исполкома представляли Западную Европу, а также Египет, Индию, Польшу и Японию. Были подтверждены полномочия Ринде и местонахождение Секретариата в Осло, членство 11 национальных ассоциаций и 18 других органов.

Развитие национальных социологических ассоциаций получило сильный импульс после проведения Первого Всемирного социологического конгресса. За пятидесятые годы было создано и вступило в МСА, помимо указанных выше, 17 ассоциаций и еще двенадцать было создано и присоединилось к Международной Ассоциации в 60-х годах. Конечно же, они были очень разными, были и так называемые “бумажные” ассоциации, существовавшие лишь на бумаге и, тем не менее, процесс институционализации социологии в мире стал гораздо более интенсивным. Весьма характерно, в частности, что представительство социологов Восточной Европы значительно окрепло и составило к концу 60-х – 15% от общей численности МСА.

До 1962 года Всемирные социологические конгрессы проводились с интервалом в три года, а после 1962 года – через 4 года.

В 1962 году Всемирный социологический конгресс был проведен впервые за пределами Европы, в столице США Вашингтоне. Произошли серьезные изменения и в тематике работы конгрессов. Если в 50-х годах преобладали проблемы стратификации, то в 60-х годах круг обсуждаемых тем значительно расширился. До середины 60-х много тем было посвящено преподаванию социологии в учебных заведениях. С 1962 года были организованы специализированные исследовательские комитеты и главная часть работы конгрессов постепенно стала проходить именно к ним.

2.3. Отечественные социологи в МСА

На конгрессе 1966 года в Эвиане (Франция) впервые приняла участие делегация советских социологов. Для отечественной науки это было очень важное событие, так как оно значительно расширило возможности международного общения и сотрудничества наших социологов. Надо сказать, что наши социологи приняли не только активное участие в работе различных исследовательских комитетов, но сами стали инициаторами создания новых. Так, исследовательский комитет 08 (История социологии) был создан по инициативе И.С. Кона, исследовательский комитет 07 (Социология будущего) создал и возглавил И.В. Бестужев-Лада.

Первоначально существовали ограничения в структуре исследовательских комитетов. Общее количество участников в каждом из них не должно было превышать 18 членов, и от каждой страны в комитет должно было входить не больше двух человек. Членство осуществлялось приглашением со стороны комитета, что, конечно же, придавало элитарный характер работе этих органов. Однако впоследствии, не без активного участия социологов из Советского Союза и Восточной Европы, эти ограничения были отменены.

Одним из ключевых событий для МСА стал VII конгресс 1970 года в Варне (Болгария) по многим обстоятельствам. Впервые в истории Всемирный социологический конгресс был проведен в Восточной Европе, более того, в социалистической стране. Формы участия и представительность национальных социологических организаций были беспрецедентны как с точки зрения демократичности и доступности, так и массовости. Наконец, впервые с момента существования МСА в Устав этой организации были внесены радикальные, существенные изменения. Главными из них были введение статуса индивидуального члена, а также институционализация статуса исследовательских комитетов и введение механизма выборности при формировании всех структур МСА.

В Варне весомо прозвучал голос отечественных социологов, значительно поднялся авторитет исследователей, работавших в социалистических странах. Одновременно результаты Варненского

конгресса оказали громадное стимулирующее влияние на дальнейшее развитие социологии как в нашей стране, так и во всех социалистических странах. В нашей стране открылись десятки новых исследовательских социологических центров, кафедр, лабораторий. Значительно расширилась тематика проводимых в Советском Союзе исследований, перестали быть редкостью сравнительные международные исследования.

2.4. МСА и современный мир

Особое место в истории МСА занимает XI конгресс в Нью-Дели (Индия) в 1986 году. Впервые азиатская страна, один из лидеров Движения Неприсоединения, стала страной-организатором, принявшей представителей мирового социологического сообщества.

Надо особо отметить радушие и гостеприимство индийских хозяев, надолго запомнившееся всем участникам. Кстати, именно эти приятные воспоминания и привели к тому, что на следующем X конгрессе в Мадриде (1990) президентом МСА, совершенно неожиданно для многих западных участников, был избран представитель Индии профессор Умма. Впервые в истории профессионального сообщества его избранным лидером стал ученый из Азии.

Подводя итоги пятидесятилетнего существования МСА, английская исследовательница, член Исполкома МСА Дженнифер Платт отмечает: “За пятьдесят лет своей истории МСА существенно изменилась. Она выросла из небольшого органа с преобладанием евро-американской элиты в мире, где было мало социологов, в гораздо более широкий и более сложный орган, действующий в мире с гораздо большим числом социологов и широко институционализированной и внутренне более дифференцированной социологией. Она также выросла из органа, зависимого от ЮНЕСКО, в орган с гораздо большей автономией; это означало возросшее внимание к исследованиям, нежели преподаванию и распространению знаний, хотя упор на интернационализм и поддержку социологии в

социологически менее развитых районах остается.

Следовательно, она стала, по крайней мере, для тех, кто участвует лишь в деятельности Конгрессов и исследовательских комитетов, больше похожа на большую национальную организацию и меньше на ассоциацию со специальным порядком работы... Постоянно существует напряженность между национальными и интеллектуальными критериями в репрезентации и политике МСА, хотя организационный баланс сместился в сторону интеллектуального представительства.

Однако мировые коммуникации еще не настолько эффективны, а межнациональное социологическое сообщество еще не настолько сильно, чтобы геополитические или лингвистические характеристики коллег (а не личностные) не имели бы значения”. [Platt J. A Brief History of the ISA: 1948-1997. – Montréal: The ISA, 1998. – P. 55].

2.5. Вопросы и задания

1. Кто из наших соотечественников в разные годы возглавлял наиболее влиятельные международные социологические организации?
2. Расскажите о создании Международного Института Социологии.
3. Какие цели преследовало учреждение Международной Социологической Ассоциации?
4. Участие нашей страны в международных социологических связях во второй половине XX века.
5. Каковы, на Ваш взгляд, дальнейшие пути развития мирового сотрудничества в социологической науке?

2.6. Литература

Култыгин В.П. Мировое социологическое сообщество на рубеже тысячелетий // Социологические исследования. – 1998. – № 12.

Култыгин В.П. Социальное знание и реальность: противоречия в познании и развитии современного мира // Социологические исследования. – 1999. – № 12.

Platt J. A Brief History of the International Sociological Assotiation: 1948-1997. – Montréal: The ISA, 1998.

Schuerkens U. The Congresses of the International Institute of

~

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Теория социальной справедливости

Гарвардской школы

3.1. Плюралистический подход в современной методологии социального познания

С семидесятых годов двадцатого века в западной социологии и примерно лет пять в отечественной ведутся усиленные разговоры о кризисе социологической науки как академической дисциплины. Несомненно, что имеются определенные основания для подобного рода беспокойства. Бесспорно, однако, и то, что обычно ощущение методологического кризиса в научной дисциплине предшествует серьезному качественному продвижению в данной отрасли знания.

Кризис этот характеризуется сегодня тем, что, во-первых, некогда провозглашаемые социологией претензии на роль методологического координатора всех социальных наук явно не соответствуют современным возможностям социологии; во-вторых, реальные социально-инженерные приложения нашей науки не только не обеспечивают при массовом применении надежного достижения заданных результатов деятельности, но часто и не дают гарантированно точного прогноза развития анализируемых тенденций и явлений; в-третьих, современная социологическая наука не может похвастаться достаточно стройной, гармоничной и убеждающей картиной социального мира и его динамики.

В подобных ситуациях обращаются к пересмотру основополагающих методологических посылок в данной отрасли знания. На наш взгляд, наиболее далеко и плодотворно продвинулся английский исследователь Джеффри Александер, работающий сейчас в Гарвардском университете США.

Он предпринимает то, что в начале века сделал наш выдающийся соотечественник М.М. Ковалевский, предложивший плюралистический подход в социологии, но, естественно, на новом, более высоком уровне. Ковалевский в начале двадцатого века убедил мировое сообщество в том, что не стоит искать какой-то один, определяющий и все детерминирующий фактор социальной динамики – общество есть сложное полифакторное образование, и многие факторы комплексно воздействуют на сдвиги, происходящие в социальной среде.

Александер же стремится ввести новый тип ментальности в мире социологов, подобный тому, который возник в физике, когда она экспериментально подтвердила существование у лучистой энергии и волновой, и корпускулярной природы. Физикам пришлось смириться с существованием одновременно как минимум двух не стыкующихся, но одинаково правильных методологических подходов к изучению одного и того же явления. Александер убеждает в том, что нет и не может быть некой универсальной, все связывающей социологической

теории, с унитарных позиций объясняющей все процессы, протекающие в обществе, и заменяющей все прежние, не стыкующиеся между собой социологические концепции.

По Александеру, каждый из утвердившихся в социологии подходов – будь то структурализм или интеракционизм, марксизм или этносоциология – применим для наиболее глубокого и адекватного анализа своего класса объектов социальной реальности, и именно для этого класса социальных объектов он наиболее эффективен и плодотворен. Важно понять границы приложения различных методологических подходов и не пытаться сталкивать, противопоставлять различные подходы, отбросить, как утопичную и практически не осуществимую, попытку сконструировать единую и совершенную универсалистскую методологию в социологии.

Такой подход представляется логичным и плодотворным для реализации гносеологической, критической и социально-инженерной функций, однако он не решает одну из важнейших проблем, порождающих кризис современной социологии, – проблему единства картины социального мира. А ведь эта – мировоззренческая – функция является одной из важнейших для обобщающей науки об обществе.

Вот почему социологической теории приходится погружаться глубже, то есть обращаться к анализу базисных социальных ценностей как собственной дисциплины, так и функционирования всего общества в целом. Кризис в этой области может быть преодолен лишь при обращении к структуре ценностных иерархий и общества, и исследователя, изучающего это общество. Это тот самый случай, когда социологическая теория не может обойтись без обращения к высокопрофессиональному философскому рассмотрению проблемы.

3.2. Д. Ролз – основатель теории справедливости

Именно в этом ключе и написана работа профессора Гарвардского университета Джона Ролза (Rawls) “Теория справедливости” (изд-во Новосибирского ун-та, 1995). Она

представляет особый интерес для социологов по двум обстоятельствам: во-первых, все свои общетеоретические размышления автор доводит до описания социальных механизмов, предусматривающего их эмпирическую интерпретацию, опору на конкретные социальные индикаторы; и во-вторых, в нашей ситуации идейного раскола российского общества нам крайне интересно знать, какой представляется оптимальная модель социального устройства общества авторитетному и глубокому западному теоретику, прочно стоящему на позициях традиционных либеральных ценностей. Кстати, далеко не случайно, что подобные социально-философские, теоретические работы и Александера, и Ролза, четко сориентированные на запросы социологии, выполнены именно в Гарварде – ведь основателем Гарвардской социологической школы был Питирим Сорокин, впервые привнесший в американскую социологию идею органического единства эмпирической достоверности и методологической глубины.

Работа написана на стыке многих наук, помимо социологии, этики и философии, здесь присутствуют и экономические, и политологические, и информатизационные аспекты. Методологический подход автора характеризуется стремлением комплексно обобщить наиболее значимые существующие, либо существовавшие в науке подходы к анализу рассматриваемых социальных процессов и явлений. Ролз скрупулезно и подробно рассматривает все возможные аргументы за и против, обильно цитирует теоретиков; как классиков, так и современников, иллюстрирует ход рассуждений многочисленными схемами и таблицами, порой прибегает к логическому и математическому аппарату. Несмотря на солидный объем (в книге более пятисот страниц), материал выстроен логично, с неизменной ориентацией на возможность практического применения.

Главная цель работы – обобщить и представить в виде теории высокой степени абстракции с учетом всех наработанных мировой наукой достижений систему современного демократического

рационально организованного общества, определить функционирование основных социальных институтов, обеспечивающих стабильность и саморегуляцию такого общества. Основу существования такого общества Ролз выводит из немногих базовых принципов, причем первопричинной ценностью социального устройства он считает справедливость, подобно тому, как первопричиной систем мысли является истина. “Каждая личность, – пишет он, – обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом. По этой причине справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других. Непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство” [Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 19].

Попробуем вычленить наиболее важные, с точки зрения социолога, положения теории справедливости Ролза. Сам автор определяет свою ключевую категорию – справедливость – как честность. Отличительная черта справедливого общества – гарантия свобод граждан, при этом права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга. Кто же является субъектом справедливости? По Ролзу главный субъект справедливости – это базисная структура общества, точнее, способы, которыми ведущие социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации. Заметим, что именно нерешенность этой проблематики породила в прошлом веке сначала теорию, а затем и политическую практику анархизма. К числу основных социальных институтов Ролз относит конституцию и основные экономические и социальные устройства. Примерами их, в частности, являются: защита законом свободы мысли и свободы совести, свободный рынок, частная собственность, моногамная семья.

Основная идея теории справедливости состоит в том, что “те, кто

занят в социальной кооперации, вместе выбирают, в одном совместном действии, принципы, которые расписывают основные права и обязанности и определяют разделение социальных преимуществ. Люди должны решить заранее, как они будут регулировать свои притязания друг к другу и какова должна быть основная хартия их общества. Точно так же, как каждая личность должна решить путем рациональных размышлений, что составляет благо, то есть систему целей, рациональную для их преследования, так и группа людей должна решить раз и навсегда, что считать справедливым и несправедливым. Выбор, который должен был бы сделать рациональный человек в этой гипотетической ситуации равной свободы, в предположении, что проблема выбора имеет решение, определяет принципы справедливости” [Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 26]. Мы видим, что автор пытается соединить здесь воедино утилитаристский подход с теорией общественного договора.

Ролз базирует свою теорию справедливости как честности на двух группах элементов: 1) интерпретации исходного состояния и проблемы выбора, которую она ставит, и 2) совокупности принципов, на которые люди могут согласиться. Сам Ролз определяет теорию справедливости как наиболее значимую часть теории рационального выбора. “Принципы справедливости, – пишет он, – имеют дело с конфликтующими притязаниями на преимущества, получаемые через социальную кооперацию; они прилагаются к отношениям между несколькими группами или личностями... Так, если эти принципы являются результатом соглашения, граждане знают принципы, которым следуют другие” (с. 30). В процессе выбора этих принципов представляется разумным и приемлемым, что никто не должен получить преимущества или испытывать тяготы за счет естественных случайностей или социальных обстоятельств. Необходимо также гарантировать, что частные устремления и наклонности, а также концепции личности в отношении собственного блага не будут воздействовать на принимаемые принципы.

3.3. Основные принципы теории справедливости

Первичный субъект принципов социальной справедливости – это базисная структура общества, то есть организация основных социальных институтов в рамках единой схемы кооперации. Сам же институт Ролз определяет как “публичную систему правил, которые определяют должность и положение с соответствующими правами и обязанностями, властью и неприкосновенностью, и тому подобное. Эти правила специфицируют определенные формы действий – в качестве разрешенных, а другие – в качестве запрещенных, и по ним наказывают одни действия и защищают другие, когда происходит насилие” [Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 61].

В качестве примеров подобных институтов автор называет игры и ритуалы, суды и парламенты, рынки и системы собственности. Реализуется институт двумя путями: абстрактно как возможная форма поведения, выражаемая системой правил; и эмпирически как реальные представления и поведение определенных личностей в определенное время в определенном месте, специализированные этими правилами. Ролз предлагает считать справедливым или несправедливым только реализованный институт, эффективно и беспристрастно управляемый.

Центральными для теории справедливости являются два принципа:

- 1) Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей.***
- 2) Социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно***
  - а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших, в соответствии с принципом справедливых сбережений, и***
  - б) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей.***

Эти базовые принципы дополняются двумя основополагающими

правилами приоритета:

Первое правило – приоритет свободы. Основные свободы могут быть ограничены только во имя самой свободы. При этом возможны два случая:

- а) менее широкие свободы должны укреплять всю систему свободы, разделяемую всеми;*
- б) свобода меньшая, чем равная, должна быть приемлемой для граждан, обладающих этой меньшей свободой.*

Второе правило – приоритет справедливости над эффективностью и благосостоянием. Второй принцип справедливости иерархически предшествует принципам эффективности и максимизации суммы выгод, а честное равенство возможностей предшествует принципу различия. Здесь возможны два случая:

- а) неравенство возможностей должно увеличивать возможности людей с меньшими возможностями;*
- б) чрезмерная ставка сбережений должна в итоге уменьшать бремя тех, на ком оно лежит (с. 267.)*

Помимо общих принципов системы, существуют и особые принципы для индивидов. **Принцип честности для индивида** формулируется следующим образом: *человек должен выполнять свою роль, как она определена правилами для институтов, если удовлетворяются два условия:*

- 1) институт справедлив (или честен), то есть удовлетворяет двум принципам справедливости;*
- 2) человек добровольно принимает выгоды устройства или же пользуется предоставленными ему возможностями для преследования своих интересов.*

Смысл этого правила состоит в том, что если определенное число людей вовлечено во взаимовыгодную кооперацию и, таким образом, ограничивает свою свободу, чтобы дать преимущество всем, тогда те, кто подчинился таким ограничениям, имеют право рассчитывать на подобное согласие со стороны других - тех, кто получает выгоды от подчинения первых [Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск:

Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 106]. Люди не должны выигрывать от кооперации, не делаясь честно с другими.

Другие принципы для индивидов связаны с их *естественными обязанностями*. Например, обязанность помогать тем, кто в беде при условии, что это делается без излишнего риска или угрозы для жизни; не причинять другому вреда; не причинять излишних страданий. Эти обязанности действуют между людьми независимо от их институциональных отношений – не только между теми, кто сотрудничает, но между людьми вообще.

Стороны в исходном положении должны согласиться на принципы, определяющие естественные обязанности, соблюдаемые безусловно. Естественная обязанность более фундаментальна, так как она связывает граждан вообще и не требует добровольности действий для своего приложения. Предыдущий же принцип – принцип честности связывает только тех, кто занимает, например, официальные посты, или же находясь в более выгодном положении, продвигает свои цели в рамках системы. Как пишет Ролз, “в этом случае есть другой смысл выражения *noblesse oblige*: тот, кто находится в привилегированном положении, приобретает обязательства, привязывающие его еще больше к справедливой схеме” [Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 110].

Нормальное функционирование общества, построенного на принципах теории справедливости, требует соблюдения определенных условий. Эти формальные ограничения состоят в следующем:

1. Принципы в системе должны быть **общими** для всех.
2. Принципы должны быть **универсальными** в применениях.
3. **Публичность** – стороны предполагают, что они выбирают принцип для публичной концепции справедливости.
4. Концепция **правильности** должна упорядочивать конфликтные притязания.
5. **Окончателность** – стороны должны оценивать систему принципов в качестве окончательного апелляционного суда.

Одной из ключевых в теории справедливости является категория

свободы. Ролз следующим образом интерпретирует это понятие: “Любую свободу всегда можно объяснить с помощью указания на три вещи: свободные действующие субъекты, ограничения, от которых они свободны, и то, что они свободны делать или не делать” [Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 182]. При этом любая конкретная базовая свобода характеризуется довольно уникальным набором прав и обязанностей.

Не только индивидам должно дозволяться что-то делать или не делать, но у правительства и других субъектов деятельности должна существовать юридическая обязанность не препятствовать индивидам. Рассматривая реальное положение дел, автор пишет: “Свобода является неравной, когда, например, один класс людей имеет большую свободу, чем другой, или когда свобода менее широка, чем должна быть. Все свободы равного гражданства должны быть одинаковыми для всех членов общества. Тем не менее, некоторые из этих равных свобод могут быть расширены или сужены в соответствии с тем, как они влияют друг на друга.

Основная свобода, согласно первому принципу, может быть ограничена лишь ради самой свободы, то есть ради гарантии того, что та же самая или какая-либо другая основная свобода должным образом защищена, и для того, чтобы организовать эту самую систему свобод наилучшим образом. Приспособление всей схемы свобод зависит исключительно от определения и сферы применения конкретных свобод” [Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 184].

3.4. Институты и механизмы социальной справедливости

Любая теоретическая схема анализа представляет интерес только тогда, когда на ее базе можно системно объяснить явления и процессы, спрогнозировать их динамику, спланировать эффективное воздействие на их протекание. Вот почему, на наш взгляд, ключевой в теории

справедливости является та ее часть, которая имеет дело с социальными институтами и механизмами. Красноречив сам перечень глав этой части: “Равная свобода”, “Долевое участие”, “Обязанности и обязательства”. Главной проблемой в реализации справедливости автор считает выбор социальной системы. Социальная система должна быть организована таким образом, чтобы итоговое распределение было справедливым, не зависимо от того, как складываются дела в обществе. Чтобы достичь этого, необходимо поместить социальный и экономический процессы в рамки соответствующих политических и правовых институтов. Без должной системы этих рамочных институтов результат процесса распределения не будет справедливым, так как недостает честности окружения.

Ролз справедливо полагает, что прежде всего базисная структура регулируется справедливой конституцией, чья главная цель – гарантировать свободы равного гражданства.

Честное, в отличие от формального, равенство возможностей предполагает стремление правительства обеспечить равные шансы на образование и культуру для людей со сходными дарованиями и мотивацией либо с помощью субсидирования частных школ, либо путем создания системы общественных школ.

“Это достигается политикой руководства фирмами и частными ассоциациями, а также путем устранения монополистических ограничений и барьеров на пути к более желательным положениям. И, наконец, правительство гарантирует социальный минимум либо путем выплаты семейных пособий и специальных выплат по болезни и нетрудоспособности, либо более систематическим образом – с помощью таких средств, как дифференцирование доплаты к доходу (так называемый негативный подоходный налог)” [Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 246].

Наибольший интерес при рассмотрении социальных механизмов воплощения в жизнь принципов справедливости представляет выделение Ролзом четырех ветвей устанавливаемых правительством социальных институтов. Каждая ветвь соответствует определенной стадии

оформления и стабилизации общества социальной справедливости. Согласно Ролзу, “каждая ветвь должна состоять из различных органов или соответствующих видов деятельности, функция которых – сохранение определенных социальных и экономических условий. Эти подразделения не пересекаются с обычной структурой правительства” [Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 246].

Первая ветвь – **выделительная (allocative)**. Она должна поддерживать ценовую систему в конкурентном состоянии и предотвращать неразумную власть рынка. В ее задачи входят также отслеживание и корректировка отклонений от эффективности рыночной регуляции, вызванных неспособностью цен точно измерять общественные выгоды и издержки. Делать это можно с помощью соответствующих налогов, субсидий, изменений в определении прав собственности.

Вторая ветвь – **стабилизационная** – стремится обеспечить разумно полную занятость, при которой те, кто хотят, могут найти работу. Свободный выбор профессии и размещение финансов поддерживаются высоким спросом.

Эти две ветви совместно должны обеспечивать эффективность рыночной экономики в целом.

Третья ветвь – **социальный минимум (transfer)** – это сфера безвозмездных социальных выплат. Механизмы этой ветви учитывают потребности и приписывают им определенный вес по отношению к другим притязаниям.

Четвертая ветвь – **распределительная** – сохранение относительной справедливости в долевом распределении с помощью налогообложения и необходимых изменений в правах собственности. Среди аспектов этой отрасли:

- а) **налоги на наследство, на дары, ограничения на право наследования**. Основная их цель – не пополнение казны, но постепенная и неуклонная корректировка распределения богатства и предотвращение концентрации власти, что может

нанести ущерб справедливой ценности политической свободы и честному равенству возможностей;

- б) **система налогообложения с учетом принципов справедливости.** Социальные ресурсы должны быть переданы правительству, чтобы оно могло обеспечить производство коллективных благ и осуществлять безвозмездные социальные выплаты, необходимые для удовлетворения принципа различия. Бремя налогообложения должно распределяться справедливо, и данная ветвь стремится создать соответствующий справедливый механизм.

3.5. Некоторые выводы

Теория справедливости представляет собой попытку наиболее дальновидных и честных западных интеллектуалов, искренне приверженных традиционным либеральным ценностям, найти в новых условиях такие идеологические ориентиры и такие социальные механизмы, которые позволяют современному капиталистическому обществу достичь и поддержать оптимальный уровень идейной консолидации и социального мира, обеспечить наиболее эффективное использование имеющихся ресурсов, прежде всего ресурсов социальных, человеческих, стабилизировать социальные отношения в современном мире. В этом качестве теория справедливости представляет интерес не только для Запада, но и для России, поскольку она глубже раскрывает для нас и преимущества, и подводные камни рыночного регулирования, позволяет понять беспокойство западных социальных ученых, увидеть их поиски выхода из возможных социальных кризисов и катастроф.

3.6. Вопросы и задания

1. Как трактуется понятие социальной справедливости современной Гарвардской социологической школой?
2. Какой круг проблем позволяет решать теория справедливости?

3. Перечислите основные принципы теории справедливости.
4. На какие социальные институты предполагает опереться теория справедливости при реализации своих целей?

3.7. Литература

Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.

Rawls J. A Theory of Justice. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1971.

Култыгин В.П. Обращаясь к первоосновам социологической теории // Социологические исследования. – 1997. – № 12.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Теория социального обмена

Теория социального обмена, которую вышедшая в 1992 году в США “Энциклопедия социологии” называет “одной из основных социологических перспектив в социологии”, рассматривает социальное поведение преимущественно через интеракцию, взаимодействие, подкрепляемое достижением наград и избеганием санкций. Объяснение социального обмена посредством категории интеракции базируется на том обстоятельстве, что многие виды вознаграждений, к которым стремятся люди, могут быть получены только в процессе социального взаимодействия людей.

В качестве самостоятельного методологического направления в социологии теория социального обмена оформилась в 50-60-х гг. нашего века в США в полемике прежде всего со структурным функционализмом и в стремлении, с одной стороны, преодолеть статичность, явно не достаточный учет в нем динамических изменений социальных процессов, а с другой стороны, полнее, глубже учесть личностные аспекты, характеризующие социальные процессы.

Центральным в теории обмена является анализ отношений между акторами (субъектами деятельности) в различных социальных структурах. Индивиды вступают во взаимодействие для удовлетворения своих потребностей. Социальные отношения и социальные структуры, порождаемые узлами, связывающими людей в различные формы ассоциаций, рассматриваются теоретиками данной концепции в качестве основных объектов социального исследования.

Основными темами исследований в рамках этой концепции являются природа и взаимосвязи между акторами и распределение

власти в рамках структур обмена. Властные и статусные отношения между авторами в различных типах социальных структур определяются как ключевые силы, детерминирующие природу структурных изменений в ходе времени. Наиболее детально представителями этого направления в настоящее время проработаны категории власти, структурных источников власти, динамика использования власти.

4.1. Становление теории социального обмена

Непосредственными предшественниками теории социального обмена называют такие теоретические направления современной социальной мысли, как социальный бихевиоризм, утилитаризм и структурный функционализм. Кроме того, очень родственны теории социального обмена и основы микроэкономики. Однако корни данного методологического подхода прослеживаются гораздо глубже. Один из авторов теории социального обмена Питер Блау начинает исторический экскурс своей концепции с “Никомаховой этики” Аристотеля, отмечая, что Аристотель отличает социальный обмен от экономического, говоря, что первый основывается на закрепленных условиях, но выступает как подарок либо услуга другу, хотя дающий ожидает получить эквивалент, либо что-то большее взамен, как если бы это был не свободный дар, но займ [Blau P. *Social Exchange // International Encyclopedia of the Social Sciences*. V. 7. – N. Y.: Macmillan, 1968].

В числе предшественников он упоминает также Ларошфуко, Мандевиля, Адама Смита.

Гносеологические корни теории социального обмена во многом перекликаются с предшественниками бихевиоризма в социологии. Так, неоспоримо, что ранние социологические работы П.А. Сорокина, в частности его первая монография “Преступление и подвиг: кара и награда”, где были впервые рассмотрены механизмы социальных экспектаций, могут с полным правом

считаться теми социологическими трудами, которые непосредственно предшествовали возникновению теории социального обмена.

4.2. Создатели теории социального обмена

Конкретными создателями теории социального обмена справедливо считаются Джордж Хоманс и Петер Блау.

Джордж Каспар Хоманс (Homans), американский социолог и социальный психолог – один из основателей теоретического и эмпирического изучения малой группы. Он родился 11.08.1910 г. в Бостоне (США), преподавал в Гарвардском университете и Кембридже, избирался президентом Американской социологической ассоциации, с 1972 г. – действительный член Национальной академии наук США.

В процессе формирования как ученого в Гарварде, он начинал как структурный функционалист, создав теорию малой группы (“Человеческая группа” – 1956 г.). В качестве главного критерия малой группы он принял наличие в ней процесса непосредственного сотрудничества людей. В монографии была представлена оригинальная разработка весьма эффективной техники проведения конференций и дискуссий как метода эмпирического социологического исследования, примененного, в частности, при изучении промышленников, политических и военных бюрократий. Эта книга принесла Хомансу имя и известность в социологии как талантливого методолога. Предисловие к ней написал один из патриархов американской социологической мысли Роберт Мертон. В нем Мертон раскрывает стратегию изложения Хомансом аналитического материала: “Хоманс использовал метод презентации. Сначала он дает обширный набросок концептуальной схемы для первоначального обозрения фактов. Затем идет детальное описание фактов. Далее – раскрывается концептуальный инструментарий, используемый при анализе фактов. Наконец, когда данные того требуют, вводятся новые понятия для расширения понимания

наблюдаемого поведения.

Таким образом, читатель видит социологическую теорию в работе – организующей, уясняющей и дающей плоды на основе данных, которые при ином подходе были бы просто инертными” [Homans G. *The Human Group*. – N. Y.: Harcourt, Brace and Co, 1950. – P. XVIII].

Однако в начале 60-х годов Хоманс отошел от функционализма и провозгласил “предельный психологический редукционизм”, при котором единицей анализа должно стать элементарное социальное поведение, то есть непосредственно контакты между индивидами. Социальное поведение он рассматривает как явление, основывающееся на принципе универсального обмена. Развивая этот подход, он формулирует важнейшие правила справедливого обмена. Наиболее известными научными трудами Хоманса являются его монографии “Человеческая группа” (1956), “Социальное поведение: его элементарные формы” (1961), “Природа социальной науки” (1967), “Определенности и сомнения” (1987).

Петер Михаэл Блау (Blau) – один из крупнейших специалистов в области социологии организаций. Его диссертация, опубликованная в 1952 году под названием “Динамика бюрократий”, наряду с работами его коллег по колумбийской аспирантуре Филиппа Селзника и Алвина Гоулднера, заложила фундамент для одного из наиболее влиятельных направлений современной социологии – социологии формальных организаций.

Он родился 07.02.1918 г. в Вене (Австрия), в 1939 г. переехал в США, в 1943 г. получил здесь гражданство. Докторскую диссертацию он защитил в 1952 г. в Колумбийском университете Нью-Йорка (а магистерскую в 1966 г. в Кембридже). Блау преподавал в таких престижных американских университетах, как Корнуэльский, Чикагский (1953-1970), Колумбийский (1970-1988). С 1988 года он – заслуженный именной профессор Университета Северной Каролины.

Первоначально Блау принял социально-психологический подход, сконцентрированный на межличностных отношениях людей

в больших формальных организациях. Его исследование процессов того, как формальные структуры организаций сдерживают неформальные отношения бюрократов, считается классикой социологического анализа. Первая его крупная работа “Обмен и власть в социальной жизни” (1964) написана с социально-психологических позиций. Однако в конце 60-х гг. Блау переходит от социопсихологической к социоструктурной ориентации, от преимущественно “микро” к преимущественно “макро” социологии. В то же время он вышел за пределы изучения формальных организаций, написав вместе с Отисом Данкеном знаменитую работу “Американская структура занятости” (1967), в которой рассматривается межпоколенческая мобильность и успехи в продвижении по службе и были применены утонченные статистические разработки социальной стратификации и процессов достижения статуса (*status attainment*).

Данная проблематика привела Блау к написанию работы “Неравенство и гетерогенность” (1977), которая стала его новым вкладом в теоретическую социологию. В ней он, в частности, определяет социальную структуру как распределение людей по социальным позициям и высказывает ряд предположений, которые в настоящее время уже подтверждены эмпирически, например: когда социальная группа увеличивается в размерах, доля ее членов, вступающих в брак на стороне, уменьшается.

Говоря о его научном стиле, следует сказать, что его выкладки носят четкий характер, он точно определяет термины, ясно формулирует допущения и утверждает принципы так, чтобы они имели эмпирические дедукции.

Блау избирался президентом Американской социологической ассоциации в 1973-1974 гг. Наиболее известными его работами являются следующие монографии: “Динамика бюрократий” (1952), “Бюрократия в современном обществе” (1956), “Формальные организации” (1962), “Обмен и власть в социальной жизни” (1964), “Американская структура занятости” (1967), “Структура

организаций” (1971), “Организация академической работы” (1973), “Природа организаций” (1976), “Неравенство и гетерогенность. Изначальная теория социальной структуры” (1977), “Пересекая социальные круги” (1983).

Часто непосредственной предтечей теории обмена называют Б.Ф. Скиннера, а в качестве авторов, эмпирически подготовивших социологическую концепцию обмена, Б. Малиновского, А. Редклифф Брауна, М. Мосса, А. Леви-Стросса.

Особо следует сказать несколько слов о Скиннере. **Беррес Фредерик Скиннер** (Skinner), выдающийся американский психолог, явился создателем необихевиоризма и целого ряда социальных концепций, нашедших широкое распространение в различных социальных науках. Он родился 20.03.1904 г. в Саскуэханна (штат Пенсильвания), а умер 18.08.1990 г. в Кэмбридже (штат Массачусетс). Защитив докторскую диссертацию в Гарварде, он преподавал в университетах Миннесоты, Индианы и в Гарварде. Одним из его крупнейших достижений считается создание теории программированного обучения, разработка систем и принципов обучающих машин и широкое внедрение этих методов в практику системы высшего образования.

Изучая эмпирически поведение животных и людей, он создал множество оригинальных методик для эмпирических исследований. Мировую известность, в частности, получил так называемый “Скиннеров ящик” – специальная методика, при которой подопытное животное получает подкрепление только после того, как производит какую-либо операцию, например нажимает на рычаг. Наиболее значимой для теории социального обмена считается монография Скиннера “За рамками свободы и достоинства” (1971).

В качестве наиболее влиятельного и активного теоретика этого подхода в настоящее время чаще других упоминают Р. Эмерсона. Из числа активно действующих сегодня на базе этой методологии исследователей следует в первую очередь назвать таких социологов, как Кук (Cook), Эке (Ekeh), Марковский (Markowsky), Мольм (Molm),

Уиллер (Wilier), Паттон (Patton), Бонацич (Bonacich), а также психологов Келли (Kelley), Тибо (Thibaut) и экономиста Шайдера (Scheider).

В качестве эмпирического материала Хоманс и Блау опирались, в частности, на труды социальных антропологов и этнологов. Например, ученик и последователь Дюркгейма Марсель Мосс в работе “Очерк о подарке: форма и причина обмена в архаических обществах” дал красочные иллюстрации процессов социального обмена на ранних стадиях развития человеческой культуры [Mauss M. *Essay sur le Don: Forme et l'Echange dans les Societes Archaiques*. – P.: PUF, 1925].

Работой, в которой впервые были сформулированы основные положения теории социального обмена, была статья Хоманса “Социальное поведение как обмен”, опубликованная в 1958 году в “Американском журнале социологии”. А наиболее весомо эти положения прозвучали в инаугурационной речи Хоманса при избрании его президентом Американской социологической ассоциации, которая в 1964 году была опубликована в “Американском социологическом ревю”.

В книге “Социальное поведение: его элементарные формы” Хоманс опирается на язык и положения бихевиористской теории, очень близкой к скиннеровскому варианту оперантной психологии. Такая психологизация социологической проблематики создала впоследствии ряд трудностей при попытках использовать теории социального обмена в социологии. Согласно Хомансу, “общие предпосылки, которые мы должны использовать при объяснении, психологичны в двух смыслах: они относятся к действиям индивидов и они... сформулированы и опробованы психологами”. Главной целью теории Хоманс эксплицитно полагает объяснение социальных явлений. Надо сказать, что именно этот акцент на социальное поведение и социальные структуры, порожденные и изменяемые социальным взаимодействием людей, и принес признание теории социального обмена в социологии. Правда, сам Хоманс считал разграничение социологии и психологии делом достаточно условным.

4.3. Главные положения теории социального обмена

Основные теоретические формулировки, базирующиеся на допущении о том, что поведение есть функции последствий, соответствующих вознаграждений и наказаний, были разработаны Хомансом в 1961 г. и уточнены в 1974 г. Они включают пять главных положений:

1. *“Положение об успехе”*. Чем чаще деятельность вознаграждается, тем более вероятно ее осуществление. Поведение, порождающее позитивные последствия для индивида, с очень большой вероятностью повторяется.

2. *“Положение о стимуле”*. Схожие обстоятельства или аналогичные ситуации будут стимулировать такое поведение, которое вознаграждалось в аналогичных случаях в прошлом. Это позволяет обобщать поведенческие реакции на "новые" ситуации.

3. *“Положение о ценности”*. Чем более ценны результаты действия для актора, тем более вероятно то, что действие будет совершено.

4. *“Положение о депривации – пресыщении (satiation)”* вводит общую идею уменьшения маргинальной полезности (utility). Чем чаще человек получал конкретное вознаграждение за действие, тем менее ценным является дополнительный элемент такой награды. Таким образом некоторые вознаграждения становятся менее эффективными, приводя к свертыванию некоторых специфических действий. Правда, это положение менее справедливо в отношении генерализованных обобщений, таких как деньги и чувства (affections), либо еще чего-нибудь, где насыщение случается с меньшей вероятностью, за исключением крайних случаев.

5. *“Положение об эмоциональности”*. Речь идет об условиях, в которых люди эмоционально реагируют на различные вознаграждающие ситуации. Это положение охватывает два типа

реакций. Ожидается, что люди, не получающие того, что они предполагали, становятся рассерженными и начинают вести себя агрессивно. Это поведение описывается гипотезой Миллера – Долларда [Miller N.E., Dollard J. *Social Learning and Imitation*. – N. Haven: Yale Un-ty Press, 1941]. Люди же, получающие больше, чем они предполагали, или не получающие предполагающихся наказаний, будут счастливы и ведут себя положительно (*approvingly*).

Хоманс, в частности, использует этот набор идей для объяснения таких явлений, как использование власти и авторитета, сотрудничество, конформность, соревнование структуры чувства и итерации, статус и влияние, справедливость, возникновение стратификации. Все эти явления он рассматривает преимущественно в терминах природы задействованных межличностных отношений. Более того, он акцентирует внимание на “элементарных” формах поведения. Все это он называет субинституциональным уровнем анализа. “Мы получаем, – пишет он, – самое полное понимание элементарных черт социального поведения, наблюдая взаимодействия между членами малых, неформальных групп” [Homans G. *Social Behavior as Exchange*. – N. Y.: Harcourt, 1974. – P. 12].

Именно Хомансу современная социология обязана сосредоточенностью на изучении микрооснований социальных структур и социальных изменений.

Хоманс был сосредоточен на элементарных формах поведения и субинституциональном уровне анализа, а Петер Блау вышел за пределы микроуровня на уровень институциональный, изучая авторитет и власть, конфликт, изменения в контексте институциональных систем обмена.

Не соглашаясь с редуционистской стратегией Хоманса, Блау провозгласил, что его собственная “теория имеет корни в преимущественно социальной природе обмена, что предполагает, что она не может быть редуцирована или же быть выведенной из психологических принципов, управляющих мотивами индивидов, как это стремится сделать Хоманс” [Blau P. *Exchange and Power in Social*

Life. – N. Y.: Wiley, 1986. – P. IX].

В противовес редукционизму Хоманса Блау полагает, что социальные структуры имеют эмерджентные свойства, которые не могут быть объяснены характеристиками, либо процессами, в которых задействованы лишь отдельные элементы структуры.

Два главных отличия подходов Блау и Хоманса состоят в том, что, во-первых, подход Блау не основан на принципах бихевиористской психологии (вместо этого он вводит некоторое микроэкономическое объяснение в анализ очевидно социальных обменов), во-вторых, Блау эксплицитно вводит понятие эмерджентных процессов, не только отвергая редукционизм, но также расширяя теорию и выводя ее далеко за пределы первоначальной субинституциональной основы.

В 1964 году Блау создал общий контекст анализа макроструктур и процессов, основанный на расширении микроуровневой теории процессов социального обмена. Отталкиваясь от зиммелевского понимания социальной жизни, он объясняет общую структуру социальных ассоциаций, имеющих корни в таких социальных процессах, как привлекательность, одобрение, взаимность и рациональное поведение. Формирование группы, сплоченность и социальная интеграция, равно как и процессы противостояния, конфликта и несогласия, объясняются в терминах процессов социального обмена. Эти формы социальных ассоциаций, порожденные процессами обмена, со временем создали очень сложные социальные структуры и подструктуры, которые Блау и анализирует: как они создавались и изменялись в результате воздействия процессов во властных отношениях; динамику легитимизации и политического противостояния. Общие ценности выступают в этих процессах посредниками и делают возможными непрямыми обмены, координируя, таким образом, действия в больших общностях. Согласно Блау, они также легитимизируют социальный порядок.

На протяжении всей своей основной работы Блау сопоставляет

и сравнивает процессы социального обмена в простых и в более сложных социальных структурах и институтах. Главные социальные силы для него – это дифференциация, интеграция, организация и противостояние (оппозиция). Они и составляют необходимую основу для объяснения диалектики структурных изменений.

Основная проблематика Блау связана с темой “обмен и власть”, при этом основной методологической задачей является стратегия построения теории микроструктуры и процессов, базирующихся на эксплицитно микроуровневой модели. Ключевой в решении данной задачи становится область перехода – “микро-макрорезвено”. Правда, во второй половине 80-х годов. Блау подверг сомнению конструктивность такого подхода, что подлило масла в огонь жарких теоретических дебатов по этому поводу.

И у Блау, и у Эмерсона власть является центром анализа. Согласно Блау, власть, авторитет, оппозиция и легитимизация – ключевые категории в анализе макроструктур и динамики структурных изменений.

Эмерсоном теория отношений зависимости от власти частично была включена в рассмотрение дисбаланса власти и условий социальной независимости. По Эмерсону, такие стратегии представляют собой механизмы балансирования власти. Главное положение концепции Эмерсона звучит следующим образом: власть, определенная в терминах отношений, – это функция зависимости одного актора от других. Зависимость же – это функция ценности, которую один актер придает ресурсам или ценностному поведению, контролируемым другими, и доступностью этих ресурсов из альтернативных источников. Чем более велика доступность этих ресурсов от других акторов, тем меньше из альтернативных источников, тем меньшей является зависимость одного актора от другого.

Эта отношенческая концепция власти стала основой для большинства последующих работ об обмене и власти в 70-90-е гг.

Эмерсон распространил свое понимание власти и зависимости и сформировал более широкую обменную теорию социальных

отношений. Его работа “Теория обмена” [Emerson R. Exchange Theory. Part 1 and 2 // Social Theories in Progress. V. 1, 2. – Boston: Houghton Mifflin, 1972. – P. 31-41] была попыткой объединить подходы Хоманса и Блау. В начальной редакции своей теории социальных отношений Эмерсон принял язык и принципы бихевиористской психологии, однако довольно скоро он вышел за рамки бихевиористских принципов и пришел к формулированию более сильных положений, касающихся эмерджентности разных типов социальных структур. Для Эмерсона главная задача стала представляться преимущественно социологической, а не психологической.

4.4. Основные допущения теории социального обмена

Люди вступают в новые для себя социальные связи и союзы в ожидании того, что это вознаградится, они поддерживают отношения со старыми партнерами и расширяют свое взаимодействие с ними потому, что они действительно находят эти действия вознаграждаемыми. Взаимодействие с другим человеком может быть непосредственно вознаграждаемым, как, например, в любви или в общении, или же может приносить опосредованное вознаграждение в виде совета коллеги либо помощи от соседа. В каждом из этих случаев предполагается, что желание удовлетворить какую-либо потребность лежит в основе любой ассоциации.

Конечно, не все потребности или интересы удовлетворяются непосредственно в социальном взаимодействии, например чувство, и не всякое социальное взаимодействие мотивируется в качестве ведущего фактора заинтересованностью в вознаграждении, поскольку на него также влияют как иррациональные моменты, так и нравственные ценности.

Однако многие аспекты социальной жизни действительно отражают интерес в получении выгоды от социального взаимодействия. Именно они и являются центральными в теории

социального обмена. Теория эта далека от того, чтобы ограничиваться строго рациональным поведением, ориентированным на материальную выгоду, однако она считает своей главной целью объять все усилия по вознаграждаемому социальному опыту, включая и желание реализовать гуманитарные идеалы, либо духовные ценности, равно как и поиск личных преимуществ и положительных эмоций.

Концепция социального взаимодействия как процесса обмена логически вытекает из предположения, что люди стремятся обрести вознаграждение в своих социальных ассоциациях. Если человек привязан к другим потому, что он ожидает, что сотрудничество с ними будет для него вознаграждаемым, он захочет реализовать предполагаемые выгоды. Аналогичным образом другие люди, чтобы участвовать в социальном обмене, также должны иметь в этом свой интерес. Но их интерес в сотрудничестве с ним будет зависеть, согласно предположению теории социального обмена, от ожидания их собственного вознаграждения.

Люди часто берут на себя хлопоты по оказанию услуг не только друзьям, но и просто знакомым и даже незнакомым, и, делая это, они создают социальные обязательства. Индивид, не выполняющий своих обязательств за оказанные услуги, тем самым лишает других стимула продолжать с ним дружеские отношения. Кроме того, очень вероятно, что такой индивид будет обвинен в неблагодарности. Именно подобное обвинение показывает, что люди ожидают взаимности за добровольно оказываемые услуги. Оно также служит социальной санкцией, чтобы отвратить людей от пренебрежения своими социальными обязательствами. В свое время Георг Зиммель заметил, что благодарность “устанавливает узы взаимодействия, взаимности услуг, ответной услуги даже тогда, когда они не гарантированы внешним понуждением” [The Sociology of G. Simmel / Ed. by K.H. Wolff. Glencoe, Ill.: Free Press, 1950. – P. 387].

Когда обязательства за оказанные услуги возвращаются оказанием ответных услуг, обе стороны получают выгоды от

сотрудничества, и их обмен вознаграждаемым опытом подкрепляет социальные узы между ними. Человек, помогающий другим, зарабатывает их благодарность и уважение, он делает их своими должниками, что обещает принести ему дальнейшие выгоды в будущем. Эти полезные последствия оказания услуг, несомненно, являются главной причиной того, почему люди часто идут на большие личные неудобства, помогая другим и получая от этого удовольствие. И, в самом деле, давать – гораздо более благодарное занятие, чем брать, поскольку иметь социальный кредит – дело более предпочтительное, нежели иметь социальный долг. Конечно же, есть люди, бескорыстно работающие ради других без всякой мысли о вознаграждении и даже без ожидания благодарности, но такие люди в действительности являются святыми, а святые очень редки. Другие люди также иногда действуют самоотверженно, однако им требуется более непосредственный стимул для этого, например социальное признание их бескорыстия. Такое социальное одобрение является, конечно, очень значимой наградой, к которой стремятся люди в социальном взаимодействии.

4.5. Понятие социального обмена

Категория обмена может быть вычленена при помощи примеров того, почему человек отдает деньги другим людям:

1) потому что они угрожают ему оружием при ограблении. Хотя это и можно рассматривать как обмен денег на собственную жизнь, все-таки лучше исключить результаты физического насилия из дефиниции термина “обмен”;

2) как благотворительный дар, потому что совесть его требует, чтобы он помогал бедным, не ожидая благодарности от них ни в какой форме. Хотя это и можно рассматривать как обмен денег на внутреннее одобрение своего супер-эго, лучше все-таки исключить согласие с интернализированными нормами из понятия “обмен”;

3) неконтролируемый импульс может побудить человека

промотать свои деньги; такое поведение, мотивированное иррациональными побуждениями, также не является примером обмена;

4) человек может раздавать милостыню нищим, потому что он наслаждается изъявлениями их почтительной благодарности, но прекращает раздачу денег, если он не получает такого удовлетворения. Именно этот пример и иллюстрирует сущность социального обмена, в то время как предыдущие помогают очертить границы этого понятия.

Следовательно, понятие обмена относится к добровольным социальным действиям, которые вероятно обусловлены ответными вознаграждающими реакциями и которые прекращаются, если ожидаемые реакции не наступают.

Согласно Хомансу, новичок должен удовлетворить требования группы, для того чтобы его в нее приняли. Коллеги обмениваются советами, и если более высокая компетентность одного из них не дает возможности остальным взаимно тем же способом отплатить за его совет, они реализуют свой долг в виде уважения к его способностям, поднимая тем самым его статус. Даже любовник, чья единственная очевидная забота – доставить наслаждение своей девушке, стремится завоевать ее привязанность в ответ на свою преданность.

Не только индивиды, но и группы, организованные общности также участвуют в социальном обмене. Например, представители медицинской профессии получают эксклюзивное право заниматься врачеванием в обмен на принятие на себя обязательств удовлетворять потребности общины в медицинских услугах, или же политическая партия делает в своей программе уступки заинтересованной группе в обмен на поддержку во время выборов.

Особое внимание Хоманс уделяет психологическим процессам, побуждающим людей участвовать в обмене.

Сам термин “социальный обмен” сконструирован, чтобы показать, что социальное взаимодействие за рамками экономической сферы имеет значимые черты сходства с экономическими сделками.

Прежде всего, ожидание того, что одолженные услуги дадут свои плоды, характеризует не только экономические действия, но и социальные, в которых подарки и услуги выглядят как свободно даруемые. Более того, экономический принцип постоянно убывающей маргинальной полезности применим также и к социальному обмену. Совет со стороны коллеги-специалиста очень значим для человека, которому требуется помощь в решении проблемы, но как только проблема разрешена, дальнейшее консультирование не представляет больше ценности. Неважно, как сильно два друга наслаждаются обществом друг друга, по истечении какого-то времени они уже начинают меньше желать оставаться в компании друг с другом. Чем дольше человек концентрируется на получении именно этой социальной награды по сравнению с другими, тем больше значимость упущенных альтернатив будет давить на его сознание, делая именно эту награду сравнительно менее значительной. Все эти примеры демонстрируют принцип маргинальности, проявляющийся в социальной жизни.

Однако существуют и важные различия между социальным и чисто экономическим обменом. Самое значительное из них состоит в том, что обязательства, возникающие при социальных взаимодействиях, заранее четко не оговорены. При экономических же сделках четкие и точные обязательства обеих сторон получают одновременное взаимное подтверждение: данная продукция продается по определенной цене на определенных условиях. Ценности с обеих сторон могут перейти из рук в руки в момент заключения соглашения, или же вырабатывается контракт, согласно которому оговариваются обязательства каждой из сторон в будущем. А при социальном обмене дело обстоит не так: одна сторона предоставляет услуги другой, и, хотя и есть общее ожидание взаимности, точная природа возмещения остается неоговоренной. И в самом деле, она должна оставаться неуточненной, поскольку любая попытка заранее уточнить ее разрушает социальное значение взаимодействия, преобразуя его в чисто экономическую сделку.

Оказание услуги имеет совершенно иное социальное значение, нежели заключение сделки.

Поскольку именно реципиент – тот человек, который решает как отблагодарить за услугу, либо вообще отвечать ли взаимностью, то социальный обмен требует доверия к другим, в то время как непосредственный обмен товарами, либо официальный контракт, который можно заставить выплатить, не предполагает такого доверия при экономическом обмене.

На деле же, как правило, отношения социального обмена развиваются постепенно, начиная с мелких взаимодействий, при которых требуется небольшое доверие из-за небольшого возможного риска и при которых оба партнера могут проверить взаимную надежность, это позволяет им расширить свои отношения и взаимодействовать во все более крупных делах. Таким образом, процесс социального обмена самопроизвольно ведет к установлению доверия как существенно необходимого для такого обмена. В самом деле, создание доверия, вероятно, является главной функцией социального обмена, существуют специальные механизмы для продлевания (продлонгации) периода нахождения под действием обязательств – тем самым укрепляются узы долга и доверия.

4.6. Понятие эмерджентности

Важным вкладом теории социального обмена является разработка категории эмерджентности социальных систем. “Социальная структура, – пишет П. Блау, – относится к тем качествам агрегатной совокупности, которые являются эмерджентными, то есть она не характеризуется лишь входящими в нее отдельными элементами, составляющими агрегат. В любой структуре мы можем выделить элементы, ее составляющие, и сам агрегат, который они составляют, и аналогично мы должны отличать агрегат от структуры. Агрегат – это простая сумма элементов, но структура зависит от их связей в широком смысле, включая межотношенческие статусы и

косвенные влияния, равно как и прямые связи. Иначе нельзя будет увидеть леса из-за деревьев”.

Различия существуют не только между индивидами и социальными группами, эмерджентные структурные качества можно наблюдать на разных уровнях агрегации. Критерии эмерджентных качеств – природа этих признаков – не остаются одинаковыми, но общий смысл эмерджентности состоит в том, что с ее помощью описывается агрегат как целое, а не составляющие элементы. Например, уровень образования и средние показатели *IQ* (интеллектуального коэффициента) сотрудников данной организации не являются атрибутами групповой структуры, хотя и описывают членов данной группы. С другой стороны, социоисторические графы и групповая сплоченность – это атрибуты, которые не выводятся из индивидуальных характеристик членов организации, и следовательно, они являются эмерджентными свойствами групповой структуры. В качестве примеров эмерджентных свойств организаций можно назвать: конфигурацию иерархии власти; степень централизации принятия решений; разделение труда. Если говорить об эмерджентных свойствах наций, то ими могут быть конкретная форма правления, конкретные экономические институты данного общества.

Теория социального обмена полагает, что эмерджентные свойства могут быть определены в строго операциональных терминах и даже достаточно абстрактные теоретические понятия могут и должны быть концептуализированы с достаточно большой степенью точности – их импликации должны быть операциональными и позволять эмпирически измерять анализируемое свойство. Компоненты же социальной структуры могут быть концептуализированы как люди, роли, статусы, позиции, группы, места или любые другие подразделения некоей более широкой общности.

В стремлении типологизировать категорию эмерджентности, Блау выводит четыре базовых типа эмерджентных свойств [Continuities in Structural Inquiry / P. Blau and R. Merton eds. – L.:

SAGE, 1981. – P. 13-15]:

1. Размер или количество составных элементов социального агрегата. Речь идет о количественном составе группы и о числе подобщностей, составляющих данную общность, и они показательны для двух различных типов эмерджентных свойств социального агрегата. Строго говоря, размер не является свойством социальных структур, так же как число компонентов – атрибутом социальной структуры. Однако размер – это понятие базового теоретического значения в структурной социологии, поскольку он является генетически эмерджентным свойством всех социальных агрегатов.

2. Социальные отношения между людьми, составляющие прямые связи между элементами, дающими агрегату ее структуру. В малых группах в круг этих отношений включают социальную интеракцию и коммуникацию. Их можно представить матрицей “кто с кем”. На этой основе можно произвести много измерений данной структуры. В макросоциологическом анализе в этот тип входят группы различных типов, места, разной масштабности (общины, регионы), социальные страты, вычлененные по разным линиям иерархического деления. В широком смысле все это можно подвести под понятие социальной позиции. При этом индикаторами данных социальных связей выступают пропорции социальных отношений или же взаимодействия между членами общности, например соотношения социальных контактов между людьми, занимающими разные ранги в организации.

3. Композиция агрегата, отраженная в различиях его элементов. Выясняется, насколько отчетливо различаются в данном агрегате отдельные составляющие его, институты, как много имеется в нем отдельных институализированных сфер. Показателями в этом типе выступают, в частности, формы разделения труда, этническая гетерогенность, религиозность. Базовыми аспектами композиции социального агрегата являются различные формы неравенства, разнородность между элементами внутри данной структуры. Такие композиционные характеристики тоже должны удовлетворять

критерию эмерджентного свойства.

4. Структурные свойства высшего порядка. Выделяются две разновидности таких свойств. Один тип – глобальные характеристики инфраструктуры общества (описанные Лазарсфельдом и Менцелем в 1969 г.), являющиеся основополагающими для данного общества и помогающие объяснить наблюдаемые образцы (patterns) социальной жизни в нем. Они дают возможность проводить разные типы анализа. В основе анализа Маркса лежат производительные силы и производственные отношения, у Леви-Стросса – культурные символы и значения, у Парсонса – культурные ценности и нормы. Подобные структурные свойства создают субстрат, в конечном счете, управляющий социальным действием, отношениями людей, социальными институтами.

Другой тип – это абстракции, проистекающие из свойств низшего порядка: либо из образцов (patterns) социальных отношений между элементами, либо из комбинации элементов.

Центральным элементом в этом типе эмерджентности является образ структуры социальных позиций в общности. Связанный с его выведением более высокий уровень абстракции характеризует еще один срез внутренних различий внутри агрегата, связанных со специфичным для данной общности распределением популяции в соответствии с различными позициями. Наиболее важный вопрос при анализе этого типа эмерджентности состоит в определении степени того, насколько различия свойств более высокого порядка обуславливают воздействия на социальные отношения и интеракцию.

4.7. Диффузный характер социального обмена

Теория социального обмена дает возможность более углубленно объяснить и, соответственно, спрогнозировать поведение индивида, имеющего свободу выбора, а также поливариантность ситуаций, в условиях современного общества. Пониманию стратегии такого поведения способствует введение понятия диффузности как

необходимого и важного условия при социальном обмене. Диффузность предполагает отсутствие жесткой детерминации как по срокам, так и по формам вознаграждения за добровольно, а часто и инициативно оказанные человеком услуги другим людям.

Социальный обмен предполагает добровольное и инициативное предоставление выгод и услуг другому, что и создает диффузные обязательства. В отличие от экономического обмена социальный обмен “вовлекает факторы, создающие диффузные будущие обязательства, не специфизированные четко, при которых природа возврата не может оговариваться, но по большей части оставлена на усмотрение того, кто его осуществляет” [Blau P. Exchange and Power in Social Life. – N. Y.: Wiley, 1986. – P. 38].

Природа вознаграждения неизменно не оговаривается заранее, не может быть предметом переговоров. Так, если кто-то дает обед, он ожидает, что гости ответят взаимностью в будущем. Однако он вряд ли может обсуждать с ними, на какого типа вечеринку они должны пригласить его, хотя он ожидает, что они не просто пригласят его на ланч на ходу, в том случае, если он организовал для них официальный ужин. Обычно человек ожидает каких-то знаков благодарности и уважения за услуги, которые он оказал другим, однако он не может ни вести с ними переговоры относительно взаимности с их стороны, ни вообще заставлять, побуждать их к взаимности. Любая попытка гарантировать вознаграждение за свою щедрость показывает, что в действительности в его действиях щедрость не была на первом месте.

Сам принцип диффузности в обмене не является, конечно, прерогативой современного общества. Известный британский этнолог Бронислав Малиновский в своей классической работе “Аргонавты Западного Тихоокеанья”, посвященной анализу культуры первобытного общества, сохранившейся на некоторых островах Полинезии, отмечает, в частности, что в церемониальном обмене подарками *кула* среди жителей Тробрианских островов вознаграждение за подарки, полученные во время одной экспедиции, может быть осуществлено только во время следующей экспедиции,

многие месяцы спустя, а поспешная взаимность повсеместно осуждается [Malinowsky B. Argonauts of the Western Pacific. – L.: Routledge, 1960. – P. 210-211].

Аналогично в современном западном обществе считается неприличным отвечать подарком на подарок или услугой за услугу слишком быстро. Осуждение поспешной взаимности стимулирует рост доверия за счет того, что партнеры обмена остаются под действием обязательств друг перед другом на протяжении длительного периода.

Кроме того, социальные блага менее неотъемлемы от своих источников, нежели блага экономические. Здесь на одном конце шкалы находится диффузная социальная поддержка, своими корнями имеющая отношения любви, значение которой полностью зависит от того, кто ее даст, а на другом конце шкалы стоят такие экономические блага, как акции корпорации или деньги, ценность которых совершенно не зависит от того, кто их поставляет. Большинство социальных выгод занимает промежуточные позиции между этими крайностями. Обычно ценность носит внешний характер к отношениям обмена, в рамках которых они предоставляются, однако ценность эта модифицируется значением таких отношений. Человек, консультирующийся с коллегой, заинтересован в хорошем совете, каким бы ни был его источник, но его личные отношения с консультантом позволяют ему с большей или меньшей легкостью просить о помощи и понять получаемый совет. Хотя в экономической сфере услуги дружелюбного владельца небольшого магазина рядом с домом могут быть более предпочтительными, нежели аналогичные, получаемые в огромном обезличенном супермаркете, все-таки подобные личностные отношения обычно меньше вторгаются в экономический обмен, чем при обмене социальном.

Экономический обмен может рассматриваться как частный случай общего феномена обмена при исключенном социальном обмене как остаточной категории. Когда товарами и услугами назначается цена в качестве единственного посредника обмена,

экономические взаимоотношения институционализируются. Их цена определяет ценность благ вне зависимости от любых частных отношений обмена, делая эту стоимость отдаленной от других выгод, присутствующих в этих отношениях, и это позволяет точно определить обязательства, возникающие в экономических взаимодействиях. Экономические институты, такие как и обезличенный рынок, созданы для того, чтобы исключить иные соображения, кроме цены, из решений, касающихся обмена. Многие социальные выгоды не имеют цены либо потому, что они никогда не выставляются на экономический рынок, например в случае с социальной поддержкой, либо потому, что они не продаются в таком качестве, как видно из примера с советом друга – профессионального консультанта – по поводу контракта. Это выгоды, которые вступают в социальный обмен, что означает, что их предоставление не обусловлено оговоренным вознаграждением, хотя и существует общее ожидание взаимности. Тот факт, что вознаграждение предоставлено на усмотрение того, кто его совершает, придает социальному обмену его фундаментальную значимость для развития их доверия и дружбы, а такие механизмы, как социальные нормы, запрещающие торговлю и поспешную взаимность, помогают защитить эту деликатность. Более того, самые важные блага, включенные в социальный обмен, не имеют материальной стоимости, за них вообще не может быть назначена цена, так же как, например, за социальное одобрение и уважение.

4.8. Социальный обмен и власть

Парадокс социального обмена состоит в том, что он служит не только для установления уз дружбы между равными. Он также создает и статусные различия между людьми.

Уже упоминавшийся ранее обмен кула, описанный Малиновским, “дает каждому человеку... немногих друзей рядом и некоторых дружественных союзников в отдаленных, опасных,

чужих краях” [Malinowsky B. Argonauts of the Western Pacific. – L.: Routledge, 1960. – P. 92].

Важная функция обмена подарками в первобытных и равных обществах, по свидетельству Леви-Стросса, – “превзойти соперника в щедрости, подавить его, если возможно, будущими обязательствами, которые, как надеются, тот не сможет выполнить, и тем самым лишить его привилегий, титулов, ранга, власти и престижа” [Levi-Strauss C. The Principle of Reciprocity // Sociological Theory. – N. Y.: Macmillan, 1964. – P. 85].

В современном западном обществе аналогичным образом предоставление благ другим иногда служит выражением дружбы, а иногда является средством установления превосходства над людьми.

Человек, дарящий другим ценные подарки, имплицитно претендует на более высокий статус, обязывающий других. Благодетель – не ровня, он выше тех, кому оказывает услуги. Если они возвращают услуги, адекватно возмещающие их обязательства, то тем самым они отрицают его претензию на превосходство, а если их возмещение превосходит дары, в этом случае они предъявляют встречные претензии на превосходство по отношению к дарителю.

Продолжение взаимного обмена укрепляет узы между равными, однако если не удастся адекватно ответить на значимые для людей благодеяния, то тем самым они подтверждают претензию дарителя на более высокий статус. В первобытных обществах происходящая дифференциация статусов имеет своими корнями институализированное значение односторонних благодеяний, в то время как в современном западном обществе она обычно проистекает из однозначной зависимости от поставщика благ.

Постоянное одностороннее предоставление важных благ – основной источник власти. Человек, имеющий в своем распоряжении ресурсы по удовлетворению потребностей других людей, может приобрести власть над ними при условии, что соблюдены четыре требования, которые сформулировал Ричард Эмерсон [Emerson R.

Exchange Theory. Part 1 and 2 // Social Theories in Progress. V. 1, 2. – Boston: Houghton Mifflin, 1972. – P. 31-41]:

1. Люди не должны иметь ресурсов, которых не хватает благодетелю. Иначе они могут получить у него все, чего хотят, в результате прямого обмена.
2. У них не должно иметься возможности получить желаемые блага из альтернативного источника, иначе это сделает их независимыми от благодетеля.
3. Они должны или быть неспособными, или не хотеть получить от него всего, чего хотят, с помощью силы.
4. Они не должны производить переоценку ценностей, которая позволила бы им обойтись без благ, в которых они ранее нуждались.

Если все эти четыре условия соблюдены, то людям не остается ничего, кроме как подчиниться его желаниям и власти, для того чтобы получить необходимые блага.

При наличии названных условий процесс обмена, таким образом, порождает дифференциацию власти.

Человек, контролирующий услуги, без которых другие не могут обойтись, который не зависим от любых услуг, имеющихся в распоряжении других людей, и услуги которого люди не могут получить нигде, кроме как от него, и которые не могут быть отобраны у него силой, – такой человек может обрести власть над людьми, удовлетворяя их потребности в зависимости от их подчинения его директивам.

Уступая его желаниям, они получают взамен блага, которые он поставляет. Баланс обмена восстановлен, когда односторонние услуги компенсируются дисбалансом власти. Человек, постоянно поставляющий необходимые другим услуги, делает их зависимыми от себя и обязанными ему, а их растущие обязательства не позволяют им проигнорировать его желания, иначе он может прекратить поставку нужных услуг. Их долг перед ним приобретает форму резервуара добровольного подчинения, в результате чего он по своему

усмотрению решает, в его ли интересах навязать им свою волю.

Подчинение людей воле другого и вытекающая из этого его власть, которой они оплачивают получаемые услуги, могут показаться ничем не отличающимися от других социальных вознаграждений, участвующих во взаимодействиях обмена. И, тем не менее, есть коренное отличие между дифференциацией власти и взаимным социальным обменом, подобно кардинальной разнице между социальным и экономическим обменом. Критерий отличия заключается в ответе на вопрос: “На чем усмотрении остается вознаграждение?”

При экономическом обмене ни одна из сторон не получает права решать, каким должно быть вознаграждение, поскольку точные условия вознаграждения оговорены при организации взаимодействия. При взаимном социальном обмене природу и время ответного возмещения решает тот, кто его делает, то есть реципиент, получатель первичной услуги. Во властных же отношениях ответное действие совершается по требованию того, кому должны, то есть поставщика первичной услуги.

Накопленные обязательства и односторонняя зависимость переносят власть усмотрения по поводу возмещения с должника на кредитора и преобразуют отношения между равными в отношения власти между вышестоящим и подчиненным.

4.9. Вторичный обмен

При изучении сложных социальных структур следует принимать во внимание заложенные в них социальные силы, не наблюдаемые при взаимодействии лицом к лицу. Само понятие обмена относится к эмерджентным свойствам социальных отношений и не может быть сведено к психологическим процессам, мотивирующим индивидуальное поведение. Теория обмена имеет дело с процессами взаимодействия, проявляющимися в то время, когда индивиды стремятся получить

вознаграждение в области социальных отношений, и не важно при этом, какие психологические силы заставляют каждого желать тех или иных вознаграждений. Дифференциация власти в сообществе инициирует, в свою очередь, другие процессы в сложных структурах, которые можно рассматривать как проявление вторичного обмена, начинающего оказывать существенное влияние на первичные процессы межличностного обмена.

Власть делает возможным подкрепить силой требования, и требования эти рассматриваются субъектами власти в терминах социальных норм правомерности, справедливости. Правомерный обмен власти правителем либо правящей группой вызывает социальное одобрение, в то время как несправедливые требования, воспринимаемые как разрушающие или подавляющие, ведут к социальному осуждению.

Таким образом, вторичный обмен – правомерность в использовании власти в обмен на социальное одобрение подчиненными – возникает в сообществе по мере того, как власть становится дифференцированной. Социальные силы, приводимые в движение этим вторичным обменом, ведут дело к легитимизации и организации, с одной стороны, либо к оппозиции и переменам – с другой.

Коллективное одобрение власти легитимизирует такую власть. Если люди получают выгоду от того способа, каким ими управляют находящиеся у власти, и считают, что требования, предъявляемые к ним, полностью оправданными теми преимуществами, которые предоставляет им руководство, то в таком случае легко развиваются общие чувства лояльности, поскольку в процессе общения людей друг с другом они дают положительную оценку руководству. Их совместные обязательства по отношению к руководству обычно находят выражение в социальных нормах, утверждающих подчинение тем, кто облечен правом давать

указания.

Сообщество подчиненных вознаграждает находящихся у власти за получаемые выгоды, вытекающие из существующей системы руководства, тем, что поддерживают указания лидеров как часть поддержки собственных социальных норм данного сообщества, то есть легитимизируя авторитет руководителя. Ибо отличительной характеристикой легитимной власти является то, что командам вышестоящих подчиняются не потому, что у них есть власть санкций, но из-за нормативного давления, оказываемого самими подчиненными, особенно если эти нормативные рамки институализируются. Власть, в свою очередь, укрепляет организованность, порядок.

Коллективное осуждение власти порождает оппозицию. Люди, разделяющие ощущение того, что их эксплуатируют и угнетают чрезмерные требования находящихся у власти, склонны обмениваться друг с другом своими недовольствами и претензиями. Желание отомстить, ударив по угнетателям, часто вспыхивает в таких обсуждениях, где люди получают социальную поддержку своим агрессивным чувствам. При этом может быть принята идеология оппозиции, что еще больше оправдывает и подкрепляет враждебность против существующих властей. Оппозиционное движение как раз и развивается из такого разделенного недовольства: например, люди сплачиваются, чтобы организовать союз против своего работодателя, или учреждают радикальную партию, борющуюся против своего правительства. Такая оппозиция является важным катализатором коренных социальных изменений.

Ведущей детерминантой социального поведения является институализированная система ценностей в обществе: ясные ценности, определяющие идентификацию с группой; общие стандарты нравственности и достижений; ценности, легитимизирующие правящую власть и организацию; идеологии, которые иногда воспитывают оппозиционность во властях

предержащих. Ведомые этими ценностями люди часто отодвигают на задний план непосредственный собственный интерес и соображения обмена. Например, профессиональные нормы могут потребовать от специалиста помогать клиентам, не считаясь с вознаграждением, получаемым от них.

Однако социальные ценности и нормы устанавливают довольно широкие рамки поведения, не регламентируя его в деталях. В этих рамках люди вольны преследовать свою заинтересованность в социальных вознаграждениях, и соображения обмена вполне уместны и применимы. В то время как социальные нормы запрещают ложь и обман, когда нужно получить совет от другого, они позволяют побудить его дать совет, выражая искреннее уважение, или же с помощью иных средств, специально не оговоренных. Однако общие ценности и принципы обмена влияют на социальное поведение, и, анализируя его, нельзя игнорировать ни то ни другое. Особый интерес при анализе социальной жизни представляет то, какое влияние имеют социальные ценности на вознаграждения, в которых заинтересованы люди. Патриотические или оппозиционные идеалы часто побуждают людей приносить большие материальные жертвы, однако эти ценности делают продвижение общего дела более значимым, нежели материальные выгоды.

Теория социального обмена самым прямым образом касается непосредственных отношений лицом к лицу и, следовательно, может быть дополнена другими теоретическими принципами, имеющими дело со сложными структурами, опирающимися на институализированные ценности.

4.10. Перспективы теории социального обмена

В наше время теория социального обмена довольно часто используется социологами, ведущими эмпирическое изучение как

социальных общностей, так и социальных структур в силу того, что она представляет собой достаточно удачную и конструктивную попытку интегрировать различные подходы структурный и деятельностный, – по функциям и по интересу, стратификационный и социально-психологический.

В 90-х годах теория социального обмена, в частности, стала все чаще применяться для анализа сетей обмена как в теории, так и в эмпирических исследованиях. Определение отношений обмена как “связанных” различными путями с формированием сетевых структур стало ключом к дальнейшему развитию этого влиятельного методологического направления в современной социологической мысли. Следует отметить, в частности, что теория социального обмена является ведущим методологическим направлением в исследованиях, проводимых сегодня скандинавскими социологами.

Представляется, что возможности этого методологического подхода не только не исчерпаны, но даже еще далеко не осознаны в полном объеме – ведь он позволяет не только проводить анализ разных уровней социальной реальности: социетального, макро- и микрогруппового, но и дает возможность осуществления органичного кросс-уровневого синтеза различных процессов и явлений.

4.11. Вопросы и задания

1. Становление и эволюция теории социального обмена.
2. Социальные обмены в малой группе.
3. Социальные обмены на институциональном уровне.
4. Обмены в сетях социальных отношений.
5. Структура и критерии эмерджентности.

4.12. Литература

Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994.

Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 119-131.

Современная западная социология: Словарь-справочник. – М.: Политиздат, 1985.

Тернер Дж. Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985.

Blau P. Exchange and Power in Social Life. – N. Y.: Wiley, 1986.

Blau P. Social Exchange // International Encyclopedia of the Social Sciences. V. 7. – N. Y.: Macmillan, 1968.

Homans G. The Human Group. – N. Y.: Harcourt, Brace and Co., 1950.

Homans G. Social Behavior as Exchange. – N. Y.: Harcourt, 1974.

The Sociology of G. Simmel / Ed. by K.H. Wolff. Glencoe, Ill: Free Press, 1950.

Continuities in Structural Inquiry / P. Blau and R. Merton eds. – L.: SAGE, 1981.

Malinowsky B. Argonauts of the Western Pacific. – L.: Routledge, 1960.

Levi-Strauss C. The Principle of Reciprocity // Sociological Theory. – N. Y.: Macmillan, 1964.

Emerson R. Exchange Theory. Part 1 and 2 // Social Theories in Progress. V. 1, 2. – Boston: Houghton Mifflin, 1972.

Miller N.E. and Dollard J. Social tearing and Imitation. – N. Haven: Yale Un-ty Press, 1941.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Постмодернизм

5.1. Постмодернизм как направление в социальной теории

В 90-е годы XX века постмодернизм стал одним из самых модных интеллектуальных течений западного мира в самых разных областях жизни, в том числе и в социологии. Впервые этот термин появился в архитектуре, где он означал протест против бетонных коробок, во множестве настроенных повсюду после второй мировой войны. Затем термин стал использоваться в дискуссиях по проблемам искусства и культуры. Наконец, в конце 80-х гг. им стали пользоваться философы, политологи, экономисты и социологи.

Ряд исследователей считают, что теоретическими корнями постмодернизма явились постструктурализм и деконструктивизм [См., напр.: Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996]. Российский исследователь постмодернизма как интеллектуального течения Илья Ильин считает, что он объединяет в себе несоединимое: “бессознательное стремление, пусть и в парадоксальной форме, к целостному и мировоззренчески-эстетическому постижению жизни, – и ясное сознание изначальной фрагментарности, принципиально несинтезируемой раздробленности человеческого опыта конца XX столетия” [Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – С. 5].

При всех вариациях в использовании данного понятия в социологии общим является согласие с тем, что в современном

обществе начались серьезные, возможно фундаментальные, изменения, отличающиеся от изменений, свойственных предшествующим фазам развития современной эпохи. В основе социологических теорий лежит имплицитные представления о том, что существуют различные исторические фазы, что есть современная (modern) процедура, а также постмодерновая.

Классики социологической науки XIX века изучали изменения, связанные процессами индустриализации. Именно эти изменения, по их мнению, создали современный мир. Конт и Вебер, в частности, главной тенденцией считали возрастающий триумф научной рациональности.

По Конт, влияние религии, предрассудков, философии должно уступить место “позитивистской” науке. Вебер полагал, что современность будет определяться все возрастающей рационализацией и бюрократией, в то время как аффективные и традиционные действия будут терять свое значение.

В теориях Маркса и Дюркгейма сделан меньший упор на научное и рациональное мышление, однако оба считали, что общество прогрессивно развивается: по версии Маркса – к коммунизму, по версии Дюркгейма – к сложному обществу, основанному на органической солидарности. Все они полагали, что, используя методы научного анализа, они открывают более широкие перспективы для общественного развития определяют будущие социальные изменения.

Для периода перехода от до-модернового к современному этапу характерна вера в прогресс и опора на науку. Ряд социологов полагает, что в до-модерновых обществах, например в родо-племенном, религия, предрассудки и традиции формируют базис, основу социальной жизни. Здесь не существует понятия социального изменения как фактора, контролируемого самим человеком. Вместо этого изменение рассматривается как определяемое другими, вне-человеческими силами.

Считается, что современные (модерновые) способы мышления

ведут свое начало от Просвещения XVIII века – широкого европейского интеллектуального движения, стремившегося отбросить предрассудки прежних поколений и заменить их более рациональной основой для социальной жизни.

Один из теоретиков постмодернизма – английский исследователь Дэвид Харви охарактеризовал Просвещение следующим образом: “Главная идея состояла в использовании знания, наработанного многими индивидами, работающими свободно и творчески ради достижения освобождения человека и обогащения повседневной жизни. Научное покорение природы обещало свободу от нужды, дефицитов и произвола природных стихий. Развитие рациональных форм социальной организации и рационального способа мысли обещало свободу от иррациональностей мифа, религии, предрассудков, освобождение от произвола власти, равно как и от темной стороны нашей собственной человеческой натуры” [Harvey David. *The Condition of Postmodernity*. – Oxford: Blackwell, 1990. – P. 12]. Надежды мыслителей Просвещения отразила Французская революция, они были унаследованы социологами в XIX веке.

Многие теоретики постмодернизма доказывают, что XX век отказался от целей Просвещения. Люди уже больше не верят в неотвратимость прогресса, в способность науки решить все проблемы, в совершенство человечества или же в возможность рациональной организации общества. Люди стали более пессимистичными относительно своего будущего и гораздо меньше склонны верить в то, что истина может быть найдена с помощью великих теорий или идеологий. Сейчас существует гораздо большее разнообразие теорий и большинство людей не склонно признавать, что одна совокупность идей является абсолютно истинной, а все другие – абсолютно ложными. Они не видят простых решений мировых проблем.

Сначала все эти изменения нашли, как уже отмечалось, свое отражение в архитектуре. Модерновая архитектура характеризуется

использованием новых, дешевых и эффективных материалов в массовом производстве домов и офисов для городского населения. Тогда широко бытовало представление, что применение научных знаний при использовании таких материалов, как сталь, бетон, стекло, поможет разрешить жилищную проблему. Швейцарский архитектор-модернист Ле Корбюзье рассматривал архитектуру как производителя “машин для современного проживания”. Он был приверженцем строительства функциональных высотных блочных зданий, которые должны были стать типичными приметами городов по всему миру. Однако в 70-х годах блочные башни начали выходить из моды. Чарльз Дженкс датировал конец модернизма в архитектуре разрушением жилищного проекта Прюитт-Игоу в Сент-Луисе в 1972 г.

По контрасту постмодерные архитекторы перестали доверять научному и идеалистическому подходу модернистов и обратились к заимствованиям из прошлого вместо предвосхищения высоко-технологического будущего. Как пишет Харви, образцы постмодерновой архитектуры включают “имитацию средневековых площадей и рыбацких деревень, жилые здания в традиционном стиле, обновленные фабрики и склады и восстановленные ландшафты самых разных типов [Opus cit. – P. 40]. Осуждение принципом Чарльзом модерновой архитектуры за то, что она лишает такие города, как Лондон, своего лица, может считаться типичным проявлением постмодерных установок.

5.2. Понятие постмодерна

По мнению теоретиков постмодерна, эта утрата веры во все великие проекты ради будущего человечества вышла за пределы одной лишь архитектуры и распространилась на все сферы социальной жизни. Мир вошел в ту фазу, когда годится все, дозволены все моды и стили, куда ни один не воспринимается слишком серьезно. Но если это так, то под сомнение ставятся

основные допущения социологии.

Французский теоретик Жан-Франсуа Лиотар утверждает, что постиндустриальное общество и постмодерная культура начали развиваться в конце 50-х годов, хотя темпы развития и достигнутый уровень серьезно разнятся в разных странах и внутри каждой страны [Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. – Manchester Univ. Press, 1984]. Лиотар полагал, что различия эти связаны с техникой, наукой и некоторыми социальными сдвигами, однако больше всего – с изменениями в языке. Ключевое понятие, введенное им, – это “языковые игры”. Он считал, что социальная жизнь организована вокруг этих языковых игр, служащих оправданию или же легитимизации поведения людей в обществе.

Допущения, что нечто является правильным или истинным, – это и есть игры, где каждое утверждение является “ходом”, который может помочь участнику в его попытке выиграть игру, заставить принять именно его версию того, что является истинным или правильным.

В до-индустриальных обществах, например в южноафриканском племени кашинахуа, нарратив, рассказ – устная передача историй, мифов, легенд, сказок – является главной языковой игрой. Рассказчик устанавливает свое право говорить и легитимность того, что он говорит, в соответствии с тем, кем он является. Он начинает свой рассказ, называя свое имя в племени кашинахуа, чтобы показать, что он подлинный, аутентичный член племени, которое и передало ему эту историю.

Это является, таким образом, примером самолегитимизации: то, что он говорит, должно быть принято благодаря тому, кем он является. Нарративы помогают закрепить правила, на которых основан социальный порядок, они играют ключевую роль в социализации.

С приходом эпохи Просвещения нарративы, языковые игры были массированно заменены научными “денотативными” играми. Ученый рассматривает нарратив как “принадлежащий к другому типу

менталитета: дикарского, примитивного, неразвитого, отсталого, отчужденного, состоящего из мнений, обычаев, авторитетов, предрассудков, невежества, идеологии” [Op. cit. – P. 27]. В денотативных языковых играх не имеет значения, кто говорит, суждения оцениваются в соответствии с тем, истинны они или ложны. Научные утверждения детально анализируются и “являются предметом аргументации либо доказательства” со стороны других участников игры. Доказательство и рациональный довод используются для установления того, принять или отвергнуть данное суждение.

Однако, углубляя свой анализ, Лиотар утверждает, что наука не способна полностью избавиться от нарративного знания. Наука пытается удержать дистанцию между собой и социальными договоренностями для того, чтобы оставаться объективной. Однако это поднимает вопрос о целях науки. Как могут быть оправданы огромные вложения в науку, если она отделяет себя от жизни общества? В конечном счете наука основывается на “метанарративах”, которые и придают ей смысл. Они придают целевую осмысленность научному предприятию и чувство ориентированности на жизнь общества. Метанарративы, имеющие ключевое влияние на западную мысль со времен Французской революции вплоть до марксизма XX века, предполагают, что с помощью науки люди прогрессируют, побеждая невежество и угнетение. За наукой признается способность помочь человечеству покорить природу и стать более сознательным, глубже понимающим самого себя. В дополнение к этому знание считается изначальным благом для людей, позволяющим им реализовать свой потенциал.

Лиотар считает, что метанарративы освобождения, эмансипации человечества, самореализации и социального прогресса были подорваны с приходом постмодерного общества. Развивается “недоверие к метанарративам” [Op. cit. – P. XXIV]. Люди уже больше не верят, что разум может победить суеверие, что человек может совершенствоваться, что политические изменения могут создать

совершенное общество.

Постмодерная эра характеризуется двумя основными чертами:

Первое, она очевидно отказывается от поиска истины, поскольку денотативные языковые игры теряют уважение, респектабельность. Знание оказывается фрагментом множества различных языковых игр, специфичных для конкретных областей науки или социальной жизни, по мере того, как люди теряют веру в поиск одной великой истины, объединяющей и обосновывающей все знание.

Второе, денотативные языковые игры заменяются техническими языковыми играми. В них суждения оцениваются не по тому, истинны ли они, а по тому, полезны ли они и эффективны. Акцент переносится с конечных целей человеческой деятельности на технические средства, с помощью которых может решаться большое разнообразие конкретных задач. В университетах, например, исследователя скорее могут спросить, в чем полезность его исследований, нежели – истинны ли выводы его исследований. Исследование начинает ориентироваться на производство знаний для того, что требует рынок.

Лиотар уделил мало внимания объяснению того, как произошли эти изменения. Однако он придавал наибольшее значение технике. По его мнению, постмодернизм основан на “миниатюризации и коммерциализации” машин. Компьютерная технология стала главной “производительной силой”. Большинство научных достижений постмодернизма связаны с коммуникацией, языком и хранением информации. Знание, которое не может быть транслировано в форму, используемую компьютерами, скорее всего, потеряется, или же его не оценят. Во все большей степени экономическая деятельность сосредоточивается на информационных технологиях. Социальная жизнь во все большей степени становится предметом мониторинга и контроля с помощью компьютеризированной техники, а контроль над знанием становится главным источником власти. Знание не является уже самоцелью, но средством купли-продажи, вероятно, даже борьбы за него. Он предполагает, что будущие войны будут вызваны не

спорами по поводу территории, но контролем над знаниями.

По Лиотару постмодерное общество основано на производстве и обмене полезной информацией. Великие теории истины, справедливости и прогресса вышли из моды. Языковые игры сосредоточены скорее на том, являются ли вещи эффективными и поддающимися продаже, нежели на том, служат ли они какой-то конечной цели. Часто анализ Лиотара очень похож на марксистскую критику капитализма. На деле же он восхваляет последствия постмодернизма. Поиск истины в современном мышлении привел только “к такому большому количеству террора, которое мы можем иметь” (в качестве примера он приводит репрессии сталинских времен). Постмодернизм открывает возможности для толерантности и творческого разнообразия, при которых люди не становятся коррумпированными доктринальным метанарративом.

Подобно работам большинства защитников постмодернизма, в трудах Лиотара можно встретить множество парадоксов. Нападая на “метанарративы”, сам Лиотар сделал множество всеобщих обобщений относительно направления развития человечества, а также множество моральных допущений и их желательность. Отвергая возможность объективного знания, он претендует на идентификацию и точное описание процесса развития ключевых сторон современных обществ.

Доказательства, которые он использует для поддержки своих претензий, достаточно расплывчаты, содержат мало доводов, почему читатель должен предпочесть “языковые игры” Лиотара построениям любого другого социального теоретика. Выступая за торжество разнообразия, Лиотар завершает свои выводы похвалой языковым играм, проводимым в соответствии с единым набором правил, таких же, что и для технических языковых игр.

Марксистский критик Лиотара Терри Иглтон видел во всем этом не что иное, как оправдание капитализма и погони за прибылью, невзирая ни на какие гуманные соображения [Eagleton T. *Capitalism, modernism and postmodernism // Against the Grain.* – L.: Verso, 1986. –

Р. 134].

Другим теоретиком постмодернизма является Жан Бодрийар. В своей работе “Симуляции” он доказывает, что претензия социологов на изучение собственного предмета – “социального” или “общества”, в противовес “политическому” или “экономическому” – в настоящее время уже не имеет смысла.

Для Бодрийара, “социальное” в современном мире не существует в качестве объективной реальности, ожидающей чтобы его изучали социологи. Он пишет, что социология “может только отметить экспансию социального и его расчлененных частей... Гипотеза смерти социального является также гипотезой ее собственной смерти” [Baudrillard J. Simulations. – N.Y.: Semiotexte, 1983. – Р. 3].

В противовес марксистам Бодрийар доказывает, что общество отходит от состояния, основанного на производстве и определяемого экономическими силами, вовлеченными в обмен материальными благами. Центральное значение покупки и продажи материальных товаров и услуг заменяется на продажу и покупку знаков и имиджей, имеющих весьма малое отношение, если оно вообще есть, к материальной реальности. Бодрийар не очень подробно объясняет, что он имеет в виду в этом контексте, однако примеры показывают способы, когда автомобили, сигареты, поп-звезды и политические партии стали больше ассоциироваться с представляющими их имиджами, чем с сутью, их составляющей (соответственно, с моторами, содержанием никотина, музыкой, политикой).

5.3. Категория симулякрума

Бодрийар доказывает, что знаки человеческой культуры прошли четыре главных этапа:

- 1) знаки (слова, имиджи и т.д.), являющиеся “отражением базовой реальности”;
- 2) знаки, “маскирующие и извращающие некую базовую

реальность”, имиджи, становящиеся искажением истины, однако они не потеряли всех связей с материальными объектами;

3) знаки, “маскирующие отсутствие некой базовой реальности”, например: иконы могут скрывать тот факт, что Бог не существует;

4) знаки, “не имеющие никакого отношения к какой бы то ни было реальности; они являются своими собственными чистыми симулякрумами”.

Симулякрум – это имидж того, что не существует и никогда не существовало. По Бодрийару, современное общество основано на производстве и обмене свободно плавающих сигнифайеров (слов и имиджей), не имеющих никакой связи с тем, что они сигнифицируют, означают (вещами, с которыми соотносятся эти слова и имиджи).

Для иллюстрации этого положения Бодрийар приводит ряд примеров. Так, он описывает Диснейлэнд как “совершенную модель” симулякрума. Он является копией вымышленных миров, таких как “пираты, новые земли, будущий мир”. Симулякры не связаны с тематическими парками. Согласно Бодрийару, весь Лос-Анджелес – это нечто, составляющее придуманный мир, основанный на рассказах и имиджах, не имеющих подосновы в реальности, он “не что иное, как огромный сценарий и вечно продолжающаяся кинокартина” [Op. cit. – P. 26].

В современных обществах преобладание сигнифайеров стремится уничтожить любую “реальность”, с которой они могут быть соотнесены. Он приводит примеры филиппинского племени тасадай, мумии Рамзеса II и семьи Лудов, которые были предметом документальных фильмов в США. Индейцы тасадай были обнаружены в затерянном уголке Филиппин и антропологи начали их изучать. Однако правительство решило, что этот процесс может разрушить традиционную культуру тасадай, и вернуло это племя к изоляции от современной цивилизации. Таким образом, они были превращены в симулякрум, модель “первобытного” общества. Они не

столько были возвращены к своему первоначальному и естественному состоянию, сколько стали представлять для западного общества все примитивные народы.

Ученые также разрушили первоначальное состояние мумии египетского фараона Рамзеса II. Будучи раз перенесенной со своего первоначального места и помещенной в музей, она начала рассыпаться, и необходимо было применить научные методы, чтобы попытаться сохранить ее. Одновременно, однако, мумия изменилась, и ее аутентичность разрушалась.

Семья Лудов была разрушена аналогичным образом. Выбранная в качестве “типичной” калифорнийской семьи, она стала объектом трехсотчасового фильма, и ее жизнь была показана по всей Америке. Во время этого процесса семья распалась и различные члены семьи пошли своими путями. Было это следствием вмешательства телевидения или нет, но семейная реальность неизбежно изменилась благодаря факту, что они стали объектом публичного спектакля. Попытки “сфотографировать, снять” реальность неизбежно ведут к ее трансформации, иногда к разрушению. Таким образом, наука и телевидение снимает прежде всего имиджи вещей, а не сами вещи.

Бодрийар был весьма пессимистично настроен в отношении последствий такого рода событий. Если стало невозможным зафиксировать реальность, то, значит, также невозможно изменить ее. Он рассматривал общество как “взрывающееся вовнутрь” и становящееся подобием черной дыры, в которой невозможно избежать обмена знаками, не имеющими реального смысла. По мнению Бодрийара, нельзя сказать, что власть распределена неравномерно, она просто исчезла. Никто не может воспользоваться властью для изменения хода вещей. Если президент Кеннеди был убит, поскольку он мог воспользоваться реальной властью, то Джонсон, Никсон, Форд и Рейган были просто марионетками, не имеющими ни малейшего шанса изменить Америку или любую другую часть мира. С концом “реального” и его заменой симулякрумами и окончанием эффективной власти мы все попали в

ловушку наподобие виртуальной тюрьмы, лишившей нас свободы изменять вещи и приговорившей нас к неотвратимому обмену бессмысленными знаками.

Отличие Бодрийара от Лиотара состоит в следующем. Он рассматривает людей как попавших в определенного рода ловушку безвластной униформности, но не как освобожденных с помощью плюрализма и разнообразия. Бодрийар еще более неопределенен, чем Лиотар, в объяснении того, как наступает постмодерная эра. Однако он придавал особое значение средствам массовой информации, и особенно телевидению. Он писал о растворении жизни на телевидении: "... телевидение следит за нами, телевидение отчуждает нас, телевидение манипулирует нами, телевидение информирует нас" [Op. cit. – P. 56]. Представляется, что именно телевидение главным образом ответственно за наступление ситуации, когда имидж и реальность уже неотличимы друг от друга.

5.4. Социологическая критика постмодернизма

Бодрийар не предлагает нам каких-то систематизированных доказательств своей позиции, но обращается к использованию анекдотов для иллюстрации своих аргументов. В этом смысле его работа демонстрирует ограниченность философского подхода, который не имеет ничего общего с доказательством, основанном на детальном социальном исследовании. Например, Бодрийару не удалось показать, что люди поглощаются миром телевидения, что Диснейлэнд является чем-то большим, нежели фантазии своих посетителей, или что жители Лос-Анджелеса живут в мире менее "реальном", чем жители Парижа.

Его критик Брайан Тернер указывает, что исследование о воздействии СМИ демонстрирует, что аудитория не просто пассивно поглощает содержание СМИ неким стандартным образом [Turner B. Baudrillard for sociologists // Forget Baudrillard? – L.: Routledge, 1993. – P. 83].

На самом же деле мы стремимся воспринять сообщения СМИ *активно*, в соответствии с нашими конкретными нуждами и потребностями и нашими конкретными социальными контекстами. Его анализу политики также недостает основательности. Например, он описывает Рейгана как марионетку, не имеющую, подобно другим “постмодерновым политикам”, власти. А Дэвид Харви комментирует, что хотя избрание Рейгана во многом произошло благодаря его имиджу в СМИ, существует жесткая реальность его политики и ее последствий для жизни американских граждан.

Харви пишет: “Поднимающаяся волна социального неравенства захлестнула США в годы правления Рейгана, достигнув послевоенного пика в 1986 году... С 1979 по 1986 г. количество бедных семей с детьми выросло на 35 процентов... Несмотря на сокращение безработицы (превышающей 10 процентов по официальным данным в 1982 году), процент безработных, получающих хоть какую бы то ни было федеральную помощь, упал до всего лишь 32 процентов, то есть до самого низкого уровня в истории социальной защиты” [Harvey D. *The condition of Postmodernity*. – Oxford: Blackwell, 1990. – P. 330-331]. Вдобавок почти 40 миллионов человек остались без медицинского страхования.

В одной из своих работ Тернер показал, что не существует основы в новизне идей Бодрийара и его убеждениях, что они делают социологию ненужной. Его критика концепции “социального”, как пишет Тернер, была предвосхищена предостережением Вебера относительно использования терминов “социальное” и “социология” [Turner V. *Op. cit.* – 1993].

Английский социолог Майкл Манн возражал против использования понятия “общество”, предлагая взамен анализ различных сетей власти, действующих на различных уровнях и в различных областях в рамках глобальной матрицы наций и государств [Mann M. *The Sources of Social Power*, Vol. 1. – Cambridge Univ. Press, 1986. – P. 138-139].

Критика постмодернистами объективного социального знания

также была темой дебатов в социальных науках с конца XIX века. Тернер считает, что анализ постмодерновой культуры уходит своими корнями в зиммелевский анализ повседневной жизни в современных урбанистических центрах и в анализ современной культуры Даниэла Белла, содержащийся в работах последнего: “Приход постиндустриального общества” (1973) и “Культурные противоречия капитализма” (1976).

Белл доказывал, что с 20-х годов существует противоречие между культурой капитализма с ее продвигаемым СМИ упором на удовольствия и потребление и реальными потребностями капиталистической экономики, требующей аскетизма и дисциплины веберовской протестантской этики.

Скорее он, нежели Бодрийар, был первым, кто указал, что реалии культуры и “знаки” автономны от экономики. Зигмунд Бауман также доказывал, что корни постмодерновой социологии могут быть выведены из стремлений Гарольда Гарфинкеля “раскрыть хрупкость и неустойчивость социальной реальности, ее “чисто” вербальные и конвенциональные основы, ее договорной характер, постоянное использование и непреодолимую недодетерминированность [Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. – L.: Routledge, 1992. – P. 40].

Наконец, Тернер предположил, что идея о том, что современные общества принципиально новы, – *исторически* неверна, и что “упрощающая периодизация модерна/постмодерна должна быть отброшена” [Turner. *Op. cit.* – P. 84.] Он доказывал, что модерн ведет свое начало от протестантской Реформации, развития аграрного капитализма и экспансии колониальной мировой экономической системы, но что существовала реакция против “метанарратива” протестантского Барокко в XVIII столетии.

Культуру Барокко он описывал как “имеющую сильное чувство фрагментированной и построенной природы социального, развившего выраженное чувство беспокойства и субъективности “Я”, которая практиковала пародию и иронию в качестве риторических стилей” [Turner. *Op. cit.* – P. 83-84]. Американский исследователь Фредрик

Джеймсон разрабатывал проблематику политического действия в рамках постмодернистской концепции. Его монография “Марксизм и форма: диалектические теории литературы XX века” (1971), продолжая марксистскую традицию, стремится демистифицировать иллюзии, подвергая критике “ложное сознание”. Вышедшая десять лет спустя его книга “Политическое бессознательное: повествование как социально символический акт” написана с позиций позитивной герменевтики, стремящейся добраться до “сущностных истоков жизни”, и перекликается с концепциями диалогичности и карнавальности Михаила Бахтина, социальной критикой Франкфуртской школы, “принципом надежды” Эрнста Блоха.

Социальный географ Дэвид Харви предложил альтернативный взгляд на постмодерное общество. Он признавал, что в обществе произошли важные изменения, но не рассматривал их как абсолютно фундаментальные. Харви отверг положение о том, что метанарративы пережили свою полезность, поскольку он использовал марксизм в качестве основы своего анализа. Он предпринял более серьезные попытки объяснить изменения в современных обществах, нежели большинство других теоретиков постмодернизма, и сделал особый упор на экономические факторы, влияющие на изменения. И в этом отношении его работа является более социологичной, чем работа Лиотара или Бодрийара.

Харви утверждает, что капиталистическая экономическая система остается ядром современных западных обществ. Эта экономическая система сохраняет три базовых характеристики:

1. Капитализм основан на экономическом росте и считается находящимся в кризисе, когда нет роста.
2. Капитализм основан на том, что рабочим платят меньше, чем стоимость производимого ими товара для того, чтобы произвести прибыль. “Динамика классовой борьбы, следовательно, является характеристикой капиталистической экономики и капиталистического общества”.
3. Капитализм динамичен. Он постоянно производит новые

способы организации работы и технологические инновации, поскольку бизнес стремится опередить своих конкурентов.

Эти базовые характеристики означают, что капитализм всегда склонен к изменениям. По мере его развития новые способы развития контролирования труда и попытки гарантировать прибыльность становятся необходимыми. По мнению Харви и большинства марксистских теоретиков, периоды кризиса – неизбежны. Эти кризисы ведут к изменениям в экономике, которые могут иметь важные последствия для общества и культуры.

Харви рассматривал постмодернизм как реакцию на один из таких кризисов и датировал его появление 1973 годом. С конца второй мировой войны и до 1973 года глобальная капиталистическая экономика была исключительно стабильна. Существовал стабильный рост в большинстве стран, рос уровень жизни и существовала относительная гармония между социальными классами.

Однако после 1973 года мировую капиталистическую экономику настигла серия экономических проблем. Производители нефти повысили цены на нефтепродукты, стала расти безработица, упали прибыли, многие страны испытали стагфляцию (стагнацию + инфляцию), то есть высокую инфляцию без экономического роста. Эти проблемы привели, по мнению Харви, к изменению “режима накопления” [Op. cit. – P. 121], применению различных методов, пытающихся обеспечить рост и прибыльность. Это, в свою очередь, привело к некоторым культурным изменениям, которые были названы постмодерновыми и создали новый, ассоциированный “способ социального и политического регулирования” [Op. cit. – P. 121].

Харви подчеркивает, что многие аспекты эры постмодерна не являются новыми. Капитализм всегда содержал в себе противоречивые тенденции, которые можно найти на протяжении всей его истории. “Никогда не было некой одной зафиксированной конфигурации, но колебания между укреплением и демонтажом, между иерархией и анархией, между постоянством и гибкостью”

[Op. cit. – P. 339]. Тем не менее, он полагал, что капитализм сейчас больше подвинулся ко второму полюсу, он сегодня ближе к постмодерновому набору характеристик и отдалился от предыдущего, модернового состояния.

Переход от модернизма к постмодернизму характеризуется сдвигом в сторону “гибкого накопления”. Харви является одним из тех теоретиков, кто доказывает, что гибкость в бизнесе (часто называемая пост-фордизмом) начала заменять фордизм. По Харви, гибкая аккумуляция (накопление) включает в себя:

- быстрые изменения на рынках труда, товаров и образцов потребления;
- более быстрые технологические изменения;
- возрастающую занятость в сфере услуг;
- уменьшение влияния профсоюзов;
- высокий уровень безработицы;
- снижение уровня защищенности рабочих, от которых ожидают, что будут достаточно гибкими для приспособления к постоянно меняющимся запросам своих работодателей.

Бизнес не может больше рассчитывать на регулярные и долгосрочные прибыли, и поэтому он должен постоянно адаптироваться для выживания. Внедрение потребления новых товаров, таких как компьютерные игры и новые услуги в индустрии досуга, привело к культурным изменениям. Капиталисты преуспели в практике быстрых изменений моды (например, в одежде и музыке), что позволяет постоянно возобновлять прибыли.

Эти экономические изменения лежат в основе культурных, политических и социальных изменений, являющихся предметом изучения теоретиков постмодернизма. В частности, проникновение капитализма в столь многие области досуга, чтобы увеличить потребление, привело к “постоянному бурлению, нестабильности и неустойчивым качествам постмодерной эстетики, которая поднимает на щит различия, эфемерность, умение поднести себя, моду и

постоянные модификации культурных форм” [Op. cit. – P. 156].

По мере того как массовая продукция становится менее прибыльной, гибкая аккумуляция привела к выдвиганию капиталистов из следующих относительно небольшие рынки с более специализированными запросами, поощряющие тем самым культурное разнообразие. В этом отношении, как пишет Харви, постмодернизм “символизирует не что иное, как логическое распространение силы рынка на весь спектр культурного производства” [Op. cit. – P. 62].

5.5. Социальное время и пространство на стыке веков

Возросшая географическая мобильность и развитие дальнего туризма привели ко всевозрастающему перемешиванию мировой культуры. Более быстрые и более дешевые путешествия, а также убедительность средств массовой коммуникации повлияли, по мнению Харви, на способы, какими люди оценивают пространство и время. И то и другое как бы скомпрессовалось, и исследователь связывает это с ускорением процесса производства и с использованием технологий, таких как “точно в срок” [Op. cit. – P. 365-367].

Чувство времени и пространства стало ослабленным в эпоху постмодерна. Например, в главных городах вы можете есть пищу со всего света – французские круассаны, японские суши, американские орешки, китайскую жареную утку; слушать музыку со всех континентов; покупать “кенийские бобы, калифорнийские авокадо, североафриканскую картошку, канадские яблоки и чилийский виноград” в супермаркетах. Более того, “географическая сложность мира еженощно редуцируется до серии картинок на статичном телевизионном экране” [Op. cit. – P. 300].

Времена перепутываются, когда люди получают

возможность посетить “старый мир” в Диснейленде или соответствующим образом одеться для проведения средневекового уикэнда в замке. Времена, места и культуры перемешиваются в очень узком пространстве. И все это отражается в искусстве, философии и социальной мысли и типизируется как “эфемерность, коллаж, фрагментарность”. Твердая граница знаний и убеждений сегодня кажется подорванной этим разнообразием и фрагментарностью, однако, по мнению Харви, эти основы не должны исчезнуть.

Время и пространство скомпрессовались и в мировой финансовой системе. Торговля корпоративными ценными бумагами, акциями, валютой продолжается 24 часа в сутки и с помощью компьютерной технологии производится почти мгновенно. То, что случается в Токио, моментально влияет на рынки в Лондоне, Нью-Йорке и Сиднее. Все страны мира ощущают на себе последствия огромных долгов третьего мира западным странам. По Харви, мировая финансовая система стала сегодня настолько сложной, что национальным правительствам почти невозможно понять ее, не говоря уже о контроле.

Эти сдвиги вкупе с переходом к гибкой аккумуляции вызывают политические изменения. Это, в частности, касается повышения роли имиджей в политике. Несмотря на проблемы, которые ощутили на себе многие американцы во времена правления президента Рейгана, ему удалось переизбраться в качестве “жесткого, но теплого, имеющего добрые намерения человека, который предан идеям величия и справедливости Америки” [Op. cit. – P. 330].

Как Рейган, так и Маргарет Тэтчер (в Британии) поймали экономическое настроение своего времени, поддерживая предприимчивость необходимую в период гибкой аккумуляции. Оба подчеркивали ограничения власти правительства и необходимость доверять “рынку”, хотя оба были вынуждены вмешиваться в экономику для решения таких проблем, как долги

третьего мира. Оба ослабили силу профсоюзов, облегчив тем самым капиталистам возможность повысить свои прибыли.

Постмодернизм не просто повлиял на правительство, он также привел к развитию политических и социальных движений. Положение классов и рабочее движение стали менее значимыми как источники оппозиции капитализма. Политическая оппозиция стала более раздробленной в разнообразных движениях, представляющих частные группы или интересы. Существуют “религиозные, мистические, социальные, коммунальные, гуманитарные движения, определяющие себя непосредственно в терминах антагонизма к власти денег, или же в терминах рационализированных понятий пространства и времени над повседневной жизнью” [Op. cit. – P. 238]. Возросло влияние таких проблем, как феминизм, этнические неравенства, экология и бедность, в странах третьего мира.

Однако Харви также приводит свидетельство того, что эти различные социальные движения могут начать объединяться. Некоторые политические лидеры, такие как Джесси Джексон в США, привели к созданию “Радужной коалиции” угнетенных меньшинств. Харви заявил, что он нашел признаки “нового интернационализма в экологической сфере... и в борьбе против расизма, апартеида, мирового голода, неравномерного географического развития” [Op. cit. – p. 358].

Совершенно ясно, что существует множество причин, чтобы отвергнуть взгляды постмодернистских философов не знакомых с социологической теорией и исследованиями, а также позиция, согласно которой проект, начатый эпохой Просвещения, частью которого является социология, уже был или должен быть отложен. Современные общества можно систематически изучать и понять. А способы улучшения их и людей живущих в них можно идентифицировать, несмотря на то что претворение этих идей на практике часто оказывается довольно трудным. Социальная жизнь людей состоит не только из языковых игр или симулякрумов, но и

включает реальные отношения между живыми людьми, а также множество форм реального сопротивления существующим отношениям власти и господства.

Все это делает изучение данных социальных отношений с помощью научных дисциплин, таких как социология, делом достойным, действительно важным и заостряет внимание на необходимости понять множество теоретических перспектив, вытекающих из изучения человеческих и социальных отношений.

5.6. Некоторые выводы

Делая обзор социологических теорий и исследований, мы не замечаем “смерть” социального, сопровождаемую отмиранием социологии, как об этом говорят философы, такие как Деррида. Вместо этого мы видим разнообразный спектр теоретической и эмпирической работы, включающей в себя:

- новое понимание теорий прежних социальных теоретиков, включая Вебера, Дюркгейма, Зиммеля, Парсонса, Франкфуртскую школу и других, используя их идеи новыми способами для анализа современных социальных условий и их исторической укорененности в предшествующих периодах;
- развитие новых социологических перспектив, включающих, в частности:
- использование работ Мишеля Фуко о власти и правительстве, Алена Турена – о теории действия и современных социальных движениях;
- новую формулировку социологической методологии и социологического понимания культуры, языка, действия и социальной репродукции в трудах Пьера Бурдьё;
- открытия Норбертом Элиасом “цивилизующего процесса” и его “процессуального” социологического подхода в изучении различных тем – от меняющегося управления эмоциями до глобализации культуры и государственного

строительства;

- продолжающееся изменение социологической теории под влиянием феминистских дебатов и интеграцию феминистской перспективы в основную социологическую теорию и исследования;
- эмпирические исследования:
- исторических процессов, являющихся причиной возникновения современных социальных условий;
- изменений, вызванных классовыми отношениями, государственным строительством, образованием, сексуальностью и полом;
- глобализации и ее отношений с локально базирующимися идентичностями;
- культуры и этничности и их отношений к государственному строительству;
- отношений между экономикой, гражданским обществом и государством;
- изменений в семейной жизни;
- процессов индивидуализации в современных обществах и влияния рыночных сил на социальные отношения;
- природы научного, литературного и обыденного знания и его социального конструирования.

Все это – лишь немногие из тем, изучаемых социологами и используемых другими научными дисциплинами, такими как история, антропология, экономика, психология и география. В действительности одна из наиболее ярких черт обществоведения сегодня – это его всевозрастающая интеграция и взаимное оплодотворение. Таким образом, предполагаемый постмодернистский упадок дисциплинарных метанарративов, как представляется, на самом деле вдохнул новую жизнь во все обществоведческие дисциплины, увеличивая значение вклада каждой из них.

Многие из перечисленных выше тем являлись центральными

для социологии с момента ее зарождения в XIX веке и останутся значимыми по мере того, как социальная жизнь будет развиваться в XXI веке. Другие же – это новые проблемы, отражающие изменяющуюся природу социальной жизни. Но все они показывают важное значение вклада, который с социологического понимания может внести более глубокое понимание человеческого мира и того, как он меняется.

5.7. Вопросы и задания

1. Какие социальные процессы и явления привели к появлению концепции постмодерна?
2. Назовите ведущих теоретиков постмодернизма.
3. Что происходит с управляемостью социальными процессами на рубеже тысячелетий?
4. Что такое симулякрум?
5. Дайте определения нарративу и метанарративу.

5.8. Литература

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996.

Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998.

Култыгин В.П. Социальная управляемость как явление и как проблема в эпоху постмодернизма // Личность. Культура. Общество. – 1999. – Т. 1. – Вып. 1. – № 1-2.

Baudrillard J. Simulations. – N.Y.: Semiotexte, 1983.

Bauman Z. Intimations of Postmodernity. – L.: Routledge, 1992.

Eagleton T. Capitalism, modernism and postmodernism // Against the Grain. – L.: Verso, 1986.

Harvey D. The Condition of Postmodernity. – Oxford: Blackwell, 1990.

Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. – Manchester Univ. Press, 1984.

Mann M. *The Sources of Social Power*. Vol. 1. – Cambridge Univ. Press, 1986.

Turner B. *Baudrillard for sociologists // Forget Baudrillard?* – L.: Routledge, 1993.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Феноменологическая социология¹

6.1. Сущность феноменологического подхода

Феноменология – одно из методологических направлений в социальной теории. Оно ставит целью описывать “жизненный мир” – акты сознания, основанные на непосредственном восприятии идеальных сущностей (феноменов), опираясь на интуицию. При этом как бы выводятся за скобки суждения о социальной структуре, и, таким образом, подобное исследование не связано с представлениями о причинно-следственных связях в социальном мире.

Феноменология – это направление философской мысли, впервые сформулированное Эдмундом Гуссерлем (1859-1938). В социологии эти идеи развивал Альфред Шюц (1899-1959), ученик Гуссерля, в 30-е годы переехавший в США. Феноменология отличается от теорий социального действия отрицанием возможности объяснения социального действия как такового. Главный акцент феноменологии делается на внутреннюю работу человеческого мозга, и на те способы, с помощью которых люди классифицируют окружающий мир и объясняют его для себя. Это направление не занимается каузальным объяснением человеческого поведения.

Феноменологи пытаются понять смысл явлений или вещей, но не объяснять, как они возникают. Согласно феноменологам,

---

¹ Первоначально этот материал был подготовлен как лекция в вузовском курсе истории социологии. При его подготовке был использован ряд западных учебников, в частности: Haralambos M., van Krieken R., Smith Ph., Holborn M. *Sociology. Themes and Perspectives*; Giddens A. *Introduction to Sociology*; и др.

индивиды только вступают в контакт с внешним миром с помощью своих органов чувств. Невозможно ничего знать об окружающем мире, кроме как через органы чувств. Простого обладания чувствами, однако, не достаточно для того, чтобы человек мог разобраться в окружающем мире. Если люди воспринимают свой чувственный опыт таким, каков он есть, им придется столкнуться с невыносимой массой впечатлений, цветов, звуков, запахов, ощущений, которые сами по себе бессмысленны. Чтобы преодолеть эту проблему, люди должны организовать мир вокруг себя в виде явлений; они классифицируют свой чувственный опыт в такие вещи, которые имеют некие общие характеристики. Например, можно разделить объекты на одушевленные и неодушевленные. Это разделение может быть углублено разделением живых объектов на млекопитающих и на не млекопитающих. Млекопитающие могут быть разделены на различные виды, а виды, в свою очередь, подразделены на различные разновидности. У людей есть серия различных способов классификации и понимания мира, внешнего по отношению к человеческому сознанию. Например, маленькое белое животное, издающее лающие звуки, может быть идентифицировано как пудель.

Гуссерль не верил, что этот процесс является объективным хоть в какой-то степени; классификация явлений – это исключительно продукт человеческого мозга. Пытаясь упрочить знания, люди должны “взять в кавычки” реальность и обыденные верования; рассматривать их в этих кавычках и забыть о том, являются ли они истинными или ложными.

Как только они это сделают, так смогут обратить свое внимание на феноменологическое понимание мира. Для того чтобы понять социальную жизнь, доказывал он, феноменологи должны изучить способ, с помощью которого люди помещают внешний мир в категории, выделяя отдельные явления. Делая это, становится возможным понять смысл явления, открывая его сущность. Под этим Гуссерль подразумевал, что исследователь может определить характерные черты (сущность), группу вещей (или явлений), которую

люди соединяют вместе. Так, например, может быть найдено, что характерная черта (часть сущности) лодки – это то, что она может плавать.

6.2. Социальный мир А. Шюца

Общий подход, принятый в феноменологии, является скорее отраслью философии и знания, чем социологической перспективой. Альфред Шюц первым попытался объяснить, как можно применить феноменологию для рассмотрения социального мира. Основной вклад работы Шюца “Феноменология социального мира” состоит в том, что, по его мнению, способ, которым люди классифицируют и придают значение внешнему миру, не является чисто индивидуальным процессом. Люди создают “типификации” – понятия, приложимые к классам вещей, вытекающие из опыта. “Банковский менеджмент”, “футбольный матч”, “уборка”, “дерево” – все это примеры типификаций.

Эти типификации не являются уникальными для каждого человека, они разделяются членами общества. Их передают детям во время обучения языку, чтения книг или разговоров с другими людьми. Используя типификации, люди способны общаться с другими на основе допущения, что они видят мир таким же образом. Постепенно член общества набирает некий пакет, который Шюц называет обыденным знанием. Этот пакет он разделяет с другими членами общества, что позволяет им жить и общаться друг с другом.

Шюц полагал, что такое знание является основополагающим для достижения практических задач в повседневной жизни. Например, он описывал способ, в котором простой акт, такой как отправление письма, остается на уровне обыденного знания и существования разделенных типификаций. Лицо, отправляющее письмо полагает, что другое лицо (почтальон, которого он, может быть, никогда и не видел) сможет распознать кусок бумаги с надписями на нем в качестве письма и совместно с другими почтовыми работниками

доставить его по адресу на конверте.

Люди также полагают, что получатель письма (опять же, может быть, тот, кто раньше не встречался) может иметь аналогичное собственное обыденное знание и поэтому будет в состоянии понять послание и отреагировать должным образом.

Хотя Щюц подчеркивал, что знание это разделяемое, он не считал его фиксированным и неизменным. На самом деле обыденное знание постоянно модифицируется в процессе человеческого взаимодействия. Щюц полагал, что каждый индивид имеет уникальную биографию и что он интерпретирует и ощущает мир немножко иным образом, чем другие, однако существование пакета обыденного знания позволяет людям понять, по крайней мере частично, действия друг друга. Делая это, они убеждают сами себя, что таковы закономерные и правильные черты мира и социальной жизни. С этой точки зрения люди создают между собой иллюзию, что существует стабильность, порядок в обществе, в то время как на самом деле все это – куча индивидуальных опытов, не имеющая четкой формы.

6.3. Этнометодология Г. Гарфинкеля

Этнометодология является сравнительно недавним социологическим подходом. Многие понятия этнометодологов отражают подход, развитый Щюцом, хотя тот и не проводил детальный анализ, предпочитая теоретизировать о природе общества. Сам термин “этнометодология” пущен в оборот Гарольдом Гарфинкелем в 1967 году. Этимологически этот термин означает изучение методов, используемых людьми. Этнометодология имеет дело с методами, используемые людьми (или “членами”, как их называют методологи) для конструирования, рассмотрения и придания смысла их собственному социальному миру.

Вслед за Щюцем этнометодологи полагают, что нет никакого внешне определенного социального порядка, как это предполагается в

некоторых других социологических подходах. Социальная жизнь представляется стройной членам общества только потому, что его члены активно участвуют в придании смысла социальной жизни.

Общества имеют регулярные и упорядоченные образцы действия потому, что члены рассматривают их именно таким образом, а не потому, что образцы где-то существуют “в” обществах. Социальный порядок, следовательно, становится удобной фикцией, видимостью порядка, построенной членами общества.

Эта видимость позволяет описывать и объяснять социальный мир, сделать его познаваемым, разумным, понимаемым и анализируемым для членов общества. Он делается объяснимым в том смысле, что члены общества оказываются в состоянии дать описания и объяснения своим собственным действиям и действиям общества, происходящим вокруг них, воспринимая их как разумные и приемлемые для себя и для других.

В работе Аткинсона “Социетальные реакции на самоубийство”, коронер² в состоянии оправдать и объяснить свои действия самим себе и другим в терминах путей здравого смысла в процессе вынесения вердикта.

Ключевой точкой этнометодологии, по мнению Циммермана и Видера, является объяснение того, “как члены общества относятся к задаче рассмотрения, описания и объяснения порядка в мире, в котором они живут” [Zimmerman D.H. and Wieder D.L. *Ethnomethodology and the problems of order: comment on Denzin' // Understanding Everyday Life*. – L.: Routledge & Keagan Paul, 1971. – P. 289].

Этнометодологи, следовательно, провели изучение техники, с помощью которой члены достигают видимости порядка.

Гарфинкель доказывал, что члены используют “документальный вывод”, для того чтобы придать смысл и объяснимость социальному миру и придать ему видимость порядка. Этот метод состоит из

---

² Судебные работники, определяющие естественный или насильственный характер смерти.

выделения определенных аспектов неопределенного количества черт, содержащихся в любой ситуации и контексте, или определений их конкретным образом и рассмотрения их в качестве свидетельства, рассматриваемого образца.

Таким образом, процесс перевернут, и конкретные моменты рассматриваемого образца используются затем как доказательства существования самого образца. По словам Гарфинкеля, документальный метод состоит в рассмотрении актуальной видимости как “документа”, как “указывающего на”, как “свидетельствующего в пользу” предполагаемого рассматриваемого образца. Рассматриваемый образец не только выводился из индивидуальных документальных свидетельств, но эти индивидуальные документальные свидетельства, в свою очередь, выводились на основе “того, что известно о рассматриваемом образце. Каждый из этих элементов используется для разработки другого” [Garfinkel. *И Studies in Ethnomethodology*. – Eng. Cliffs: Prentice-Hall, 1967. – P. 78].

Так, в упоминавшемся выше исследовании Аткинсона те смерти, которые рассматривались как самоубийство, считались таковыми с помощью обращения к соответствующему образцу. А образец этот – теория самоубийства, построенная коронером на здравом смысле. Однако в то же самое время смерти, определенные как самоубийство, рассматривались как свидетельства существования соответствующего образца. Таким образом, частные случаи образца и сам образец взаимно усиливают друг друга и используются для дальнейшего развития друг друга. Таким образом, документальный метод может рассматриваться как “рефлексивный”. Конкретный случай рассматривается как рефлексия (отражение) соответствующего образца и наоборот.

Гарфинкель доказывал, что социальная жизнь “по своей сущности рефлексивна”. Члены общества постоянно соотносят аспекты деятельности и ситуаций с предполагаемыми образцами и

подтверждают существование этих образцов обращением к частным случаям их проявления. Таким образом, члены создают отчет о социальном мире, который не только придает смысл и объясняет, но в действительности и создает этот мир.

Например, давая отчет о самоубийстве, коронеры, по существу, производят самоубийство. Их отчет о самоубийстве конституирует самоубийство в социальном мире. В этом отношении отчеты – это часть вещей, которые они описывают и объясняют. Социальный мир, следовательно, создается методами и описательными процедурами, в терминах которых он идентифицируется, описывается и объясняется. Социальный мир создается своими членами при помощи документального метода. Именно это имел в виду Гарфинкель, описывая социальную реальность как “по своей сущности рефлексивную”.

Гарфинкель попытался продемонстрировать документальный метод и его рефлексивную природу с помощью эксперимента, проведенного на университетском факультете психиатрии. Студентов пригласили принять участие в том, что им объяснили как новую форму психотерапии. Их попросили суммировать личную проблему, по которой им требуется совет, а затем задать советнику серию вопросов. Советник сидел в комнате, примыкающей к комнате студента. Они не могли видеть друг друга и общались через интерком. Советник мог отвечать на вопросы студента только “да” или “нет”. Однако студент не знал, что отвечающий на самом деле не был советником и что получаемые ответы равномерно распределялись между “да” и “нет”, а порядок их был предопределен в соответствии с таблицей случайных чисел.

В одном случае, один из студентов был озабочен по поводу собственных отношений с подружкой. Он был еврей, а она – “принцесса”. Он был озабочен реакцией своих родителей на эти отношения и проблемами, которые могут возникнуть в результате брака и последующего рождения детей. Его вопросы касались этих соображений. Несмотря на тот факт, что полученные ответы были

случайными, даваемыми без всякой связи с содержанием вопросов, а иногда противоречащими предыдущим ответам, студент нашел их полезными, разумными и тонкими. Аналогичные ощущения от консультационных процедур были получены и другими студентами в эксперименте.

Из комментариев, сделанных студентами по каждому из полученных ответов, Гарфинкель вывел три следующих заключения:

1. Студенты придавали смыслы ответам, где этого смысла не существовало; они находили порядок в ответах, где никакого порядка не было. Когда вопросы казались противоречивыми или удивительными, студенты полагали, что советник не знаком со всеми фактами в их конкретном случае.
2. Студенты конструировали видимость порядка, используя документальный метод. С первого же ответа они предполагали существующий образец в ответе советника. Смысл каждого последующего ответа интерпретировался в терминах данного образца, и одновременно каждый ответ рассматривался в качестве доказательства существования такого образца.
3. Метод интерпретации, используемый студентами, был рефлексивным. Они не только дали отчет о процессе консультирования, но этот отчет стал частью этого консультирования. Таким образом, процедура анализа описывала и объясняла, а также создавала и конституировала социальную реальность в одно и то же время.

Гарфинкель полагал, что эксперимент с консультированием осветил и зафиксировал процедуры, которые члены постоянно используют в своей повседневной жизни для конструирования социального мира.

Этот эксперимент также можно использовать для иллюстрации идеи “индикативности” – центрального понятия, используемого Гарфинкелем и другими этнометодологами. “Индикативность” означает, что смысл любого объекта или деятельности вытекает из их контекста, он “индексируется” в конкретной ситуации. В результате

этого любая интерпретация, объяснение или отчет, сделанные членами в их повседневной жизни, становятся соотнесенными с конкретными обстоятельствами или ситуациями.

Для студентов смысл ответов советника проистекал из контекста взаимодействия. Из окружения – факультет психологии – и информации, которую они получили, студенты полагали, что советником является тот, о ком и было сказано, и что он максимально старается дать честный и разумный совет. Его ответы интерпретировались в рамках данного контекста.

Если идентичные ответы были бы получены на тот же набор вопросов от друзей студентов в кафе, это изменение контекста вероятно имело бы результатом совершенно другую интерпретацию. Такие ответы от однокурсников могли бы рассматриваться как свидетельство того, что те временно потеряли свою серьезность или же шутили за счет друзей, или же были под влиянием алкоголя, и так далее.

Гарфинкель считал, что смысл любого действия достигается обращением к контексту этого действия. Для членов смысл того, что происходит, зависит от способа, которым они интерпретируют контекст рассматриваемой деятельности. В этом отношении их понимания и отчеты индикативны: они формулируют смысл в терминах конкретного состояния среды.

На самом деле Гарфинкель поощрял своих студентов препарировать социальный мир для того, чтобы открыть способ, которым члены создают его смысл и достигают понимания. Например, он предлагал, чтобы они шли в супермаркеты и торговались по поводу цен на товары или чтобы возвращались в свои собственные дома и действовали как-будто они квартиранты. Таким образом, они продемонстрируют хрупкую природу социального порядка.

Субъекты данных экспериментов находили трудным или невозможным проиндексировать себя в ситуациях, в которых они были задействованы. Родители, имея дело с ребенком, действующим как квартирант в собственном доме, заводились, сердились и отчаянно пытались придать смысл действиям своих детей тем, например, что

считали их заболевшими.

6.4. Изучение организационного поведения

Изучение бюрократии часто концентрируется на природе правил в бюрократических организациях. Бюрократы обычно рассматриваются как жесткие конформисты по отношению к официальным правилам, и по-другому действующими в рамках системы неформальных правил. В любом из случаев их поведение рассматривается как определяемое правилами.

Д. Циммерман изучал “практичности использования правил” и предложил альтернативный подход [Zimmerman D. H. *The Practicalities of Rule Use // Understanding Everyday Life / Ed. by J/D/ Douglas. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1971*]. Вместо того чтобы сконцентрироваться на рассмотрении поведения как управляемого правилами, он предположил, что члены используют правила для описания и анализа их собственной деятельности. Часть этой деятельности может быть прямым нарушением установленных правил, и тем не менее она все же оправдывается обращением к этому правилу.

Эти исследования поведения проводились в Бюро социальной помощи в США. Клиенты, обратившиеся за помощью, распределялись работниками приемной между сотрудниками, ведущими конкретное дело. Официально процедура принятия дела к производству определялась простым правилом. Если на месте было четыре сотрудника, первые четыре вошедших клиента распределялись между каждым из них. Следующие четыре распределялись аналогичным образом, и так далее.

Однако время от времени это правило нарушалось. Например, конкретный сотрудник мог получить сложный случай, и интервью длилось больше, чем обычно. В этой ситуации работник приемной мог по-другому организовать список прикреплений и подключал другого сотрудника к следующему клиенту.

Такие нарушения правил были оправданны и объяснялись работниками приемной в терминах этого правила. С их точки зрения, нарушая правила, они действовали в полном согласии с этим правилом. Этот парадокс может быть объяснен тем, как работники приемной понимали намерения данного правила. С их точки зрения, правило предполагало, чтобы у клиента был минимум задержки по времени для того, чтобы все могли быть обслужены до конца дня. Нарушение правила для достижения такого результата, таким образом, может быть объяснено как следование этому правилу.

Работники приемной оправдывали этот способ и объясняли свое поведение и себе, и своим коллегам. Рассматривая свою деятельность как соответствующую правилу, они создавали видимость порядка. Однако Циммерман доказывал, что работники приемной не просто руководствовались правилами, но постоянно отслеживали и регулировали ситуацию, а также импровизировали и адаптировали свое поведение в терминах, которые они считали требованиями этой ситуации.

Циммерман и Видер считали, что это исследование показало, что “реальная практика использования правил не позволяет аналитику анализировать регулярные образцы поведения, используя понятия, которые эти практики давали из-за того, что члены общества следовали правилам [Zimmerman D. H. & Wieder. *Ethnomethodology and the Problem of Order: Comment on Denzin' // Understanding Everyday Life / Ed. by J/D/ Douglas. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1971. – P. 292*]. Они доказывали, что использование правил членами для описания анализа своего поведения “делает социальные условия похожими на упорядоченные для участников, и что именно этот *смысл* и *видимость* порядка, что правила используются, на самом деле создали и то, что этнометодологи в действительности изучают” [Op. cit. – P. 292].

Исследование Циммермана осветило одно из важнейших понятий в этнометодологии. Он дал пример документального

метода и проиллюстрировал рефлексивную природу процедур, используемых членами для создания видимости порядка. Работники приемной интерпретировали свою деятельность как доказательство существующего образца – намерение правила, и они рассматривали конкретные действия, даже когда те нарушали правила, как свидетельства следования образцу.

6.5. Этнометодологическая критика социологии

Гарфинкель считал, что преобладающие в социологии подходы обычно описывают людей как неких “культурно одурманенных” существ, которые просто выполняют стандартизованные директивы, предполагаемые культурой данного общества. Он писал: “Культурно одурманенным” я считаю человека в обществе, сконструированном социологом, и воспроизводящего стабильные черты этого общества, он действует в соответствии с предустановленными и легитимными альтернативами действия, которое предполагает общая культура” [Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. – Eng. Cliffs.: Prentice-Hall, 1967. – P. 68].

Вместо “культурно одурманенного” этнометодолог изображает квалифицированного члена, который постоянно следит за конкретными индексируемыми качествами ситуации, придавая им значение, делая их известными, передавая это знание другим и конструируя смысл и видимость порядка. С точки зрения этой перспективы члены скорее сами конструируют и завершают свой собственный социальный мир, чем формируются под его воздействием.

Этнометодологи очень критично относятся к другим отраслям социологии. Они считают, что “обычные” социологи не поняли природу социальной реальности. Социальный мир они рассматривают, как если бы это была объективная реальность, не зависящая от анализа и интерпретации членов. Они рассматривали

аспекты социального мира, такие как самоубийство и преступность, в качестве фактов с собственным существованием, а затем пытались найти объяснения этим “фактам”.

В противовес этому методологи доказывают, что социальный мир состоит не из чего иного, как из конструкторов, анализа и интерпретаций своих членов. Следовательно, работа социолога состоит в том, чтобы объяснить методы и аналитические процедуры, используемые членами для конструирования своего социального мира. Согласно представлениям этнометодологов, именно эту работу обычная социология так и не смогла сделать.

Для этнометодологов почти нет разницы между традиционными социологами и человеком с улицы. Они доказывают, что методы, используемые социологами в своих исследованиях, в основе своей аналогичны тем, что используются членами общества в своей повседневной жизни.

Члены, использующие документальный метод, постоянно теоретизируют, выводят связи между видами деятельности и заставляют социальный мир выглядеть упорядоченным и систематизированным. Затем они рассматривают социальный мир, как если бы он был объективно независим от них самих.

Этнометодологи утверждают, что процедуры обычных социологов по сути своей – те же самые. Они используют документальный метод, теоретизируют и выводят отношения, а также конструируют картину упорядоченной и систематизированной социальной системы. Действуют они рефлексивно, как и любой другой член общества.

Таким образом, когда функционалисты рассматривают поведение в качестве проявления базового образца разделяемых ценностей, они также используют элементы этого поведения в качестве доказательства существования этого образца. С помощью своих аналитических процедур члены создают картину общества. В этом смысле человек с улицы является сам себе социологом. Этнометодологи не видят большой разницы в выборе между

картинами общества, созданными людьми, и картинами, предлагаемыми обычными социологами.

6.6. Социологическая критика этнометодологии

Позиция этнометодологов была подвергнута основательной критике Алвином Гоулднером за то, что они обращаются к тривиальным аспектам социальной жизни и открывают вещи, которые все уже знают. В качестве примера он приводит тип эксперимента, защищаемый Гарфинкелем. Этнометодолог должен отпустить цыплят в центре города в час пик, а затем стоять и наблюдать, как тормозится движение и собираются толпы, чтобы поглазеть и посмеяться над полицейским, бегающим за цыплятами.

Гоулднер объясняет, что Гарфинкель мог бы сказать, что “общество, таким образом, узнало значимость одного дотоле не замечаемого правила, лежащего в основе повседневной жизни: цыплят нельзя выбрасывать на улице в разгар часа пик” [Gouldner A.W. *The Coming Crisis of Western Sociology*. – L.: Heinemann, 1970. – P. 394.]

А если говорить серьезно, критики доказывают, что члены, населяющие тип общества, описанный этнометодологами, кажутся не имеющими ни мотивов, ни цели своей деятельности. Что, например, мотивирует студентов в исследовании Гарфинкеля по консультированию или действия работников приемной у Циммермана? В работах этнометодологов очень мало указаний на то, почему люди хотят или должны вести себя так или иначе. Нет в них также и соображений по поводу природы власти в социальном мире и возможных последствий различий во власти на поведение членов общества.

Гоулднер отмечал: “Процесс, с помощью которого определяется и устанавливается социальная реальность, не рассматривается Гарфинкелем как включающий в себя дефиницию реалий в условиях процессов борьбы между соперничающими

группами; а исход борьбы, концепция мира, основанная на здравом смысле, не рассматриваются в качестве сформированных под воздействием институционально защищенных различий во власти” [Op. cit. – P. 391].

Критики этнометодологии считают, что она не уделяет должного внимания тому, что аналитические процедуры членов проводятся в рамках системы социальных отношений, включающих властные различия. Многие этнометодологи не принимают во внимание все то, что не признано и не учитывается членами общества. Они полагают, что если члены не признают существование объектов и событий, то эти объекты и события на них не влияют.

Однако, как указал Джон Голдторп, “если эти бомбы и напалм, падают сверху, то членам не надо ориентироваться по отношению к ним каким-нибудь особым способом, чтобы быть ими убитыми” [Goldthorpe H. Correspondence, “A Rejoinder to Benson” // *Sociology*. – 1974. – № 8. – P. 132]. Очевидно, что членам не надо осознавать определенных ограничений для того, чтобы их поведение зависело от этих ограничений. Голдторп добавляет, комментируя упомянутый пример, что смерть “ограничивает взаимодействие очень решительным образом” [Op. cit. – P. 132].

Наконец, критика этнометодологами традиционной социологии может быть переадресована им самим. Тот же Голдторп заметил, что этнометодологи не имеют дело с “вопросом о том, может ли какой бы то ни было тип социологии полностью избежать зависимости от обыденных значений и пониманий” [Goldthorpe H. A Revolution in Sociology? // *Sociology*. – 1973. – № 7. – P. 451].

Таким образом, аналитические процедуры этнометодологов становятся предметом изучения точно так же, как и предмет традиционно ориентированных социологов или любого другого члена общества. Теоретический процесс анализирования анализа никогда не кончается. Доведенная до крайности позиция

этнометодологии подспудно подразумевает, что ничто и никогда не может быть известно. Однако заслугой этнометодологии является интересная постановка актуальных методологических проблем.

6.7. Вопросы и задания

1. В чем главное отличие методологического подхода феноменологии от предшествовавших социальных теорий?
2. Что составляет основу “документального метода”, предложенного Г. Гарфинкелем?
3. Приведите примеры феноменологических экспериментов.
4. Опишите действие механизма организационных правил с точки зрения этнометодологической социологии.

6.8. Литература

Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1998.

Гидденс Э. Социология. – М.: УРСС, 1999.

Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994, 1998.

История социологии в Западной Европе и США: Учебник для вузов. – М., 1999.

Социология на пороге XX века. Новые направления исследований. – М., 1998.

Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. – Englewood Cliffs, 1967.

Goldner A.W. *The Coming Crisis of Western Sociology*. – N.Y., 1970.

Husserl E. *Erfahrung und Urteil*. – Hamburg, 1954.

Schütz A. *Der sinnhafte Aufbau der Sozialen Welt*. – Wien, 1960.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Теория конструирования социальной реальности Лукмана и Бергера³

Среди современных теоретиков социологии существует довольно распространенное мнение о том, что теория конструирования социальной реальности Т. Лукмана и П. Бергера является частью феноменологической социологии. Так, например, в знаменитом “Пингвинском” социологическом словаре читаем: “наиболее известное социологическое исследование, построенное на феноменологических принципах, представлено работой П. Бергера и Т. Лукмана ”Социальное конструирование реальности” (Berger P.L., Luckman T., 1967)” [Аберкомби Н., Хилл С., Тернер Б.С. The Penguin социологический словарь. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. – С. 344].

Однако сами авторы довольно решительно отвергают подобную классификацию. Представляется, что они имеют для этого существенные основания. При внешней схожести применяемого гносеологического подхода и категориального аппарата эти два подхода кардинально различаются по своим главным целям.

Назовем, в частности, два существенных различия. *Первое* – феноменологи отрицают существование объективной социальной реальности. В лучшем случае они к ней равнодушны. Бергер и Лукман стоят в этом вопросе на прочных традиционных научных позициях и отвергают субъективный идеализм. *Второе* –

---

³ Глава написана по материалам лекций и личных бесед автора с профессором Томасом Лукманом.

феноменологи лишь описывают события, их задачи сводятся
исключи-

тельно к объяснению. В противовес им теория конструирования социальной реальности сориентирована на преобразование действительности, по крайней мере на ее оптимизацию.

Все это дает основания рассматривать данную концепцию в качестве самостоятельного методологического подхода в современной социологической теории.

7.1. Предмет теории конструирования

Предметом изучения Томаса Лукмана, словенца по происхождению, работающего в настоящее время в Швейцарии, являются современные плюралистические общества. Он изучает стабильность общества, достигаемую главным образом с помощью социальных институтов. К институтам он относит кланы, религиозные группы, этнические общности. Именно институты создают преемственность. Самой характерной чертой современного общества является плюралистичность социальных институтов. Институты, по Лукману, создают контроль за производством и передачей значений. Эти значения были унитарны в архаическом обществе, все же современные социальные институты – специализированы.

В качестве примера Лукман рассматривает религиозные институты как оперирующие моральными ценностями. Их главная задача в современном обществе – производство и распределение значений и ценностей. Сегодня многие поставщики соревнуются в борьбе за общественное мнение. Предмет соревнования – духовное условие жизни, и достигается это с помощью предания жизни различных значений. Существует как внешнее, так и внутреннее соперничество за право формулировать ценности и за распределение значений.

Характерной чертой современного общества является то, что в нем есть лишь небольшой минимум всеобщих разделяемых

значений, содержащийся в предполагаемом перечне функций общества. Существует ли консенсус в современном обществе, выходящий за рамки этого минимума? Лукман считает, что большую опасность представляют как идеи бесклассового общества, так и идеи национального предназначения. Если идея структурного плюрализма заложена в иерархию социальных ценностей, то такое общество является современным. В целом же для него характерен кризис значений. Центральным аспектом плюрализма в современном обществе является священная ценность соревновательности групп и классов. Таким образом, толерантность, идеологическая терпимость, является главной официальной ценностью современного общества.

В развитых современных странах система социальных ценностей не является монополией и даже принадлежностью каждого члена общества. Индивид включен и подчинен системе значений того конкретного социума, к которому он непосредственно принадлежит.

Рассмотрим ранние лики модернизации. Жизненные общины – это были общины значений, и для них особенно важна была стабильность. Ключевым сообществом в этом плане Лукман, вслед за М. Вебером, называет семью. Этот тип общности он называет немецким термином *Gezennungsgemeinschaft*.

Средства массовой информации начинались с печати на базе идеологии, носящей не местнический, не локальный характер. Главная цель субкультур и идеологий отдельных общин – это поддержание, сохранение относительной стабильности.

Каковы же наиболее общие факторы стабильности? В качестве таковых Лукман называет: легитимизацию морали, профессиональную этику, мораль экспертов. В обществе всегда существуют семена недовольства, и именно для того чтобы они не дали всходов, общество и создает сознательно разделяемую людьми систему морали, подобно правилам уличного движения. Если в обществе существуют группы с частными интересами, то

они стремятся легитимизировать свои правила для всех групп.

Лукман считает, что на рубеже тысячелетий современное общество находится в субъективном кризисе смыслов. Общества, достигшие высокого материального благосостояния, создали и поддерживают относительно мирные правила. В других случаях правил движения явно недостаточно и возникают общины жизни (Communities of life) и общины значений (Communities of meaning), в терминах Вебера. Лукман же считает, что современный плюрализм подрывает общий смысл даже индивидуальной идентичности.

Современные процессы могут восприниматься и как освобождающие, и как подавляющие. Соавтор Лукмана Петер Бергер предложил термин “виртуозы смыслов”. Согласно Бергеру, социальные институты создают проблемы осознания, изобретают стереотипы поведения. В целом социальные институты сохраняют свою роль, когда ценности остаются вне сомнений. Задача социальных институтов – создать сплоченность в коллективных действиях. Но одновременно социальные институты играют роль и смирительной рубашки, ограничивающей чрезмерную активность индивида.

И индивиды, и большие организации стоят перед необходимостью выбора ценностей из их существующего набора. Предлагаемая дихотомия следующая: преемственность или модернизация. В свою очередь, модернизация – это смена изменений, предначертанных судьбой, или же постоянный процесс серии выбора изменений. Сегодня сама модернизация фундаментально изменяется. При этом в ней существуют как социальные, так и биографические опции. Сегодня даже Бога можно выбирать. Модернизм не только дает выбор, но и предоставляет возможность сделать его. Для современного общества центральное значение имеют два института: рыночная экономика и парламентская демократия. Именно они поддерживают возможность выбора и отбора (choice and selection).

Современный плюрализм подрывает посещение религиозных институтов. Чтобы выжить, церкви должны учитывать интересы

людей. И в церкви “клиент всегда прав”.

Для ориентации достижения стабильности в условиях плюрализма возникло множество новых приемов и способов. Психотерапия, профессиональное консультирование, новые разновидности социальной работы – все это нововведения современности.

Мощнейшим социальным институтом выступают СМИ. Главная сила СМИ состоит в том, что именно они определяют, что типично, а что – нет. Их соперниками при этом являются старые институты – церкви, идеологии партий. Однако новые институты более синкретичны, поэтому старые вынуждены применять, например, восточные медитации и другие неожиданные элементы и технологии.

Государство мобилизует общество в своих целях с помощью таких средств, как сертификация и лицензирование. Например, чтобы психоаналитик получил лицензию, он обязан оказывать психоаналитическую помощь преступникам в тюрьме. Особенности современного плюрализма состоят в обширном репертуаре значений, имеющихся в современном обществе. Особенность традиционных институтов состоит в том, что культурный репертуар не навязывает, но предполагает. Плюрализм дестабилизирует системы ценностей. Однако современное общество не испытывает обычно “открытой дезориентации”. Скорее эти процессы приводят к латентному кризису значений.

В нынешних условиях повышается роль промежуточных институтов современной массовой демократии. Значительно усилилось влияние сильного гражданского общества, социального капитала, накопление социального капитала. Все это особенно важно в условиях увеличивающегося присутствия аномии в США, а также в Западно-Европейских странах.

7.2. Механизмы конструирования социальной реальности

По Лукману, социальная реальность строится при помощи коммуникативного действия, социальной интеракции. Наиболее удачным методом анализа коммуникативных форм Лукман считает методику изучения жанров Бахтина. Жанры, будучи обязательной структурой, выступают как аналоги социальных институтов. Жанры являются образцами коммуникации, более или менее обязательными для поддержания нравственной приемлемости.

Ведущей функцией коммуникаций является реконструкция прошлого в качестве моста настоящего. При этом Лукман ссылается на Мориса Хальбвакса (“Топология...”), говорящего о необходимости представить и трансформировать прошлое как реконструкцию жанров. Сам Лукман в качестве эмпирических примеров применяемых для этого методов называет следующие: запись неофициальных разговоров медсестер в клинике, записи звонков, поступающих по телефону 01. В первом случае исследовался слух как реконструктивный жанр, как форма дискретной индискретности; во втором – морализирование, этичность общения. Он рассматривает слух как своего рода мост между реконструкцией и морализированием.

Еще одно исследование было посвящено анализу “обращений к нации” президентов США (State of the Union). Предметом изучения здесь была форма – жанр общения. Лукман определяет свой метод как сбор естественных проявлений общения. Сам он дает название этому методу – этнометодологический конверсациональный анализ. Этот метод имел своим предшественником этнографический метод, впервые примененный Чикагской школой в 20 – 30-х годах. По этому методу, в частности, сразу после войны 1945 года на деньги США эмпирически изучалось значение церквей в Германии. В этом исследовании Лукман работал под непосредственным руководством П. Лазарсфельда.

Ведущую роль в институциональном исследовании Лукман отводит фокусированному интервью. Теория социального

конструирования реальности в конструктивных процессах, по Лукману, требует *живых* коммуникационных процессов. При изучении восточногерманских семей респонденты включали и выключали диктофоны сами, и это было очень важным моментом в интервью. При этом, отмечает Лукман, большой интерес представлял сам язык восточных немцев.

Отвечая на вопрос, что такое феноменологическая социология, Лукман подчеркнул, что она основана на процессе трактования. Это – идентифицирующий академический подход, в основе которого лежит маргинальная дискретность изучаемого продукта. Например, так называемая социология систем – это самоназываемая процедура. Однако термин “феноменологическая социология” сам Лукман считает неудачным. Ведь феноменология – это описательный анализ конструирования сознания и человеческой реальности, это изучение процессов сознания с помощью редукции.

7.3. Методологические предпосылки социального конструирования

Научный подход – это реализм, наивный или не очень наивный. Феноменология же – это изучение человеком своих представлений. Гуссерлеанская феноменология по своей сути – картезианский подход. Задачей науки является объяснение. А в гуманитарных науках – это самообъясняющий подход. Философия – это теория социальных наук. Философия – это протосоциология, но не социология. Она – не исторична.

Плюрализм начинается там, где разные группы смешиваются, где все сосуществуют. В качестве примера Лукман упоминает ситуацию в Марселе, где евреи не вступают в брак с другими группами. Современный же плюрализм отличается тем, что границы гетто разрушаются (Берлинская стена, французы и алжирцы).

Отвечая на вопрос, что такое постмодерн, Лукман определяет постмодерн как реакцию, изобретение французов. Постмодерн, по

его словам, – это самоидентификация определенного теоретического подхода. “Это не полная чепуха, но я думаю, что это таки – да”, – говорит он.

С большим сожалением говорит Лукман о сектантстве в социологии. По его мнению, дробление социологии на поддисциплины зашло слишком далеко.

7.4. Вопросы и задания

1. Какие цели ставит перед собой теория социального конструирования реальности?
2. В чем отличие социального конструирования от феноменологии?
3. Назовите предмет теории конструирования социальной реальности.

7.5. Литература

Бергер Т., Лукман П. Конструирование социальной реальности. – М., 1998.

Haralambos M., van Krieken R., Smith Ph., Holborn M. Sociology. Themes and Perspectives. – L.: Longman, 1998.

Giddens A. Introduction to Sociology. – N. Haven: Yale Un-ty Press, 1999.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*Новые подходы в политической социологии*⁴

8.1. Творческое сотрудничество социологов и политологов

Хорошо известно, что сегодня наиболее интересные результаты в науке получают на стыке различных дисциплин. Справедливо это положение и для социальных наук. И в этом плане последний в XX столетии Конгресс Международного Института Социологии был интересен тем, что в его работе приняли активное участие не только социологи, но и большой отряд политологов, а также социолингвисты, социальные психологи, представители других направлений социально-гуманитарного знания. Его работа проходила под знаком интеграции социального знания при ведущей роли социологов и политологов.

Конгресс состоялся с 11 по 15 июля 1999 г. на базе Тель-Авивского университета под девизом: “Множественные современности в эру глобализации” (Multiple Modernities in an Era of Globalization). Тематика Конгресса была сосредоточена почти исключительно вокруг проблем социологии политики и социальных аспектов политологии. Причем не меньше трети докладов и сообщений касались непосредственно социально-политических проблем Израиля и еврейской диаспоры в современном мире. Центральной же проблематикой стала выработка отношения к

---

⁴ Глава написана по материалам работы Тридцать четвертого Всемирного конгресса Международного Института Социологии, состоявшегося в Тель-Авиве (Израиль) в июле 1999 г., на котором автор возглавлял делегацию российских социологов.

неожиданным

проявлениям

модерна – современности в социально-политических процессах, происходящих в мире, преодоление растерянности перед лицом несрабатывания основополагающих ценностей и связанных с ними ожиданий, выработанных в рамках традиционной западной социальной науки и внедренных в общественное мнение мировыми средствами массовой информации, другими социальными институтами.

Основной сверхзадачей устроителей Конгресса явилось устранение противоречия между установившимися в западном обществоведении системой и характером осмысления социально-политической картины мира и реальными конфликтами и напряжениями, потрясающими современный мир. Причем складывалось впечатление, что речь шла не столько о том, как “преобразовать мир”, сколько о том, как легитимизировать, подновить уже имеющиеся хождение социально-политические концепции. Представляется также, что на данном Конгрессе отрабатывались основы идеологической стратегии, согласно которым в ближайшее время будет произведена корректировка деятельности мощнейшего механизма глобальных масс-медиа.

Ведущими фигурами на тель-авивском Конгрессе были профессор Еврейского университета Иерусалима Шмуэль Айзенштадт и директор Гуверовского центра войны, мира и революции Стэнфордского университета (США) Алекс Инкелес.

8.2. Главные социально-политические проблемы современности

Айзенштадт открыл своим докладом “*Видение современного и современного общества*” первое рабочее пленарное заседание Конгресса, а также выступил с основным докладом “Парадоксы демократии” на симпозиуме “Демократии в эру глобализации”. Он считает, что постоянно растущие и интенсифицирующиеся процессы глобализации остро ставят вопрос: а не знаменует ли конец XX века

концом концепции модерна в том виде, в каком она развивалась последние два столетия? Не является ли современный мир отходом от модерных программ? Это происходит в направлении “конца истории”.

Десять лет назад Френсис Фукуяма описал в качестве новой тенденции внеисторическую гомогенизацию мира, при которой идеологические предпосылки модерна со всеми своими противоречиями становятся почти иррелевантными, предлагая взамен рост множества самых модерновых видений и/или возврат к традиционным, фундаменталистским, антимодерновым, антизападным движениям и цивилизациям. Все это ведет к “столкновению цивилизаций”, при котором западная цивилизация вступает, часто во враждебных терминах, в конфронтацию с другими цивилизациями, особенно с мусульманской, и, до некоторой степени, с конфуцианской.

Многие теоретики заявляют, что современный мир демонстрирует исчерпанность модерной программы, ассоциирующейся с либеральной демократией. Участники дискуссии подчеркивают ослабление, либо распад идеологических основ классической модели “нации-государства”, особенно такой, где доминируют тенденции тесно взаимосвязанных преобразований наиболее важных параметров обществ в рамках культурных и политических программ модерна.

В современном мире налицо социальные взрывы, однако взрывы эти различны по своему характеру. Все это открывает дорогу появлению и укреплению теорий постмодерна. Сам Айзенштадт считает, однако, что мы являемся свидетелями не постмодерна, но схлестки разных подходов, в том числе исламизма и иных идеологических течений. В этой схлестке наблюдаются отход от ценностей модерна, ослабление модели “нации-государства”, имеющей своими корнями эпоху Просвещения. В последние два-три десятилетия менялась организация наций-государств, слабела их идеологическая сила. Во всем мире развивались новые типы

движений и идентичностей, выходящие за рамки классической модели.

Однако, считает Айзенштадт, тщательное изучение происходящих процессов показывает, что изменения, возникающие благодаря множественным процессам глобализации в современном мире, представляют собой последовательные попытки различных движений и элит в своих терминах переосмыслить, реконструировать, по-своему освоить модерн, а также переформулировать дискурс модерна. Даже в период становления классических наций-государств существовали разные типы понимания модерна. Критериями различий являются, например, тип коллективной идентичности, а также степень аутентичности власти. На одном конце шкалы находится Франция, на другом – скандинавские страны, промежуточное положение занимает Британия.

Еще один пример – США. Алексис де Токвиль убедительно показал отличия государственной модели США, находящихся, тем не менее, в рамках западной цивилизации. Этому же, по мнению Айзенштадта, посвящена работа Вернера Зомбарта “Почему нет социализма в Америке”. В США нет той конструкции государства, как в Европе – здесь есть десятки государств-штатов. Здесь есть импичмент, и “Уотергейтское дело” возникло из-за различий в концепциях власти. В США имеется сильное чувство коллективизма, сплоченности. Это – страна, где религия отделена от государства, что не означает, однако, отделения религии от политики. Здесь налицо отличная от Европы конфигурация элементов, в постоянном противостоянии находятся основания власти.

Прежде всего очевидна конфронтация между территориальной и культурной компонентами государств. Рассматривая федеративные государства, мы наблюдаем разные основания государственности, например в Индии, Японии, Китае, в исламских странах. По существу, различны концепции модерна и в европейских странах. Социализм, национал-социализм, коммунизм – все эти течения отражают борьбу внутри европейского понимания модерна. Все это –

не бегство от современности, но попытка по-иному переформулировать видение современности. Так, Великая французская революция впоследствии привела Европу к коммунистическим режимам. Следовательно, понятие модерна не исчерпывается традиционной либеральной демократией, оно гораздо сложнее и многограннее. Либерализм – это лишь одна из версий модерна, помимо нее, существуют и другие версии. Даже те течения, которые не приемлют модерна, сами порождены требованиями современной реальности.

Сегодняшние напряженности внутри западной цивилизации порождаются, с одной стороны, притягательностью универсализма и плюрализма, а с другой – стремлением сохранить традиционность. Такие напряженности наблюдаются во Франции и Британии, в Латинской Америке и США и в других странах. По сути дела, здесь происходят изменения в основах идентичности этих государств.

Наиболее ярко выражены сегодня тенденции партикуляризма, локализма и т.п. и, одновременно, создание универсалистских движений. В качестве примера последних Айзенштадт называет “новые диаспоры”, как мусульманские, так и иудейские. Новые конфигурации модерна возникают как следствие двух подходов. Фундаменталистские религиозные движения пытаются вписать применение традиций в современную реальность. Так, в Саудовской Аравии женщинам не дают водительских прав, есть ограничения для женщин в Иране и Турции, однако в социальной жизни этих стран женщины становятся все более мобилизованными, востребованными. При первом подходе напряженность между плюрализмом и закрытостью становится центральной. Другой подход: возникают движения межгосударственные, транснациональные, и эти движения вносят свои, отличающиеся понимания модерна.

Долгое время модерн рассматривался лишь с западных позиций. Сегодня такое положение вещей меняется. Новые концепции модерна признают глобализацию, урбанизацию, однако вписывают их в общую картину по-своему, не по западному. Эти

концепции формулируют иные пространства модерна. Существуют, например, альтернативные понятия универсалистского модерна в рамках ислама. При этом чрезвычайно важными в нем становятся идеологические и культурные элементы.

Сегодня, в условиях схлестки цивилизаций (западной против исламской или иных), главным становится обращение к аутентичности. Надо ясно понимать, что на самом деле идет не схлестка цивилизаций, но схлестка различных интерпретаций модерна. В современных условиях крайне актуальной становится идеологическая проблематика, происходит ослабление влияния государств и реконструкция понимания модерна. Предметом дискуссии становятся: соотношение замкнутости и универсальности; интерпретация и опредмечивание модерна.

В этих условиях рождается естественный вопрос: а содержится ли во всем этом прогресс? Ответ Айзенштадта таков. В современном мире происходят большие изменения. Современности не только прогрессивны и благодатны, они часто несут варварство (например, модернизация в ряде африканских стран, холокост в Европе). Модерн интенсифицирует не только технологии, но и идеологии. Модерн содержит в себе пугающий динамизм. Как выразился однажды Лешек Колаковский, современности – это бесконечные попытки, в том числе и деструктивных сил.

При ответах на заданные вопросы Айзенштадт назвал два аспекта модерна:

1. изменения в нем носят постоянный характер: в модерне ничто не воспринимается как данность;
2. наличие в нем элементов активного участия в процессах изменений (в том числе как тоталитаристских, так и плюралистических изменений). Концепции модерна связаны с различными институциональными системами.

Новые движения пытаются ответить на современные вызовы. Многие негативные элементы не являются инновационными в концепциях модерна, однако эти деструктивные элементы могут

интенсифицироваться, причем происходит это не только в современных условиях. Примером тому могут служить якобинцы времен Французской революции.

Открывая симпозиум “Демократии в эру глобализации” докладом “*Парадоксы демократии*”, Айзенштадт продолжил анализ социально-политических реалий современного мира. Главный тезис его выступления состоял в том, что в самих основах современных конституционно-демократических режимов заложены хрупкость и нестабильность. Эти черты являются следствием:

1. трений, нестыковки между различными концепциями демократии (особенно между конституционной и партиципативной демократией);
2. ключевых, центральных аспектов политической и культурной программы модерна.

Общим ядром предпосылок демократии являются открытость политического процесса (особенно для протеста) и сопутствующая ему тенденция постоянной переформулировки политических реалий. Открытость играет важную роль в хрупкости современных демократических режимов, однако парадоксальным образом она также способствует и их преемственности. Из этого вытекает ключевой вопрос: как и при каких условиях возникают концепции политической игры с “не-нулевым результатом”?

Айзенштадт выделил идеальную концепцию демократии и ее современные конституционные разновидности. Реальная демократия, в свою очередь, существует в двух основных формах. Первый этап – конституционная демократия – возник в Европе и основан на правилах игры, свободных от ценностей. Этап этот был доминирующим до начала эпохи великих революций.

Второй этап – демократия участия – начинается с побед великих революций.

Юрген Хабермас попытался объединить оба этих подхода. Парадокс демократии состоит в том, что демократия основана на возможности открытой борьбы за власть и смены правителей,

однако результат этого процесса не прогнозируем. В современных условиях нужен новый тип понимания политической игры. Если демократия проигрывает игру, то проигрывается сама возможность игры. Центральной проблемой при этом является проблема доверия – высокого уровня доверия – в ситуациях, зависящих от изменяющихся обстоятельств. Понимание наличия шанса рационального выбора бросает вызов дихотомии: преювенность доверия – социальные конфликты. Отнюдь не все социальные конфликты политизированы.

Для обеспечения преювенности демократической борьбы необходимо организовать ее как сеть (network) элементов противоборства в четких легитимных рамках. Различное видение общественного блага (по Ж.-Ж. Руссо, это – *volonté de tous* и *volonté générale*) связано с переформулированием политики в 30-х гг. в Европе и в 90-х гг. в Израиле. Могут ли демократические режимы продолжать оставаться демократичными, конституционными? Процесс этот остается непрерывно продолжающимся испытанием.

В США и в Европе демократия базировалась на концепции суверенности прав человека, однако в 20-30-х гг. появляются два дополнительных интеграционных элемента: 1) конституирующие коллективные идентичности и 2) этнические идентичности. Предметом особого внимания становится отношение гражданского общества и государства. Так, современная Индия и Веймарская Германия – это социальные организации, но сегрегированные по узким секторам, и в этих условиях крайне важно то, как гражданские организации взаимодействуют друг с другом, а общество – с государством. Скандинавские страны, по мнению Айзенштадта, дают пример другого типа демократии, опирающейся на: конструирование коллективной идентичности; народно-этнические (folkist) элементы; некоторые специфические религиозные традиции.

Современность характеризуется многоаспектным и активным формированием разнообразных коллективных идентичностей. При

этом наиболее значимые ценности современной демократии – это укрепление институтов гражданского общества и повышение уровня доверия.

Алекс Инкелес выступил с содокладом на симпозиуме по проблемам демократии и с основным докладом на пленарной сессии “Множественные современности: конвергенция и дивергенция”.

8.3. Социально-политические процессы в современном мире

Выступление Инкелеса на симпозиуме называлось “*Психологические и психокультурные факторы, влияющие на установление, поддержку и развитие демократии*” и носило подзаголовок “*Приверженность демократии и ранние стадии демократии*”. Напомнив об известном тезисе Макса Вебера о роли протестантской этики в возникновении капитализма, он по аналогии обратился к теориям, рассматривающим психосоциальные и психокультурные факторы в качестве ключевых элементов, способствующих зарождению, поддержанию и развитию демократических политических институтов как на локальном, так и на национальном уровнях.

Говоря о возникновении демократии, Инкелес подчеркнул, что ценности ведут к учреждению институтов, а те, в свою очередь, способствуют укреплению ценностей. Особый интерес для докладчика в этом плане представляет влияние культурных ценностей и традиций.

По мнению Инкелеса, ключевой ценностью западной демократии с конца 50-х – начала 60-х гг. становится доверие. Согласно данным проведенного в США и Западной Европе в 80-х гг. социологического исследования, на вопрос “Можно ли доверять большинству людей?” большее число американцев, по сравнению с европейцами, ответило положительно ($\approx 60\%$ против 40%). Другими социальными индикаторами психосоциальных и психокультурных

факторов могут быть также известные 10 критериев F-шкалы, примененной Теодором Адорно и его коллегами в их классическом исследовании авторитарной личности; измерения Пафстеди – представительна ли власть в стране; изучение Инглхартом уровня индивидуализма в 20 странах мира. К числу других значимых показателей относятся также свобода печати и степень открытости или закрытости общества.

В качестве закономерностей в этой сфере Инкелес сослался на выводы следующих ученых. По результатам своего исследования Инглхарт сделал заключение: психологические показатели демократии доверия в конкретном обществе прямо пропорционально связаны с уровнем материального благосостояния людей. Ученик Инкелеса Ларри Даймонд на основе своих эмпирических данных пришел к выводу о том, что уровень межличностного доверия изменяет уровень демократии в обществе.

Политические партии не доверяют друг другу. Однако технологии успешного внедрения демократии имеются. Так, Тайвань начинался как очень автократическое общество, но затем в результате успешного эксперимента там была внедрена демократическая система. Замерялся достигнутый результат с помощью серии опросов, вопрос в которых формулировался следующим образом: “Все ли важные решения должно принимать только правительство?” Показателем успешной демократизации тайваньского общества стало неуклонное уменьшение доли ответивших “да” на поставленный вопрос. Этот эксперимент дает основания для важного вывода: демократичность не является врожденным или традиционным качеством, она вырабатывается в процессе социального строительства.

В своем докладе Инкелес особо подчеркнул следующие положения:

1. В странах, которые были колонизованы, национальная идентичность страны-колонизатора была исторически решающим фактором в решении о введении, и еще более

важной для шансов на выживание демократических общностей.

2. Общности с более высоким уровнем психосоциальных тенденций, таких как межличностное доверие и межличностный авторитаризм, имеют более высокие шансы поддерживать демократические отношения.
3. Господствующая религия среди любого населения оказывает решающее влияние на предрасположенность к установлению и на способность к консолидации демократического общества. Это влияние не ограничено одной лишь институциональной практикой, но приложимо также к базовым представлениям об индивиде, общине, спасении и другим, содержащимся в распространенных религиях и светских идеологиях.
4. Преобразования, касающиеся социальных характеристик населения, такие как уровень образования, более урбанистическое жилище, характер занятости, влекут за собой изменение установок, ценностей и предпочтений, что, в свою очередь, влияет на структуру и, еще полнее, на стиль и содержание демократических форм общежития. Эти влияния могут пересилить влияние колониальных истоков, религии и культуры.

Открывая пленарное заседание “Множественные современности: конвергенция и дивергенция” докладом “*Конвергенция и дивергенция в современных социальных системах*”, Инкелес определил предметом своего анализа наблюдаемые концепции модерна, проявляющиеся во взаимодействиях и взаимопроникновениях современных государств. При этом главными в этих взаимодействиях Инкелес считает процессы конвергенции, – почему же общности становятся все более похожими друг на друга. При этом основоположниками изучения процессов конвергенции он назвал К. Маркса, П. Сорокина и его ученика Т. Парсонса.

Инкелес выделил четыре основных типа процессов конвергенции в современном мире:

1. Диффузия и подражание. Символы делают общечеловеческой современную культуру.
2. Культуры мировых элит.
3. Мировые системы и теории, их объясняющие.
4. Технологические толкования происходящих событий.

Есть большое количество эмпирических свидетельств того, что все индустриальные общества в мире, и многие развивающиеся, сближаются в общих алгоритмах социальной организации, социальной оценки и социального действия. Однако существует и достаточно противоположных данных, и, следовательно, обществоведению брошен вызов, состоящий в необходимости теоретического прояснения и эмпирической верификации сложившейся ситуации.

Данные многих исследований указывают на то, что конвергенция имеет экспансивный характер, охватывая институциональные стереотипы и массовые установки и ценности. Однако существует достаточно данных и противоположного характера. Правда, необходимо отметить, что большинство работ, посвященных этой проблематике, фокусируют свое внимание на теоретических и концептуальных вопросах. Можно выделить три линии теоретического анализа: теории имитации и диффузии; теории, подчеркивающие влияние определенных элит, имеющих мировое влияние; теории мировых систем. Можно назвать и еще один подход в качестве альтернативы – социальную интерпретацию технологических изменений, проводимую в рамках структурно-функционального анализа.

Разбирая все эти концепции, можно обнаружить в них и ошибочные категории, и неточности восприятия, и неправильные интерпретации отдельных фактов и тенденций. Тем не менее, выводы подтверждают, что современный мир испытывает активный процесс конвергенции в области институциональных структур, в области

распространенных культурных представлений и практик, а также в индивидуальных установках и поведении. Эти процессы широки по масштабам, глубоки по степени проникновения и значимы по своим последствиям, влияющим на организацию человеческого существования.

Простая похожесть не является доказательством конвергенции. Конвергенция совсем не обязательно приветствуется всеми. По своему характеру конвергенция – это вероятность, а не закономерность.

С интересным докладом *“Средства массовой информации и партиципаторная демократия”* на Конгрессе выступил израильский профессор **Элиху Кац**. Он описал социально-политический процесс как цепочку, состоящую из следующих составных частей: Правительство – Парламент (при этом он охарактеризовал Конгресс как церемониальную форму демократии) – СМИ – Общественное Мнение – Действие. Процесс этот построен на принципе обратной связи. Ключевая роль в этой цепочке, по оценке Каца, принадлежит средствам массовой информации. При становлении новой истории пресса, по выражению Габриэля Тарда, сыграла роль *“тормоза на правительство”*. Пресса:

- 1) провозгласила в качестве высшей цели сплочение государства-нации;
- 2) затем пресса свергла короля (а государство, словами Людовика XIV, и было королем);
- 3) с ее помощью большинство стало править в парламенте (поэтому родилось доверие к системе).

По своему социальному назначению пресса в современном демократическом государстве должна выполнять функции интеграции нации и быть средством расширения избирательных прав граждан. Однако на практике она сегодня действует как *“искажающий посредник”* (disintermediator). Парадокс состоит в том, что, даже служа демократии, пресса ослабляет ее сущностные основы. Так, радио искажает функции парламента, открывая прямой доступ

публики к лидеру и наоборот, будь то Ф. Рузвельт или А. Гитлер. Телевидение подрывает функции политической партии, вводя общественное мнение внутрь политической “кухни” и делая упор на личности, а не на интересы. Можно с уверенностью предположить, что Интернет подрывает приверженность к нации, заменяя патриотизм глобализмом и расслоением на группы по интересам.

8.4. Взаимодействие социальных наук на рубеже веков

Важнейшей темой Конгресса была, безусловно, проблематика содержательного и институционального состояния современной мировой социологической науки, ее сотрудничества с другими отраслями социального научного знания. Главными докладчиками по теме выступили бывший президент МИС профессор Эрвин Шойх (ФРГ) и ближайший сподвижник Алена Турэна профессор Мишель Веверка (Франция). Проблематика эта затрагивалась также в выступлениях президента МИС профессора Массамичи Сасаки (Япония), президента Международной Социологической Ассоциации Альберто Мартинелли (Италия), дочери Флориана Знанецкого профессора Елены Лопата (США) и др.

Эрвин Шойх озаглавил свой доклад *“Социология как наследница обществоведения” (Social Science)*, обратившись к распространенному представлению о социологии как ключевой методологической дисциплине для всех социальных наук. По мнению Шойха, эти претензии несостоятельны. В течение почти столетия с момента своего создания социология занималась постоянными заимствованиями из других наук, например из экономики, культурной антропологии, биологии и социальной истории, будучи в интеллектуальном плане скорее реципиентом, нежели донором. В настоящее время социология колонизирована микроэкономикой, следуя интеллектуальной моде, которая ошибочно называет себя “рациональным выбором”. Наряду с таким подходом существует и другой, представленный, в частности, Ульрихом Беком и Хартмутом

Эссером. Эти ученые считают, что социология становится поверхностной наукой, поскольку основной предмет ее изучения сегодня – социальный порядок, а при этом из поля зрения улетучиваются социальные институты. При переучете современных усилий социологов в Германии преобладает ощущение кризиса. Однако для последнего столетия в этом нет нового.

Для упомянутой выше самокритики есть три причины. Гораздо более тревожащим, чем все, сказанное выше, является фракционализация, расщепление социологии на все большее количество специализаций. Международная Социологическая Ассоциация в своем составе имеет около 50 исследовательских комитетов плюс рабочие группы (как будущие исследовательские комитеты). На национальном уровне эта тенденция идет параллельно с диверсификацией и быстрым расширением количества журналов, что усугубляет данный процесс. Пока что существует очень мало примеров взаимного использования понятий и даже результатов между разными специализациями в социологии. Этот процесс характерен не только для социологии, но он вызывает беспокойство. Беспокоит не сама по себе специализация, но способ, которым она осуществляется. Какую выгоду принесло отделение социологии жилища от социальной экологии, или гендерных исследований от социологии семьи? Каждая из таких исследовательских специализаций должна периодически задавать себе вопрос: а какую пользу принесла данная специализация для других областей знания в социальных науках?

В действительности же существует область, о которой можно сказать, что ее специализация принесла пользу социальным наукам в целом, это – методология. У нас есть основания считать, что как для философии науки, так и для исследовательских технологий социология была той почвой, на которой продвинуты вперед разработки, представляющие интерес для всех. Однако существует и менее приветствуемая черта социологии, общая для всех социальных наук, – вопросы идеологии и конкуренция за превосходство в

объяснении социальных изменений.

Работы Роберта Мертоня являются примером того, как специализированная область исследования – преступность несовершеннолетних – привела к формулировке категорий и осознанию механизмов, которые значительно продвинули социологию в целом. Еще один пример – изучение последствий избирательных кампаний, которые провел Элиху Кац. И не случайно, что оба связаны с Паулем Лазарсфельдом, который был большим мастером в обнаружении общих проблем на примере специфического исследовательского поля.

Среди нас есть обществоведы в том значении этого термина, которое придавали ему шотландские моральные философы. Один из них – Ральф Дарендорф. Другой – Шмуэль Айзенштадт. Предложенная Эмбре категория “свободный брак” (loose coupling), использованная при анализе тайландского общества, является большим подспорьем при макросоциологических объяснениях процессов, происходящих в различных обществах. Категория корпоративизма, разработанная при изучении групп, преследующих свои интересы, дала огромную пользу, например, при сравнении Японии и Англии. Мертоново понятие латентных функций используется повсеместно.

К концу прошлого века социология занимала центральное место в интеллектуальном отображении характера современных обществ, проблемных областей, существующих в рамках этих обществ. В настоящее время эта роль остается или у любителей, таких как Нейл Постман, или у представителей той области социологии, которую Чикагская школа называет “социальной мыслью”. Хабемас и Луман являются ее представителями, причем не только в пространстве немецкого языка. Чего нам не хватает, так это больше Мертонов и Айзенштадтов, в дополнение к значимым количественным исследованиям, для продвижения вперед всего обществоведения. Не существует альтернативы социологии, творчески заимствующей из смежных областей и, в свою очередь, возвращающей им

обоснованные обобщения.

Выступление крупного французского ученого и организатора профессора **Мишеля Вевёрки** называлось *“Грядущие обязанности социологии”*. Он констатировал, что за последние тридцать лет в западных обществах произошли столь заметные перемены, что сами термины “западный” и “общества” стали сегодня проблематичными. Одни авторы ввели в конце 60-х гг. идею постиндустриального общества, другие предложили концепцию финансового кризиса государства или государства благосостояния, третьи критиковали понятие прогресса или предлагали образ всемирного экологического кризиса. Были такие, кто рассматривал гипотезу “этического возрождения”. В конце 70-х – начале 80-х либерализм казался мощной идеологической и политической силой, позднее проблематика глобализации, идея конца истории, а также образ культурно и социально раздробленных обществ становились все сильней. Однако следует ли нам говорить перед лицом недавних больших изменений в мире о кризисе или скорее о мутации?

В своем докладе Веверка выдвинул теорию продолжающейся мутации, являющейся процессом, создавшим напряженности во всех классических элементах, определяющих современные общества. Напряженности эти вызваны тем, что мутация происходит, флуктуируя между логикой кризиса и разложения и логикой воссоздания. Свой анализ Веверка ограничил современными западными обществами:

1. Эти общества не являются более индустриальными. Они должны ответить для себя на важный вопрос: будет ли в будущем труд оставаться центральным элементом, ядром человеческих ценностей?
2. Институты западного общества переживают кризис, испытывают сложности при социализации, поддержании социального порядка и справедливости, обеспечении солидарности и равенства. Но идет не только процесс “де-институционализации”, одновременно протекает и процесс

изменений. Институты трансформируются в соответствии с логикой жизни, – они должны стать более политическими, более способными иметь дело с экономикой, стать более открытыми для демократических отношений в рамках своих организаций.

3. Нация также является понятием, заслуживающим рефлексии. В 80-х гг. во многих странах нация проявляла себя как темная и расистская или ксенофобная реальность и как “воображаемая общность” гораздо чаще, нежели как реальность открытая, связанная с идеей демократии. Будет ли национализм господствовать в будущем, не станет ли понятие нации менее значимым?
4. Наблюдается рост культурных различий: мы должны признать, что даже более традиционные культуры не только воспроизводят себя, но и производят новые идентичности. Необходимо также принимать во внимание различные типы взаимоотношений между производством культурных идентичностей и социальными ситуациями – эксклюзиями, неравенствами и т.д.
5. Не является парадоксом следующее явление: в наших обществах существует тесная связь между процессами культурной декомпозиции и рекомпозиции, с одной стороны, и индивидуализмом – с другой. Значение этих связей в будущем будет расти.
6. Социальные и культурные изменения приводят к новым политическим дебатам, они означают возникновение новых требований к субъектам политических действий.

Профессор **Елена Знанецкая-Лопата** (Чикагский университет И. Лойолы), озаглавив свое выступление “*Космополитическое сообщество ученых*”, посвятила его анализу механизмов формирования профессиональных межличностных связей в мировой социологии. Она считает, что ученые из разных стран, работая совместно, должны быть свободны от националистических

ограничений и использовать вклад коллег вне зависимости от времени и места их деятельности. В создании международного сообщества ученых задействованы разноплановые способы контактов и индивидов, и групп вне зависимости от национальных и даже мировых идентичностей и лояльностей. Культура такого сообщества предполагает опору на нормы эгалитарного принятия идей вне зависимости от их источника.

Действующий президент МИС **Масамичи Сасаки** основоположниками социологической науки назвал Маркса, Спенсера, Тенниса, Дюркгейма.

Пытаясь сформулировать наиболее значимые профессиональные приоритеты современного социолога, он подчеркнул основополагающее значение трех следующих элементов:

- многоаспектный междисциплинарный подход при изучении современной социальной реальности;
- необходимость в любом исследовании опоры на теорию, которая, в свою очередь, базируется на эмпирических данных;
- безусловный приоритет науки перед политикой в любом виде профессиональной деятельности социолога.

Кстати, основной доклад Сасаки в соавторстве с **Тацуо Судзуки** назывался *“Международный язык в эру глобализации”* и был посвящен роли английского языка в современном мире. В докладе говорится, что, будучи локомотивом процессов глобализации, английский язык неизбежно приносит с собой и изначально англоязычное видение мира. Это ведет к “обангличаниванию” глобальных коммуникаций. В 1994-1998 гг. Токийский национальный институт языковых исследований провел сравнительное эмпирическое исследование в 18 странах, в котором среди прочих аспектов изучалась степень толерантности наций к английскому языку как внутри страны, так и в международном общении. На основании полученных данных была предложена следующая типология отношений разных стран мира к английскому языку:

А. Англоговорящие нации, которые считают, что господство

английского языка в мире – это благо.

- В. Не-англоговорящие нации, члены которых используют английский при общении с иностранцами и которые полагают, что господство английского языка в мире – это благо.
- С. Нации, чьи представители стремятся использовать родной язык при общении с иностранцами, и которые не думают, что господство английского языка в мире – это благо, однако считают, что альтернативы такому положению вещей нет.
- Д. Нации, чьи представители стремятся использовать родной язык при общении с иностранцами, они не считают, что господство английского языка в мире – это благо, и защищают более широкое использование других языков.

Президент Международной Социологической Ассоциации **Альберто Мартинелли** в своем выступлении отметил, что расширяющаяся в современном мире глобализация – это процесс неровный, наполненный разного рода напряженностями. Однако, по его мнению, международные научные, в частности социологические, организации должны помочь определить оптимальные пути развития в этих условиях. Сегодня в мире идет поиск сочетания универсального и индивидуального, поиск идентичности. Задача социологии – помочь построить мост между этими полюсами. Демократия создает необходимый контекст для решения этой задачи. Наука же помогает создавать ценности для демократии. Так, главными ценностями науки являются: самоуправление, ответственность, прогностичность.

Демократия имеет в своем активе значительные успехи. Однако и степень недоверия к демократии в современном мире растет. Сегодня налицо серьезный разрыв между гражданами, науками и социальными институтами. Помочь ликвидировать этот разрыв, если не полностью, то хотя бы значительно сократить его, – важная задача современной социологии.

В целом о социальной ориентированности МИС при поиске решений глобальных социальных проблем современного мира говорит

и приглашение на Конгресс с докладами двух почетных гостей – министра труда и социальных дел ФРГ Вальтера Риштера и экс-министра Израиля по делам абсорбции Яира Цабана.

Вальтер Риштер заявил о необходимости добиваться большей социальной партиципации граждан. И важнейшая социальная задача государства в этом плане – создать необходимые благоприятные условия. К их числу относятся: занятость, социальная защищенность. Своей личной заслугой Риштер считает то, что, по его оценке, здравоохранение в ФРГ является сегодня наиболее развитым и разнообразным, чем когда-либо прежде.

Согласно Риштеру, в настоящее время ключевым моментом социально-политических процессов в немецком обществе и вообще в Европе является социальная взаимозависимость, и для того чтобы продвигаться вперед в социальной сфере, необходима более интенсивная европеизация этой области. В первую очередь следует создавать соответствующую европейскую трехстороннюю индустриальную культуру. Она, в частности, подразумевает расширение свободы заключения коллективных договоров. Государство должно меньше вмешиваться в переговорный процесс.

Израильский экс-министр **Яир Цабан** считает, что в социальной сфере ключевым является вопрос: является ли правительственная практика реализацией определенной теории? Заявляет ли политик, занятый в социальной сфере, о своей верности определенным идеологическим принципам – вот главное ограничение государства всеобщего благосостояния. Сам Цабан гордится тем, что, будучи министром, он в течение одного года вдвое увеличил государственные расходы на науку, а также создал постоянный научный форум по проблемам миграции, атмосфера работы которого позволяла ученым влиять на формирование политики. Успешная социальная политика, по его мнению, может проводиться при трех неперемных условиях: 1) понимании премьер-министром ее значимости, 2) налаженных рабочих контактах с министром финансов, 3) при поддержке мощного и мобилизованного общественного мнения в стране.

Израиль гордится тем фактом, что с 1995 г. он занимает первое место в мире по доле валового национального продукта, выделяемого в государственном бюджете на нужды образования. Это сказывается, в частности, и на подготовке социологических кадров. Так, в Тель-Авивском университете, где походили заседания 34 Конгресса, по социологическим специальностям обучается пять тысяч студентов, а на всех социологических факультетах страны учится 60 000 будущих социологов.

8.5. Некоторые выводы

Одним из основных выводов, которые можно сделать по итогам 34 Всемирного конгресса МИС, является то, что страна-организатор подобного рода форумов, ее национальные научные центры значительно выигрывают от таких мероприятий: завязываются ценные контакты, накапливается ценная и самая свежая научная информация, собственные школы и ученые становятся известны профессиональному международному сообществу. Все мы помним тот положительный резонанс, который получило, например, проведение Мирового философского конгресса в Москве. В этой связи представляется не только актуальным, но и вполне реальным пригласить очередной, 35 Конгресс МИС в Россию. Это стало бы не только существеннейшей поддержкой отечественной социологии и обществоведения в целом, но и помогло бы мобилизовать международную поддержку в пользу более социально ориентированных вариантов решения актуальнейших проблем всего российского общества. Возможность для такой инициативы еще открыта.

Сокращающееся присутствие отечественных ученых на подобных встречах не имеет никаких серьезных оправданий. Даже лежащая на поверхности отговорка об отсутствии денег не совсем справедлива, так как контакты, завязывающиеся в кулуарах международных мероприятий, дают возможность либо получения

новых заказов, либо подготовки почвы для получения грантов или новых приглашений. Особенно необходимо присутствие на таких встречах научной молодежи, но, конечно же, достаточно хорошо и всесторонне подготовленной.

8.6. Вопросы и задания

1. Является ли социология общеметодологической наукой для всех других социальных наук?
2. Перечислите главные социально-политические проблемы современного мира.
3. Назовите ведущие социально-политические процессы нашего времени.
4. Какова роль средств массовой информации в современном политическом процессе?

8.7. Литература

Множественные современности в эру глобализации: взгляд из России: Материалы симпозиума (Москва, 31 марта 1999 г.) / Под ред. В.П. Култыгина, Ю.Г. Волкова. – М.: ИСПИ РАН, 1999.

Култыгин В.П. Социальное знание и реальность: противоречия в познании и развитии современного мира // Социологические исследования. – 1999. – № 12.

34th World Congress of the International Institute of Sociology.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Перспективы развития социологии в XXI веке

9.1. Инженерные возможности социального знания

Во второй половине XX века социальное знание вышло на уровень непосредственных социальных технологий. И, как всегда, в авангарде использования новейших достижений любых наук находится оборонная отрасль. Так называемое психотропное оружие основано на социальных закономерностях и достижениях, открытых представителями социальных дисциплин. Не упускают своего шанса и представители деловых кругов – торговли, бизнеса, предпринимательства. В настоящее время большая часть научных сотрудников, занятых в исследовательских и аналитических центрах транснациональных корпораций, – это представители различных областей социального знания. Активно используются достижения обществоведения и в идеологической сфере: ни одно, сколько-нибудь солидное и уважающее себя средство массовой информации не обходится без услуг социологов, психологов, антропологов.

Этот процесс практического использования знания социальных закономерностей в социально-инженерных целях можно проследить хотя бы на процедурах засекречивания новых достижений, получаемых в социальных науках. Вот лишь два примера. Известно, что американский обществовед Гарольд Лассуэлл на основе собственной социально-психологической модели политического лидера еще во время второй мировой войны составил по заданию Организации стратегических служб США (впоследствии – ЦРУ) два весьма объемных документа – политические портреты А. Гитлера и

И. Сталина. В обществоведение они стали классическими работами, дающими образец того, как академическое знание может привести к прогнозированию и даже манипуляции политическим поведением авторитарных лидеров национального масштаба. Однако и по сей день эти работы в США носят гриф “*strictly confidential*” и не доступны простому читателю. Причина очевидна - и сегодня с помощью этих средств реализуются задачи внешней политики государства, обладающего этой технологией.

Второй пример касается изучения социальных и психологических закономерностей массового поведения людей, участвующих в деятельности различных социальных движений. Пока результаты и выводы касались наиболее общих процессов, они широко публиковались в открытой печати. Однако к концу 60-х годов западные исследователи вышли на возможности контроля и манипуляции массовыми действиями. И сразу же публикации по этой тематике исчезли из открытой печати.

Как и в любых подобных случаях, новое знание, имеющее инженерное приложение, может не только решить актуальные социальные задачи, значительно облегчить и расширить деятельность людей, но и, при злонамеренном использовании, становится источником дополнительной повышенной социальной опасности. Каковы же в настоящее время области таких обоюдоострых применений нового социального знания? В первую очередь – это, конечно же, манипуляция общественным и индивидуальным сознанием людей, а также индивидуальным и массовым поведением. Сегодня детализированное знание в области этнологии и антропологии используется при манипулировании различными социальными конфликтами, в частности расовыми, этническими, религиозными. Широко используемый в художественной литературе, кинематографии термин “зомбирование” – это сегодня не только досужий вымысел фантаста, но и опасная социальная реальность. Но для того чтобы реально оценить возможности науки для социальной

практики, необходимо прежде всего разобраться с кардинальными методологическими проблемами современного социального познания. Обратимся к некоторым из них.

9.2. Потребность в интеграции социального знания

Главная задача общемирового процесса социального познания сегодня – это создать новую открытую культуру всей социальной науки. Эта новая культура должна находиться в рамках гносеологически воссоединенного мира знаний.

Знания можно разделить на три аспекта: интеллектуально – на научные дисциплины; организационно – на корпоративные структуры; культурологически – на общности ученых, разделяющих определенные общие посылки. Можно рассматривать научную дисциплину как некий интеллектуальный конструкт, определенное эвристическое средство. Это – способ определения так называемой области изучения со своим специфическим объектом, соответствующими методами и, следовательно, собственными границами. Она и называется дисциплиной, потому что стремится дисциплинировать интеллект. Дисциплина определяет не только то, что думать по конкретному поводу и как об этом думать, но также и то, что находится за пределами данного подхода. Сказать, что данный предмет является научной дисциплиной – это сказать не только, что это такое, но и чем этот предмет не является.

В первой половине XX века различные подразделения социальных наук утвердили себя и получили признание в качестве дисциплины. Все они утверждали себя способами, ясно подчеркивавшими, как они отличаются от других, соседних дисциплин. Результатом этого стало то, что остается мало сомнений, в рамках какой именно дисциплины написана данная книга или статья. Для этого периода характерно утверждение: “Это не социология, это экономическая история, или же это

политическая наука”.

Границы наук отражали дихотомии в подходе к объекту изучения. Интеллектуальная проблема, возникшая при использовании этих дихотомий, – это те изменения, которые произошли в мировой системе после второй мировой войны. А к 70-м годам на практике началось серьезное размывание границ этих дисциплин. Размывание это стало настолько экстенсивным, что сегодня невозможно уже больше отстаивать ни названия существующих дисциплин, ни их границы в качестве интеллектуально обоснованных или даже очень полезных.

Но названия, тем не менее, не перестали существовать. Более того, различные дисциплины задолго до этого институционализировались в качестве корпоративных организаций, в форме университетских факультетов, учебных программ, исследовательских институтов, научных степеней и званий, академических журналов, национальных и международных ассоциаций и даже библиотечных классификаторов.

Институционализация дисциплины – это способ сохранения и воспроизводства существующей практики. Она представляет из себя создание реальных сетей с собственными границами, сетей, которые принимают форму корпоративных структур, имеющих требования для вхождения в них и коды, необходимые для признаваемых путей вертикальной карьерной мобильности. Академические организации стремятся дисциплинировать не интеллект, но практику. Они создают границы гораздо более жесткие, нежели те, что созданы дисциплинами в качестве интеллектуальных конструкторов, и они могут пережить теоретические оправдания своих корпоративных пределов. В действительности они уже сделали это. Так, анализ социологии как организации в мире знания глубоко отличается от анализа социологии как интеллектуальной дисциплины.

Вызов социальным наукам пришел извне. Он начался с возникновением движения в рамках естествознания и математики,

которое сегодня называется теорией сложности. Наиболее радикально этот взгляд был изложен, в частности, Ильей Романовичем Пригожиным.

Сэр Джон Маддокс, многолетний редактор журнала “Nature”, отметил важное значение концепции Пригожина и предположил, что исследовательское сообщество многим обязано ему “за его почти одиночное занятие на протяжении более сорока лет проблемами несбалансированности и сложности” [Maddox John. Blurb on cover of Ilya Prigogine. *The End of Certainty*. – N.Y.: Free Press, 1997. Книга впервые была издана на французском языке в 1996 году под заголовком “La fin des certitudes”].

Хотя Пригожин является Нобелевским лауреатом по химии за работы по диссипативным структурам, он ввел два ключевых методологических понятия научного анализа: “стрела времени” и “конец определенностей”. Оба концепта стремятся опровергнуть наиболее фундаментальные допущения ньютоновой механики, которые, как полагает Пригожин, пережили даже ревизии, вызванные квантовой механикой и теорией относительности. Неньютоновы понятия энтропии и вероятности, конечно же, не появились в самое последнее время. Они лежат в основе химии, развивавшейся в XIX веке, и, по существу, оправдывают различия между физикой и химией.

Однако, с точки зрения физиков, обращение к таким понятиям показывает второстепенность химии. Химия была неполной наукой именно потому, что она была недостаточно детерминистской. А Пригожин не только отказался признать меньшие достоинства этих понятий, он пошел гораздо дальше. Он захотел доказать, что сама физика должна быть построена на этих понятиях. Пригожин, в частности, допустил, что необратимость является “источником порядка” и “играет фундаментальную и конструктивную роль в природе” [Ibidem. – P. 26-27]. Он дал ясно понять, что не хочет опровергнуть значимость ньютоновской физики. Однако эта область ограничена, поскольку “поддающиеся интеграции системы

являются исключением” [Prigogin I. The End of Certainty. – N.Y.: Free Press, 1997. – P. 108]. Большинство систем “включает как детерминистические процессы (между бифуркациями), так и вероятностные процессы (в выборе отраслей)” [Prigogin I. The End of Certainty. – N.Y.: Free Press, 1997. – P. 69], которые совместно создают историческое измерение, фиксирующее последовательные выборы.

Данная модель полностью инвертирует, переворачивает отношения социальных наук и наук естественных. Пригожин пишет: “Мы видим, что человеческое творчество и инноватика могут быть поняты как расширение законов природы, которые уже присутствуют в физике и химии” [Prigogin I. The End of Certainty. – N.Y.: Free Press, 1997. – P. 71].

Таким образом, Пригожин стремится воссоединить обществознание и естествознание, но не на допущении XIX века о том, что человеческая деятельность может рассматриваться просто как вариант еще одной физической деятельности, а на инвертируемой основе того, что физическая деятельность может рассматриваться как процесс творчества и инновации.

Несомненно, такой подход является вызовом нынешней научной культуре. Более того, Пригожин также говорит по поводу рациональности о “возвращении к реализму”, которое не является “возвращением к детерминизму” [Prigogin I. The End of Certainty. – N.Y.: Free Press, 1997. – P. 131].

9.3. Цели развития социального знания в XXI веке

В содержательном плане есть три наиболее вероятных и наиболее желаемых перспективы, ожидающие социальные науки в XXI веке:

- 1) гносеологическое воссоединение так называемых “двух культур”: естествознания и обществознания;
- 2) организационное воссоединение и перепрофилирование

социальных наук;

- 3) допущение того, что социальная наука займет центральное место в мире знания.

Каковы же выводы, вытекающие из проведенного анализа?

Прежде всего, один очень простой: сверх-специализация – от которой все социальные науки и, может быть, не только они одни – была как неизбежна, так и саморазрушительна. И тем не менее мы должны бороться против нее в надежде создать некий разумный баланс между глубиной и широтой знания, между микроскопическим и синтетическим видением социальной реальности.

Второй вывод не так давно сформулировал известный американский социолог Нейл Смелзер: существуют социологически наивные акторы [Smelser N.J. *Problematics of Sociology*. – Berkeley: UCLA Press, 1997. – P. 27]. Но существуют ли вообще социологически хорошо информированные акторы? Иными словами, рациональны ли они и какой мир они знают?

Социальные факты, с которыми мы имеем дело, являются социальными в двух смыслах: они обобщают восприятие реальности, более или менее разделяемое некой средней широкой группой, с различными оттенками для каждого индивидуального наблюдателя. И они одновременно являются социально сконструированными восприятиями. Здесь надо уточнить: важен не аналитик с его социальной конструкцией мира, но коллектив акторов, которые создали социальную реальность благодаря своим кумулятивным действиям. Мир находится в данном положении благодаря всему тому, что предшествовало данному моменту. Аналитик пытается разобраться, как данная коллективность сконструировала данный мир, используя, конечно, свое собственное социально сконструированное видение.

Несомненно, реальный мир существует. Но, с другой стороны, также верно то, что мы можем узнать мир только посредством нашего видения этого мира, коллективного социального видения,

конечно, но, тем не менее, человеческого видения. Это, очевидно, так же верно по отношению к нашему видению физического мира, как и по отношению к нашему видению социального мира.

В этом смысле все зависимы от “очков”, которые нами используются при восприятии мира, от организованных мифов, которые МакНейлл [McNeill W.J. *Mythistory and Other Essays*. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1986] называет “мифисторией”, без которых мы беспомощны что-либо сказать. Отсюда же вытекает, что не существует понятий, которые не были бы плюральными, что все универсалии являются частными и что существует множественность универсалий.

Из этого следует, что мы поступим мудро, если будем формулировать наши поиски в свете постоянной неопределенности. При этом рассматривать эту неопределенность надо не как неудачную и временную слепоту и не как непреодолимое препятствие на пути к знанию, но скорее как вызов, требующий от нас максимально проявить воображение, творчество, поиск. Плюрализм в таком случае становится не индульгенцией слабости и невежества, но зародышем возможностей для создания более совершенного мира.

Институционализация номинального разделения социальных наук сегодня исключительно сильна, несмотря на все попытки “междисциплинарного подхода”. Однако нет разумных утверждений, которые можно сделать в областях социологии, экономики или политологии, которые не являлись бы историческими. И не существует разумного исторического анализа, если не использовать обобщений, применяемых в других социальных науках.⁷

Но если сегодня ни один из существующих способов деления социальных наук на самостоятельные организации знания не имеет смысла, тогда что же делать? Отдельные ученые ищут коллег, с помощью которых создаются малые группы и сети, необходимые для проведения своей работы. И все больше такие сети не

обращают никакого внимания на ярлыки дисциплин.

Крайне важно, чтобы ученым, занятым в организационных исследованиях, было позволено широкое экспериментирование, и к их попыткам относились бы терпимо с тем, чтобы увидеть, какого рода организационные объединения могут сработать наилучшим образом.

В настоящее время для ученых, замкнутых в рамки конкретных дисциплин, очень важно интеллектуально открыться и признать наличие собственных шор. Читать сегодня надо гораздо больше, чем обычно читают обществоведы, и к этому же надо энергично поощрять студентов. Аспирантов необходимо рекрутировать из гораздо более широкого круга областей знания, чем это делается сейчас. И надо отводить им самим ведущую роль в определении того, в чем мы, ведущие ученые, можем им помочь.

Крайне важно изучать иностранные языки. Ученый, который не может читать на основных академических языках, серьезно ограничен в своих возможностях.

Со времен так называемого развода между философией и наукой, происшедшего в конце XVIII века, у социальных наук были неважные отношения как с естествознанием, так и с гуманитарными науками. Их критиковали со всех сторон в этой войне “двух культур”. Тогда обществоведы интернализировали свой имидж, предчувствуя, что у них нет иной судьбы, кроме как присоединиться или к естественникам, или к гуманитариям. Однако сегодня ситуация радикально изменилась. В физических науках существует сильное и растущее движение – теория сложности, которое говорит о стреле времени, о неопределенностях и полагает, что человеческие социальные системы являются наиболее сложными из всех систем. А в гуманитарных науках существует сильное и растущее движение – культурные исследования, которое полагает, что не существует каких-либо базовых эстетических канонов, и что культурные продукты имеют корни в самом своем социальном происхождении,

в социальном приеме и социальных искажениях.

Теория сложности и культурные исследования продвинули естествознание и гуманитарные науки в область социального знания. То, что раньше было центробежным полем сил в мире знаний, становится центростремительным полем, и обществоведение сегодня является центральным для всего человеческого мира знания. Мир в настоящее время находится в процессе попыток преодоления “двух культур”, попыток воссоединить в единую область поиск истины, добра и красоты. Но, конечно же, это будет очень трудный путь.

Знание перед лицом неопределенностей предполагает выборы разного рода, и, конечно же, в частности выборы, которые делают социальные акторы, среди них и ученые.

Сегодня уже невозможно даже притворяться, что ученые могут быть нейтральными, то есть отделенными от своей социальной реальности. Наше образование не подготовило нас к этому должным образом. Как только мы поймем, что функциональной реальности не существует, тогда, и только тогда, мы начнем достигать субстантивной рациональности.

Мир знания – это эгалитарный мир, то есть мир, в котором идея равенства является центральным принципом. И это обстоятельство является одним из самых значительных вкладов науки в развитие общества. Каждый имеет право бросить вызов истинности господствующих суждений при условии, что он представляет эмпирическое подтверждение своим контрсуждениям и выносит его на коллективную оценку.

Но этот энергичный упор на эгалитаризм в науке невозможен, неосуществим в неэгалитарном социальном мире. Политики возбуждают страх в ученых, и те находят безопасность в изоляции. Ученые боятся могущественного меньшинства, меньшинства у власти. Они боятся могущественного большинства, большинства, которое может прийти к власти.

Очень непросто будет создать эгалитарный мир. Тем не

менее, для того чтобы достичь цели, завещанной естествознанием, требуется создать гораздо более эгалитарный уклад, чем мы имеем сегодня. Борьба за равенство в науке и борьба за равенство в обществе – это не два разных процесса, это одна и та же борьба.

9.4. Вопросы и задания

1. Приведите примеры социально-инженерного использования социологического знания.
2. В чем состоят опасности практики социального манипулирования общественным сознанием и массовым поведением?
3. Какие вызовы бросает современная социальная практика процессу социологического познания?
4. Соответствует ли сложившаяся институционализация в науке задачам, стоящим перед современным обществом?
5. Как соотносятся между собой задачи, стоящие перед современным обществом, и задачи социального познания?

9.5. Литература

Култыгин В.П. Мировое социологическое сообщество на рубеже тысячелетия // Социологические исследования. – 1998. – № 12.

McNeill W.J. Mythistory and Other Essays. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1986.

Prigogine I. The End of Certainty. – N.Y.: Free Press, 1997.

Smelser N.J. Problematics of Sociology. – Berkeley: UCLA Press, 1997.

Wallerstein I. The Heritage of Sociology, the Future of Social Science. Report at the XIV World Sociological Congress. – Montréal: the ISA, 1998.

ГЛОССАРИЙ

Глобализация – процесс возрастания взаимозависимости всех стран мира, формирование фактически единой мировой социоэкономической системы хозяйства в современном мире.

Гражданское общество – в современной социальной теории гражданское общество противопоставляется государству и означает сложившуюся систему социальных отношений, основанную на саморегулировании, мобилизованную на отпор нелегитимным действиям государственного аппарата. Высшая ценность гражданского общества – свободное развитие и самореализация личности на основе стабильной демократии.

Закрытое общество (в противоположность открытому обществу) – это то общество, где лишь имитируется доступ к информации, а также гласность принятия решений.

Идентичность – само отождествление личности или группы с определенной социальной группой или системой ценностей.

Инклюзия – полноправная включенность личности или социальной группы в существующую систему социальных отношений без ограничения прав и социальных возможностей.

Критическая теория – реализация одной из важнейших функций социологии – указывать обществу на дисфункции, патологии, девиации в его развитии. Считается, что в наиболее полном виде эту функцию реализовала Франкфуртская школа социальной критики. Ее теоретики считают, что социальная теория всегда должна противостоять любой власти, даже самой демократичной и революционной, – только так возможно сохранение в обществе развивающего импульса.

Культурная травма – это разрыв некоторых социальных тканей и процессов, а также отношение общества, социальных

теоретиков к этому разрыву. При этом решающее значение имеет не сам разрыв, он может быть и безболезненным, но именно события, происходящие вокруг этого разрыва.

Культурные исследования (Cultural Studies) – область прикладных исследований на стыке социологии, социальной антропологии, других социальных наук, где предметом изучения являются ценностная система и образцы поведения конкретных страт с четкой социокультурной самоидентификацией.

Модерн – социальное ощущение состояния прогрессивных достижений общества, характерное для массового общественного сознания.

Нарратив – рассказ, устная передача историй, мифов, легенд, сказок – является главной языковой игрой в любом социуме, согласно концепции постмодерна.

Открытое общество – это общество, члены которого социально ответственны и контролируют социальные процессы на основе полного доступа к знанию, к информации, и на этой базе они принимают гласные решения.

Парадигма – система допущений, чаще всего латентных, не до конца осознаваемых, в рамках которой формулируется теоретическая концепция.

Плюралистический подход – в социологии означает отказ от попыток создать единую универсальную теорию, способную объяснить всё и отвергающую все предшествующие теории. Каждый методологический подход имеет свой предмет и, соответственно, с его помощью решается свой круг проблем. Впервые этот подход сформулировал в начале XX века М.М. Ковалевский, предложив вместо поисков главного социального фактора изучать комплекс, совокупность факторов. Принятие этого подхода привело к

окончанию периода “школ одного фактора”. В конце XX века Дж. Александер предложил отказаться от поиска единой универсальной социологической теории, квалифицированно применяя взамен этого существующие методологические подходы для наиболее оптимального решения четко определенных для каждого из этих подходов областей задач.

Постмодерн – концепция, основанная на представлении о том, что в современном обществе начались серьезные, возможно фундаментальные, изменения, отличающиеся от изменений, свойственных предшествующим фазам развития современной эпохи.

Симулякрум (мн. Симулякры) – в теории постмодернизма этот термин означает знак в конкретной социальной культуре, не имеющий никакого отношения к какой бы то ни было реальности; он является неким фантомом, используемым при навязывании социуму некой мифологической оценки действительности. Симулякрум – это имидж того, что не существует и никогда не существовало.

Социальное конструирование – термин, используемый рядом современных социальных теорий и обозначающий, что социальный субъект “подгоняет” в своем сознании окружающую его действительность под свою деятельность с помощью непрерывного конструирования значений и символов. При этом результатом этого конструирования становится как обыденное, так и научное социальное знание.

Социологическое воображение – термин, введенный Чарльзом Райтом Миллсом и означающий: 1) объективное социологическое осмысление происходящих в обществе процессов, 2) конструктивный поиск путей выхода из сложившихся социальных тупиков, 3) мобилизацию общественного мнения на преодоление социетальных патологий и девиаций.

Социотроника – название социологической концепции Алвина

Гоулднера, согласно которой выход из сложившихся социетальных патологий и девиаций может быть совершен исключительно с помощью информатизации современного общества, то есть накопления детальной информации по всем значимым социальным процессам, которая должна стать легко доступной для всех членов общества. Следовательно, главными акторами социального оздоровления становятся специалисты, непосредственно занимающиеся информатизационными, коммуникационными и компьютеризационными процессами.

Феноменология – одно из методологических направлений в социальной теории. Оно ставит целью описывать “жизненный мир” – акты сознания, основанные на непосредственном восприятии идеальных сущностей (феноменов), опираясь на интуицию. При этом как бы выводятся за скобки суждения о социальной структуре, и, таким образом, подобное исследование не связано с представлениями о причинно-следственных связях в социальном мире.

Фракционализация – чрезмерное, недостаточно оправданное дробление предметных областей научного анализа, доходящее иногда до малозначительных частных.

Эксклюзия – невключенность личности или социальной группы в систему значимых для них отношений, либо существенное ограничение их прав и возможностей в рамках значимой для них социальной системы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1998.
2. Социологический энциклопедический словарь на рус., англ., нем., фр., и чешском языках. – М.: Норма, 1998.
3. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. – М.: Academia, 1999.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999.
5. Гидденс Э. Социология. – М.: УРСС, 1999.
6. Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994, 1998.
7. История социологии в Западной Европе и США: Учебник для вузов. – М., 1999.
8. Американская социологическая мысль: Хрестоматия / Под ред. В.И. Добренькова. – М., 1996.
9. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М., 1993.
10. Современная западная социология: Словарь. – М., 1990.

МГСУ

В Московском государственном социальном университете подготовку высококвалифицированных специалистов для социальной сферы осуществляют:

Академия социальной работы – по специальностям «социальная работа и администрирование», «менеджмент социальной работы», «социальная педагогика», «социальная психология»;

Академия экономики и права – по специальностям «экономика труда», «финансы и кредит», «бухгалтерский учет, анализ и аудит», «юриспруденция», «туристический менеджмент»;

Академия социологии и управления – по специальностям «социология», «социальная антропология», «государственное и муниципальное управление», «социальная информатика»;

Гуманитарная академия – по специальностям «история», «философия», «прикладная политология», «журналистика», «социальная экология», «лингвист-переводчик»;

Академия охраны труда;

Академия информатики и информационных технологий;

Институт социального страхования;

Центр социальных исследований;

Центр международных связей (для иностранных студентов);

Факультет повышения квалификации (для работников территориальных органов социальной защиты);

Довузовская подготовка и дополнительное образование.

На время обучения студенты и аспиранты дневного отделения получают отсрочку призыва в армию! Обучение ведется за счет федерального бюджета и на контрактной основе!

**Выбирая МГСУ, Вы выбираете профессию,
востребованную временем и обществом!
В образовательном пространстве России МГСУ - это:**

- первый и единственный государственный вуз социального профиля, осуществляющий обучение по 63-м специальностям;
- классический университет, сочетающий фундаментальное образование в его лучших российских традициях с современными методиками и технологиями обучения;
- центр культуры и творчества, вся инфраструктура которого нацелена на раскрытие личностного потенциала преподавателей и студентов.

Научный престиж университета подтверждается на всероссийских и международных конференциях, симпозиумах, семинарах, в выполняемых госбюджетных, хоздоговорных и по грантам НИР, публикуемых учебниках, монографиях, научной периодике.

Учиться - это интересно!

32 тысячи студентов МГСУ учатся в удобных аудиториях, живут в уютных общежитиях, занимаются самообразованием в библиотечных залах, Интернет-центре, Интернет-кафе.

Обучение можно продолжить в очной и заочной аспирантуре (в МГСУ 7 диссертационных советов).

Дипломированные специалисты имеют возможность получить дополнительное образование. Функционирует экстернат.

**Наш девиз, внесенный в герб МГСУ, –
Профессионализм-Ответственность-Престиж**

Оснащенные спортзалы, свой стадион, аллеи лесопарка – все это для тех, кто любит спорт! Диапазон – от шахматного турнира до футбольного матча. В составе университетских спортивных команд – чемпионы Европы и мира среди юниоров,

Дворец культуры МГСУ. Любимое место студенческих посиделок – бар.

Каникулярное и отпускное время можно провести в университетском санатории

«Руза». Студенты-отличники поощряются туристическими поездками, путевками в дома отдыха и пансионаты.

Здоровье студентов – забота профкома и медпункта.

В социальном университете каждый ощущает социальную защищенность, внимание и заботу.

МГСУ – это не только Москва!

Это 52 филиала на территории России плюс 8 Международных центров социального образования (на правах филиалов МГСУ) в СНГ и Балтии!

Это тесное сотрудничество с десятками вузов и образовательных центров в России и за рубежом!

Это научные контакты с 15 зарубежными университетами и научно-исследовательскими центрами, регулярный обмен студентами и аспирантами!

Это членство в Межуниверситетском консорциуме по международному и социальному развитию и Европейской ассоциации школ социальной работы!

**За Вами – выбор, за нами – гарантия
качества Вашего образования и профессионального успеха!**

Учебное издание

КУЛТЫГИН В.П.

**СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ**

Корректор Лазуткина Л.В.

Верстка Левковская Е.А.

Изд. лиц. №020658 от 25.02.98. Подписано в печать 05.04.00. Формат бумаги 60x84¹/₁₆
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 0,6. Усл. печ. л. 9,3. Заказ № 532. Тираж 1000

Издательство МГСУ «Союз», 107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, вл. 24

Отпечатано

Издательско-полиграфический комплекс МГСУ «Союз»,
107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, вл. 24